

В. Н. Токмаков

**Армия
и государство
в Риме:**

**от эпохи царей
до Пунических войн**

учебное пособие

АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПО ИСТОРИИ

В. Н. ТОКМАКОВ

**А Р М И Я
И ГОСУДАРСТВО
В Р И М Е :**

**ОТ ЭПОХИ ЦАРЕЙ
ДО ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

УДК 94(37)(075.8)
ББК 63.3(0)323я73-1
Т51

Токмаков В. Н.

Т51 Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн : учебное пособие / В. Н. Токмаков. — М.: КДУ, 2007. — 264 с.

ISBN 978-5-98227-147-1

Целью спецкурса является изучение основных принципов и этапов генезиса в раннем Риме гражданской общины и государства во взаимосвязи с развитием римской военной организации. Особое внимание уделяется развитию военного центуриатного строя вплоть до его превращения в форму политической организации гражданского коллектива. Выявляются историческое значение воинских сил как одной из главных предпосылок расцвета могущества Рима и превращения его в мировую державу, а также роль военной организации в целом в развитии римского права, своеобразии римских сакральных институтов и в формировании специфических черт римского государства как военизированной гражданской общины.

Спецкурс основан на общем курсе «История Древнего Рима» и учебнике «История Древнего Рима» (под ред. В. И. Кузищина), он рассчитан на студентов университетов, гуманитарных вузов, а также вузов иного профиля с преподаванием истории Древнего мира.

УДК 94(37)(075.8)
ББК 63.3(0)323я73-1

ISBN 978-5-98227-147-1

© Токмаков В. Н., 2007
© Издательство «КДУ», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Пояснительная записка.....	5
Программа спецкурса	9
Тематический план спецкурса	34
Лекции	37
Тема 1. Вопросы источниковедения и историографии	37
Источники	38
Европейская и российская историография архаического Рима XIX–XX вв.....	43
Тема 2. Реформа Сервия Туллия: традиция и история	52
Римское куриатное ополчение – от Ромула до Сервия Туллия	53
Реформа Сервия Туллия по данным традиции.....	56
Аутентичность данных традиции о Сервианской реформе.....	59
Тема 3. Трансформация центуриатного строя в первый век республики.....	67
Первоначальная структура сервианского общества и войска.....	68
Время проведения реформы Сервия Туллия	72
Проблема «куриатной реставрации» начала V в. до н. э.	75
Тема 4. Утверждение Сервианской конституции: от царей к республике.....	81
Судьба реформы Сервия Туллия в правление Тарквиния Гордого	81
Установление республики: торжество центуриатной конституции или «патрицианская реакция»?	86
Тема 5. Расширение военной организации и эволюция понятия “ <i>populus</i> ”	89
Содержание понятия “ <i>populus</i> ” в исторической перспективе	90
<i>Populus</i> в постсервианский период	97
Тема 6. Социальный базис центуриатного строя в V–III вв. до н. э.	101
Патриции в центуриатной конституции	101
Плебеи как «военное сословие»: борьба за центуриатный строй	108
Тема 7. Военная организация и «борьба сословий»: от плебейских сецессий до реформ Аппия Клавдия Цека.....	110
Первый этап борьбы плебеев за гражданское равноправие	110
Законы XII таблиц и 2-я военная сецессия плебеев: торжество центуриатной конституции.....	114
От закона Канулея до реформ Аппия Клавдия Цека	120
Тема 8. Система комплектования центуриатного войска	124
Механизм набора войск в ранней Республике.....	125
Базис комплектования войска в ранней Республике: от центурий к трибам	130

Тема 9. Боевые порядки центуриатной фаланги ранней Республики	135
Тактическое деление римского войска	136
Боевое построение центуриатной фаланги	140
Тема 10. От центуриатной фаланги к манипулярному легиону	145
Манипулярный легион	145
Виды и категории воинов	152
Тема 11. Военная организация Рима в сакрально-правовом аспекте	156
Развитие военного права и эпоха архаики	157
Военный империй и власть военачальника	160
Ритуалы подготовки к войне в раннем Риме	165
Тема 12. Воинская дисциплина и политическая роль войска	170
Воинская присяга и проблема взаимосвязи воинов и гражданской общины	170
Войско как субъект политической борьбы и жизнедеятельности в раннем Риме	173
Тема 13. Комиции в рамках центуриатной военной организации	181
Центуриатные комиции как политическое зеркало военной организации	182
Выборные прерогативы и место центуриатных комиций в системе народовластия	189
Центуриатные комиции и военные дела	193
Роль куриатных комиций в Сервианской военной организации	196
От <i>concilium plebis</i> до трибутных комиций	200
Тема 14. Консулы как верховные командующие ранней Республики	203
От военных преторов к общегражданским магистратам	203
Место консулата в политической системе	209
Тема 15. Происхождение и военные прерогативы раннеримской диктатуры	213
Социально-политические условия возникновения диктатуры	214
Власть и компетенция диктаторов	217
Цели введения диктатуры и ее историческая роль	219
Тема 16. Институт верховного распоряжения военной организацией. Римский сенат ранней Республики	224
Военные прерогативы и взаимоотношения сената и верховного командования	225
<i>Auctoritas patrum</i> как основа власти сената	232
Выводы	237
Рекомендуемая литература	242
Приложение	259
Предлагаемые темы рефератов и курсовых работ	259
Контрольные вопросы к зачету	260

ВВЕДЕНИЕ

Пояснительная записка

Войско и народ — как две стороны одной медали — всегда, во все времена составляли суть общества, государства, цивилизации и находились друг с другом в диалектическом единстве и борьбе. Применительно к истории Древнего Рима этот тезис приобретает особую значимость и универсальность, ведь мощная римская военная организация представляет собой удивительный феномен мировой цивилизации. Возникнув в глубокой древности и пронизав все римское общество, все его социально-политические и правовые институты, военная организация наложила свою печать на римский менталитет и блестяще проявилась в уникальном военном искусстве. Этот феномен не подвергался сомнению самими древними, тем меньше этих сомнений возникает у нас, ибо мы вооружены знаниями о последующих эпохах. И в Средние века, и в Новое время военное искусство развивалось в русле, пройденном римлянами, чьи военные принципы пережили Вечный город.

Отдельных успехов на этом поприще достигали спартанцы и афиняне, не будем забывать о македонской фаланге Александра Великого при Иссе и Гавгамелах и о талантах Ганнибала при Требии и Каннах. Но именно римлянам выпало судьбой создать универсальную военную систему. Славу Эллады, как мы знаем, составили высокое искусство, философия и бессмертные достижения политического гения, которые наглядно проявились в феномене демократии. Величие же Рима, при всех прочих условиях, покоится на его военной организации.

С поразительной точностью и подкупающей краткостью резюмировал эту уникальность Рима историк времен империи Валерий Максим (Val. Max. II. 8): «Военное искусство (*disciplina militaria*), энергично упражняемое, стяжало римскому владычеству верховенство в Италии, даровало управление множеством городов, великими державами, могущественнейшими народами, распахнуло пролив в Понтийское море, взломало запоры к горам Альп и Тавра и превратило исток из крохотной хижины Ромула в вершину над всем кругом земель».

Римская военная организация послужила одной из основных предпосылок расцвета могущества Рима и превращения его в мировую державу. Но она сама была плодом длительного исторического развития. Причем развития, которое происходило синхронно с социально-экономической, политической и правовой эволюцией всего общества и гражданства. Даже в I в. до н. э., во времена поздней Республики и ранней Империи, когда военная организация достигла своего классического вида, знаменитые «железные» легионы Гая Мария, Гнея Помпея и Гая Юлия Цезаря сохраняли ряд черт и пережитков более древней эпохи, и прежде всего архаического Рима.

Итак, темой курса будет не вся эпоха республики, а только ее часть – период архаики и ранней Республики (VI–III вв. до н. э.), который весьма продолжителен не только по времени, но и по значению. Исследователи обычно лишь бегло упоминают об этом периоде, считая его, так сказать, предысторией великой римской державы эпохи поздней Республики или Империи. Но убежден, что ранний период в истории Рима был не менее важен и интересен, чем время зрелости.

Ведь зрелость – это словно распутившийся роскошный цветок, в нем уже проявлены все возможности и скрыты элементы увядания.

Эпоха архаического Рима — это еще не раскрытый бутон, который таит в себе очарование тайны будущих красот и свершений. А исследовать истоки, угадывать зародыши будущего, как бы заново моделировать его, на мой взгляд, интереснее созерцания уже готовой конструкции. Но как характер ребенка закладывается в детстве, так и (если можно так выразиться) «характер» государства, цивилизации формируется в период его становления. А именно в архаическом Риме, т. е. в период царей (VIII–VI вв. до н. э.) и особенно в ранней Республике (V–III вв. до н. э.), зарождалась воинская система и формировались основы военной организации, которые определили ее эволюцию на века вперед. Именно в эту эпоху военная активность Рима стремительно нарастает. Военное искусство гражданской общины оттачивается в непрерывных войнах, характерных для стадии классообразования. Военизированность гражданства достигает своего апогея, полностью подчиняя себе генезис раннеримского государства (*civitas*) и экономическое развитие, питавшееся за счет расширения земель путем военных захватов. Более того, милитаризация жизни и конституции общества подчиняет своему влиянию его духовную, религиозно-идеологическую жизнь, связанную главным образом с обслуживанием сакральных и правовых норм военной организации.

Сразу отметим, что вся эта бурная эпоха проходит под знаком развития центуриатной конституции, которая коренным образом переустроила все архаическое общество и стала теми дрожжами, на которых взросло раннеримское государство. Поэтому изучение военных и правовых аспектов центуриатного строя логично составляет основное содержание данного курса и закономерно определяет его хронологические рамки. Они открываются периодом зарождения центуриатного войска в середине VI в. до н. э. в результате реформ шестого римского царя Сервия Туллия (578–534 гг. до н. э.). После изгнания из Рима последнего царя, Тарквиния Гордого (или Суперба), и установления республиканской формы правления в 509 г. центуриатное войско впервые обретает политические функции. Оно становится ареной напряженных внутренних конфликтов между патрициями и плебеями и инструментом внешней агрессии, направленной на завоевание Центральной Италии в VI–IV вв. до н. э.

Полтора столетия главным противником Рима были этруски, особенно город Вейи. Римляне вели войны с этрусками в середине

VI в. до н. э. при Сервии Туллии и длительную борьбу на истощение в 70-е гг. V в. до н. э. В ходе этой войны римляне потерпели разгром Фабиев на реке Кремера в 478 г. до н. э. Наконец, в 396 г. до н. э., после десятилетней осады, Марк Фурий Камилл захватил и разрушил ненавистный город, обезопасив Рим с севера. Лишь в течение IV–III вв. до н. э. римлянам удалось установить контроль над Этрурией. Дважды, не считая мелких стычек, раздражались войны с латинами за господство Рима в Лации. Первая происходила в 501–493 гг. до н. э. и закончилась равноправным союзом Рима с Латинской лигой. Вторая велась уже в 340–338 гг. до н. э. Ее итогом стало полное подчинение Риму Лация. Наконец, во второй половине IV в. до н. э. трижды вспыхивали длительные войны с самнитами (343–290 гг. до н. э.). Они шли с переменным успехом. Были и победы, и тягостный разгром римлян в Кавдинском ущелье в 321 г. до н. э. Но результатом этих войн стало установление господства римлян над Самнием и Кампанией, а после войн с эпирским царем Пирром в начале III в. до н. э. власть римлян распространилась на всю Южную Италию. Сложно даже перечислить бесконечные войны и ежегодные стычки римлян в V в. до н. э. с племенами Центральной Италии: вольсками, сабинянами, фалисками, герниками, эквами, а в IV в. до н. э. — пришельцами из Северной Италии — галлами.

В ходе этих войн изменялась и сама центуриатная организация. С первой половины IV в. до н. э. на политической арене на первый план выдвигается трибунное народное собрание. Во второй половине века войско переходит к так называемой манипулярной тактике и легионной боевой структуре. Центуриатная система в итоге перестает быть преимущественно военной и превращается в форму политической организации гражданского коллектива. Весь этот сложный комплекс социальных, конституционных, правовых и военных аспектов знаменует переход римской военной организации на качественно новую ступень как института государства. А это обстоятельство ставит объективно предел предмету данного курса.

Под **военной организацией** понимается совокупность социальных отношений, политических институтов и структур, а также правовых норм и конституционных установлений, которые направлены на формирование, обслуживание, обеспечение легитимности и управления воинскими силами общества. Таким образом, собственно войско, его структура и боевая тактика, предстает важней-

шим, но не единственным компонентом всего комплекса военной организации.

Следует учесть также, что в развитом обществе армия как бы отрывается от основной массы народа, становится государственным институтом и создается иллюзия ее аполитичности. Напротив, на ранних стадиях развития человечества, как показывает история многих цивилизаций, военная система практически совпадает с социополитической организацией, а войско – со всем народом. Исходя из этого, воинские силы архаического Рима именуется «войском». «Армия» же представляет собой регулярный вооруженный контингент, который характерен для уже сложившегося государства, и является инструментом политики господствующих в государстве сил и социальных групп.

Учитывая все сказанное, центральной задачей курса является раскрытие взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлияния войска и военной организации в целом с раннеримской гражданской общиной. Поэтому нам придется рассмотреть сложившуюся в VI–III вв. до н. э. социальную структуру Рима, так как она обусловила состав центуриатного войска.

Как известно, связь военной организации с обществом и отдельным гражданином проявляется через институт комплектования воинских сил. Поэтому он также окажется в сфере нашего внимания. Не менее важно определить место военной организации в римской конституции и среди сакрально-правовых институтов. Общеизвестно также, что тот, кто владеет войском, владеет и всем обществом. Поэтому в завершение курса мы обратимся к институтам верховного командования и верховного распоряжения войском. Первые (консулат, диктатура) определяют характер и способ деятельности войска, а вторые формируют цели и объекты применения войск в интересах той или иной социальной группы или всего социума.

Программа спецкурса

Изучение характера, развития и составных компонентов военной организации Рима периода архаики во взаимосвязи с генезисом раннеримского государства (*civitas*) – основное содержание спецкурса. Войско и народ в диалектическом единстве. Вклад римлян

в развитие военного искусства. Римская военная организация как феномен мировой цивилизации, ее влияние на социально-политические и правовые институты. Военная организация римлян — одна из предпосылок расцвета могущества Рима и превращения его в мировую державу.

Длительный период исторического развития военной организации, его синхронность с политической эволюцией всего общества. Зарождение и формирование основ военной организации в период архаики и до Пунических войн (VIII — начало III в. до н. э.).

Связь военной организации с развитием центуриатного строя. Хронологические рамки центуриатного строя: от реформы царя Сервия Туллия (середина VI в. до н. э.) до перехода римского войска к манипулярному строю во второй половине IV в. до н. э. и окончательного превращения центуриатного устройства в форму политической организации гражданского коллектива (середина III в. до н. э.).

Понятие «военной организации» как совокупности социальных отношений, политических институтов и правовых норм, которые направлены на формирование, обслуживание, обеспечение легитимности и управления воинскими силами общества. Войско как важнейший компонент всего комплекса военной организации. Отличие войска от армии — регулярного вооруженного контингента государства. Институты верховного командования и распоряжения воинскими силами.

Тема 1. Вопросы источниковедения и историографии

Источники

Расширение круга источников в течение XX в. Введение в научный оборот новых видов источников: археологических, эпиграфических, лингвистических. Надпись из Сатрика, раскопки на римском Форуме, Эсквилине и этрусских гробниц. Подтверждение достоверности сведений письменной традиции.

Письменная традиция — основной вид источников по истории архаического Рима и военной организации. Сочинения Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Цицерона, Плутарха, Диона Кассия, Авла Геллия, Саллюстия Криспа, Валерия Максима, Луция Аннея Флора. Данные поздних античных авторов: Феста, Аврелия Виктора, Макробия, Зонары, Исидора Севильского, Иоанна Лида, грамматика Сервия Гонората и др. Памятники римского права о военной

организации и военном праве: «Дигесты», «Институции» Гая, труды Ульпиана, Павла, Кодекс Юстиниана.

Особенности комплексного анализа письменных источников. Проблема подлинности данных традиций, адекватности отражения ею реальности и вторичной интерпретации исторического факта. Сравнительно-исторический анализ источников — основной метод исследования социально-политических и военных процессов в раннеримском обществе. Преодоление наследия гиперкритицизма в антиковедении при изучении древнейшей римской истории. Восстановление доверия к данным источников при дальнейшем углублении их внутренней критики.

Европейская и российская историография архаического Рима XIX–XX вв.

Зарубежная историография. Характеристика основных школ и направлений в исследовании зарождения и развития раннеримского государства (*civitas*). Труды основоположника критического метода Бартольда Нибура, крупнейшего романиста XIX в. Т. Моммзена, Г. Генца, Дж. Ботсфорда и представителей гиперкритицизма в первые десятилетия XX в.: Э. Пайса, А. Розенберга, К. Белоха, Ф. Альтхайма.

Исследования в 30–50-е гг. XX в. связи центуриатной организации с войском в работах П. Фраккаро, М. Нилльсона, Х. Лэста, А. Момильяно. Послевоенное развитие романистики в трудах итальянских ученых Г. Де Санктиса, Ф. Де Мартино, Р. Парибени, С. Маццарино, П. Де Франчиши и др. Развитие внимания к социальным и правовым аспектам раннеримской истории в современных работах Р. Палмера, Й. Блайкена, У. фон Любтова, Ж.-К. Ришара, Ж. Эргона, Э. Перуцци, Кр. Ханелла, В. Кункеля и др. Военные вопросы и реконструкция вооружения П. Коннолли, Э. Гьерстадом и др.

Отечественная историография. Труды по раннеримской истории и военно-политическим институтам ученых XIX в.: Д. Азаревича, Ю. Кулаковского, И. В. Нетушила, И. А. Покровского. Разработка тем классового образования, развития социальных отношений и государства в трудах историков советского периода: С. И. Ковалева, Н. А. Машкина, Н. Н. Залесского, А. И. Немировского, Е. М. Штаерман. Новые концепции генезиса раннеримского полиса, происхождения и борьбы патрициев и плебеев, аграрных и военных проблем

ранней Республики в трудах И. Л. Маяк. Изучение системы римских магистратур и правовой конституции республиканского Рима в работах В. В. Дементьевой. Исследования военных и правовых вопросов Е. А. Скрипилевым, А. И. Игнатенко и др.

Развитие историографии — от абстрактного реконструирования схем к осознанию важности комплексного изучения военной организации.

Тема 2. Реформа Сервия Туллия: традиция и история

Римское куриатное ополчение от Ромула до Сервия Туллия

Возрастание роли войны в Риме на этапе разложения родоплеменной общины. Оформление родового ополчения и органов управления общиной в эпоху правления Ромула (первая половина VIII в. до н. э.). Характер и куриатная основа комплектования общинного ополчения.

Возникновение и сущность курий как замкнутых групп сородичей. *Паги* — земельные владения курий. Формирование куриями своих воинских отрядов по кровнородственному принципу. Длительность процесса образования тридцати курий и их постепенное объединение в более крупные родовые единицы — три *гентильные трибы* (племена): Тиции, Рамны и Луцеры.

Фиксация числа курий и триб во времена Ромула — признак разложения родоплеменной общины и трансформации ее в соседскую. Завершение процесса прекращения принятия новых родов в курии при царе Анке Марции (вторая половина VII в. до н. э.). Типологическое различие римской курии и греческой фратрии.

Военная направленность реформ Ромула как завершение этапа конституирования органов и традиций так называемой военной демократии — высшей стадии развития родового строя. Превращение курий в тесные объединения патриархальных родов с обособляющимися фамилиями. Полноправные члены курий — патриции. Особое положение в куриях способных носить оружие мужчин — членов куриатного народного собрания (*comitia curiata*). Воплощение в досервианской курии органического единства базиса комплектования куриатного войска и собственно войсковой единицы — *куриатного отряда*.

Набор римской конницы по трибам — отражение более позднего этапа развития, смены родовой общины соседской. Равное участие всех членов курий в войске и народном собрании (комициях) — ус-

ловие слияния новых родов переселенцев со старыми в единый *Populus Romanus Quiritium* (или *Quirites*).

Сильные стороны куриатного ополчения в царский период: простота набора непостоянных по численности куриатных отрядов и их лояльность общине и вождю. Слабые стороны: замкнутость родового коллектива, зависимость численности войска от воспроизводства мужской части населения общины. Тормозящая роль куриатного принципа комплектования воинских сил во время войн с этрусками в VII–VI вв. до н. э.

Реформа Сервия Туллия по данным традиции

Внутренние и внешние причины преобразования римского войска в эпоху правления царя Сервия Туллия (578–534 гг. до н. э.). Сведения Ливия, Дионисия Галикарнасского, Цицерона и других древних авторов о Сервии Туллии и его реформе. Учреждение ценза и разделение населения Рима на пять цензовых (имущественных) разрядов (классов). Разное количество центурий пешего войска, выставляемых каждым разрядом. Деление разрядов по возрастам (юниоры и сениоры). Вооружение воинов каждого разряда и их место в боевом строю. Новое административное деление Рима на территориальные трибы. Учреждение нового типа народных собраний по центуриям — *comitia centuriata*. Связь политического перевеса центурий первого разряда и всадников над центуриями всех остальных разрядов с правом-обязанностью общинника нести военную службу в новом центуриатном войске.

Объединение в центуриатном войске патрициев и плебеев — важнейший результат реформы Сервия Туллия.

Аутентичность данных традиций о Сервианской реформе

Гиперкритические теории о недостоверности античной традиции по центуриатному устройству Рима: отрицание денежного исчисления ценза граждан и регламентации вооружения цензовых разрядов.

Археологические данные о применении денег в Риме VI–V вв. до н. э. (*aes grave*, *aes signatum*, *aes liberale*, монет греческих колоний). Свидетельства о высоком уровне развития товарных отношений в период ранней Республики.

Достоверность времени проведения Сервианской реформы в середине VI в. до н. э. Политические, социальные и военные условия. Войны с этрусками. Отсталость куриатного ополчения. Формирование

сложения «средних собственников», крестьян из зажиточных патрициев и плебеев — основы гоппитской фаланги.

Включение в ценз всего состояния общинника вместе с земельным наделом и движимым имуществом. Сущность трибута как взноса гражданина на приобретение себе оружия согласно его месту в боевых порядках войска. Связь ценза, трибута и способности военнообязанного общинника обеспечить себя вооружением. Централизованное распределение оружия воинам из арсенала общины.

Распространение гоппитского вооружения в Центральной Италии и Риме в эпоху архаики. Археологические типы вооружения. Адекватность ценовой классификации сервианских разрядов началу проведения реформы.

Проблема заимствования римлянами этрусского воинского строя — фаланги. Теории (К. Белох, Эд. Мейер, Х. Скаллард) о политическом, экономическом и религиозном подчинении Этрурией Рима в VI в. до н. э. в связи с правлением так называемой «этрусской династии». Самобытность социального и культурного развития Рима. Создание внутренних предпосылок для преобразований в военной и политической сферах.

Сущность и значение реформы Сервия Туллия. *Центуриатная реформа* — важнейший этап на пути генезиса римского государства (*civitas*).

Коренное отличие центуриатной системы от греческой *тимократии* — сохранение куриатной родовой организации. Военная направленность реформы Сервия Туллия. Создание качественно нового типа войска, введение фаланговой тактики, воплощение военно-политического единства общины в новом центуриатном собрании граждан, независимо от родовой принадлежности. Войско как стержень развития всего раннеримского общества.

Тема 3. Трансформация центуриатного строя в первый век республики

Первоначальная структура сервианского общества и войска

Вопрос об общем числе сервианских центурий и первоначальном количестве ценовых разрядов. Связь *classis procincta et clipeatos c exercitus armatus*. Тождество *classis* (позднее — 1-й разряд) с тяжеловооруженным войском — гоппитской фалангой. Категория *infra clas-*

set — вспомогательные и легковооруженные войска, сражающиеся вне фаланги.

Разделение общего числа центурий *infra classem* на четыре ценовых разряда в течение первой половины V в. до н. э. в ходе борьбы патрициев и плебеев. Военные причины политического преобладания фаланги (*classis*) по числу центурий над вспомогательными частями *infra classem* с численно более крупными центуриями.

Постоянный и стабильный со времен Сервия состав центуриатного войска и комиций из 193 центурий. Реформа центуриатных комиций во второй половине III в. до н. э. и превращение центурий в подразделения территориальных триб.

Отсутствие в центуриатной конституции деления на сословия. Категории римского населения по Законам XII таблиц: *assidui* и *proletarii*. Связь между *ассидуями* и *locupletes* (владельцы земельных наделов). *Ассидуи* («дающие ассы») — полноправные землевладельцы, члены ценовых разрядов (*classici*), несущие военную службу.

Время проведения реформы Сервия Туллия

Теории (М. Нилльсон, Г. Де Санктис, К. Белох, Дж. Самнер, А. И. Немировский) о проведении реформы Сервия Туллия в IV–III или на протяжении V в. до н. э. и свидетельства источников о достоверности развития центуриатного войска и функционировании центуриатных комиций с VI до середины V в. до н. э.

Начало сословной борьбы патрициев и плебеев после центуриатной реформы ради достижения правового равноправия в центуриатной общине, а также ради принятия в ценовые разряды более широких масс плебеев. Оформление сословий в период 2-й сецессии плебеев и создания Законов XII таблиц (середина V в. до н. э.).

Проблема «куриатной реставрации» начала V в. до н. э.

Версии о походе 306 представителей рода Фабиев против этрусского города Вейи и их разгроме на р. Кремере в 478 г. до н. э. Современные критические штудии о господстве в Риме куриатного строя в начале V в. до н. э. и конкретные данные источников о развитии фаланги. Попытка патрицианской «куриатной реставрации» в первой четверти V в. до н. э. Экономический и военный упадок Рима после свержения царской власти.

Всплеск родоплеменных пережитков на этапе утверждения центуриатного строя и перехода к государству. Противоречия куриатных устоев патрицианской общины и военной цензовой организации как катализатор складывания гражданского общества (*civitas*).

Длительный период проведения реформы Сервия Туллия: от создания нового войска к преобразованиям общественно-политической структуры. Революционный характер центуриатной реформы.

Тема 4. Утверждение Сервианской конституции: от царей к республике

Судьба реформы Сервия Туллия в правление Тарквиния Гордого

Борьба за сохранение и развитие «наследства Сервия Туллия» в конце VI – первые десятилетия V в. до н. э. Начало противостояния патрициев и плебеев после проведения реформы Сервия Туллия.

Продолжение Тарквинием Гордым основных направлений преобразований Сервия Туллия. Усиление царской власти за счет ущемления прав патрициев, опора царя на войско и расширение социальной базы за счет включения в военную организацию плебеев. Аграрная и строительная деятельность Тарквиния Гордого. Успешная внешняя политика царя и попытки расширить состав римского гражданства путем привлечения в войско новых масс населения Лация.

Установление республики: торжество центуриатной конституции или «патрицианская реакция»?

Причины и сущность свержения царской власти и установления аристократической республики в 510 г. до н. э. Верхушечный и военный характер заговора. Необходимость привлечения патрициями плебеев для свержения царей.

Резкое возрастание роли центуриатного войска в политико-правовом конституировании новой власти. Превращение войска в политический институт. Избрание первых консулов в центуриатных комициях. Реализация центуриатным войском прав верховного суверенитета общины.

Экономические уступки плебеям. Закон Валерия Попликолы о провокации (праве обращения осужденного на смерть гражданина к центуриатному собранию). Возобновление действия в начале республики «священных законов» царей о правах плебеев. Невоз-

возможность восстановления куриатно-родового строя. Начало прямой конфронтации патрицианской общины и центуриатной военной организации.

Тема 5. Расширение военной организации и эволюция понятия “*populus*”

Содержание понятия “*populus*” в исторической перспективе

Терминология плебса, патрициев и *populus* у античных авторов. Теории о содержании понятия “*populus*” в архаическом Риме: *populus* – весь народ, включая плебеев. Данные «Дигест», Гая, Феста, Авла Геллия. Определение понятий «патриции» и «плебс». Их связь с понятием «гражданство» (*cives*).

Сведения Феста о *scitum populi* как решении народа, а не плебса – подтверждение однородного патрицианского характера *populus* в архаическом Риме. Куриатная организация – олицетворение изначальной римской общины в изменяющихся исторических условиях.

Трактовка фрагмента Феста о *pilumnoe poploe*. Обозначение термином *populus* коллектива граждан, объединенных воинской службой в общинном ополчении (военной организации). Совпадение в царский период патрицианской куриатной организации с понятием военного *populus*. Распространение понятия *populus* на куриатные комиции.

Теории о происхождении плебеев: социальная – слой рядовых общинников, «простонародья» в противопоставлении знати (патрициям); этническая – покоренные и переселенные в Рим сабиняне или этруски; этнополитическая – переселение в Рим царем Анком Марцием (конец VII в. до н. э.) жителей латинских городов без предоставления гражданства. Возникновение плебса как особой прослойки поселенцев, не принятых, в отличие от более ранних переселений, в курии. Отсутствие у плебеев гражданских прав и доступа к «общественной земле» (*ager publicus*). Исключение плебеев из военной организации в досервианский период.

Социальные, сословные и правовые различия между патрициями и плебеями. Правовой признак плебейских родов – положение вне курий. Закрытие плебеям доступа к участию в деятельности

куриатной организации и общественных священнодействиях. Их родовое неполноправие. Включение плебейских родов в курии на место выбывших родов патрициев и возведение их в патрицианское достоинство как условие принятия в сенат.

Проблема присутствия плебеев в куриях после реформы Сервия Туллия. Клиентские отношения плебеев с патрициями. Первоначальное избрание плебейских трибунов в центуриатных комициях с их обязательным одобрением куриатным собранием патрициев. *Закон Валерона* 471 г. до н. э. о переносе выборов плебейских трибунов из центуриатных комиций в трибутные как важный этап оформления плебеев в самостоятельное сословие внутри центуриатной системы. Отсутствие сенатского и куриатного контроля за решениями трибутного собрания — упрочение независимости плебейских трибунов в борьбе за военно-политические и экономические права плебеев.

***Populus* в постсервианский период**

Включение плебеев после реформы Сервия Туллия в центуриатное войско и гражданство (*cives*). Процесс вхождения плебса как сословия в новый центуриатный *populus*. Войско и военные центуриатные комиции как поле и инструмент борьбы сословий и консолидации их в единое патрицианско-плебейское государство. Реформа Сервия Туллия — мощный толчок к формированию в Риме двух сословий.

Создание плебейской организации для достижения военного и юридического полноправия в гражданской общине (*civitas*). Победа плебеев в результате децемвирата и 2-й сецессии. Окончательное выделение патрициев в сословие в составе центуриатной организации с середины V в. до н. э.

Сенат — центр консолидации патрициев. Вхождение плебеев как сословия в курии к III в. до н. э. Превращение плебса в «простонародье» на новом этапе эволюции государства (конец IV—III в. до н. э.).

Отождествление в ранней Республике *populus* с центуриатной военной организацией. Расширение этого понятия в связи с эволюцией социального состава раннеримской гражданской общины.

Тема 6. Социальный базис центуриатного строя в V—III вв. до н. э.

Патриции в центуриатной конституции

Социальный состав *classis* (патриции и зажиточные плебеи). Свободный доступ к оккупации «общественной земли» как причина вы-

сокого и стабильного ценза патрициев. Вхождение их в центуриатную организацию в качестве привилегированных коренных граждан, носителей древних родовых и религиозных традиций. Клиенты как социальная опора патрициев. Реальное имущественное расслоение патрициев со второй половины V в. до н. э. Формирование патрицианско-плебейского нобилитета в IV–III вв. до н. э.

Воинская служба патрициев в фаланге-классисе и на командных должностях. Сакральный характер всаднической организации в царскую эпоху. Реформы Тарквиния Древнего. Социальные изменения в составе всадников в начале Республики. Патрицианский состав всаднических центурий «на общественном коне». Образование категории «всадников на частном коне». Формирование сословия всадников в IV–III до н. э. Изменение социального состава конницы.

Курии – оплот господства патрициев в Риме в период ранней Республики. Превращение куриатной организации в V в. до н. э. в замкнутое сословие патрициев внутри центуриатной системы.

Плебеи как «военное сословие»: борьба за центуриатный строй

Плебейский состав категории *infra classem*. Неполноправие плебеев в составе центуриатного войска и общества. Низкая стабильность ценза плебеев как следствие частнособственнического характера плебейского землевладения и отстранения от пользования «общественной землей».

Разорение плебеев. Отсутствие у них права отправлять сакральные культы общины и публичные ауспиции (священные птицегадания), привилегии патрициев в занятии высших государственных и военных магистратур.

«Военная эксплуатация» плебеев как сословия в центуриатном войске. Переход сословно-классовой борьбы в ранней Республике в военную сферу.

Тема 7. Военная организация и «борьба сословий»: от плебейских сецессий до реформ Аппия Клавдия Цека

Первый этап борьбы плебеев за гражданское равноправие

Узурпация политической и военной власти патрицианским сенатом. Притеснение плебеев в политических правах. Нарушение патрициями

«священных законов». Влияние тягот военной службы плебеев на обострение долгового вопроса и рост кабального рабства.

Причины и характер плебейских сецессий 494 и 449 гг. до н. э. Сецессии плебеев — восстания плебейской части центуриатного войска, угроза раскола единого народа (*populus*). Организованное сопротивление военнообязанных плебеев господству патрицианского сената.

Оформление внутри центуриатной системы плебейской организации в противовес патрицианской куриатной. Учреждение плебейского трибуната — создание института защиты плебеев в рамках военной организации. Создание собрания плебеев (*concilium plebis*). Начало разделения категории военнообязанного населения *infra classem* на новые цензовые разряды и усиление роли плебеев в войске. *Центуриатная военная организация* — арена борьбы патрициев и плебеев в V в. до н. э.

Законы XII таблиц и 2-я военная сецессия плебеев: торжество центуриатной конституции

Всплеск под давлением плебеев законодательной активности в середине V в. до н. э. Введение децемвирата для кодификации права и органов управления. Законы XII таблиц — первый полный свод римского частного и гражданского права, важнейший признак зрелости государства. Завершение в 449 г. до н. э. процесса инкорпорирования плебейской массы в гражданский коллектив посредством центуриатной военной организации.

Окончательное оформление политической системы центуриатного строя Римской республики по законам Валерия–Горация. Утверждение военного центуриатного собрания в качестве политического органа (*comitatus maximus*). Учреждение магистратуры цензоров в 443 г. до н. э. Упорядочение проведения цензов. Сохранение контроля сената за центуриатной организацией. Превращение в V в. до н. э. центуриатного военного устройства в форму раннеримского государства.

От закона Канулея до реформ Аппия Клавдия Цека

Начало процесса эволюции центуриатной организации из чисто военной в общегражданскую, а патрицианско-плебейской военизированной общины в римский полис (*civitas*). Законодательство Канулея 445 г. до н. э. о разрешении браков между патрициями и плебеями.

Признание плебисцитов наравне с законами центуриатных комиций. Возрастание политической роли трибутных комиций. Обострение долгового вопроса в IV в. до н. э. Движение Марка Манлия Капитолийского (385 г. до н. э.) и закон Петелия (312 г. до н. э.). Кампанский мятеж 341 г. до н. э. и его социально-правовые последствия. Законы Лициния–Секстия 367 г. до н. э. Укрепление единства патрицианско-плебейского государства.

Реформы Аппия Клавдия Цека и утверждение территориально-трибутной политической системы государства. Законодательство Гортензия о плебисцитах в 287 г. до н. э. и завершение «борьбы сословий». Переход к манипулярной армии. Превращение центуриатной военно-политической организации в III в. до н. э. в форму народного собрания — центуриатные комиции.

Тема 8. Система комплектования центуриатного войска

Механизм набора войск в ранней Республике

Отражение в институте комплектования войск уровня развития общества, его зрелости, политических и правовых институтов, характера внутренних противоречий, типа и структуры собственно воинских сил.

Порядок ежегодного набора войска в Риме ранней Республики. Зависимость набора от степени военной активности общины. Правовые основы комплектования воинских сил.

Процедура проведения набора на Форуме. Созыв граждан без оружия глашатаем-акцензом. Объявление имен очередников для записи в войско. Смотр новобранцев на Марсовом поле и распределение их по центуриям. Проведение торжественной люстрации набранного и вооруженного войска.

Термины античных авторов для обозначения набора. Замена в период ранней Республики термина *legio* (в царский период — «набранное войско») на *dilectus* («отбор») — отражение процесса постепенного обособления войска как части народа от гражданской общины. Выделение из состава всех военнообязанных граждан призывных возрастов (юниоров — от 18 до 46 лет) и отбор из них очередников по спискам, по воле консулов или на добровольной основе.

Активность плебеев или отказ от записи в войско — индикатор остроты внутренних социальных конфликтов. Использование воинского призыва патрицианским сенатом для снятия социальной напряженности. Запреты трибунов на проведение набора (право интерцессии) — действенный инструмент политической борьбы плебеев за принятие аграрных законов, решение долгового вопроса и за доступ к высшим магистратурам. Набор войска как арена противостояния патрициев и плебеев.

Самовооружение воинов. Централизованное распределение оружия из арсеналов в соответствии с цензом гражданина и внесенным трибутом.

Милицийный тип центуриатного войска, переходный от общинного ополчения к регулярной армии. Постоянно-переменный состав. Контингент комплектования и резерв пополнения — все полноправные члены центуриатной организации (*populus*).

Базис комплектования войска в ранней Республике: от центурий к трибам

Базис комплектования центуриатного войска. Типологические различия между трибутной и центуриатной организациями. Трибы — территориальные объединения всех жителей данного региона. Центурии — военно-политические структурные единицы, распределявшие граждан в соответствии с их имущественным положением для несения военной службы.

Территориальные трибы — основа определения ценза проживавших в них граждан независимо от сословия. Ценз в роли опосредующего звена между трибутной и центуриатной организациями. Формирование политических центурий из числа всех граждан Рима, обладавших на данный момент цензом соответствующего имущественного разряда (класса). Регулярное переформирование центурий в результате изменения ценза их членов. Политические центурии разной величины — база комплектования отрядов военных центурий равной численности.

Гибкость системы комплектования — условие превращения общинника в гражданина, а гражданина — в воина, поддержания постоянной готовности римского общества к войне. Подчинение административно-политических институтов общины и органов управления обеспечению процесса комплектования воинских сил.

Отражение в системе комплектования центуриатного войска этапа перехода Рима в период ранней Республики от «военной демократии» к государству.

Тема 9. Боевые порядки центуриатной фаланги ранней Республики

Тактическое деление римского войска

Организационно-тактическое разделение воинских сил — отражение уровня развития социально-политических институтов общества и степени эмансипации от них армии.

Легион как самостоятельное оперативно-тактическое воинское соединение со строго фиксированными структурой и численностью личного состава. Теория П. Фраккаро о создании при Сервии Туллии нового «легиона» из 60 центурий юниоров 1–3-го цензовых разрядов (6 тыс. человек) и идентичности сервианского деления граждан на цензовые разряды с легионной структурой. Механицизм теории Фраккаро: сведение качественного развития центуриатного строя к количественному разделению легиона на две части в эпоху Республики.

Консульские и диктаторские войска. Деление войска Рима на несколько частей. Гибкость центуриатной основы войска для набора необходимого количества воинских контингентов разной величины при сохранении имущественного принципа боевого построения.

Терминология источников (*exercitus, acies, copiae*). Соотношение понятий *exercitus* (общее название полевого войска) и *classis* (строй тяжеловооруженной фаланги). Этимология термина *legio* («воинский набор»). *Legio* в V — начале IV в. до н. э. — набранное и обученное центуриатное войско произвольной численности («вооруженное гражданство»).

Конец V — первая половина IV в. до н. э. — этап обособления военной организации от гражданской и оформления самостоятельной структуры регулярной армии. Процесс формирования в IV–III вв. до н. э. фиксированных войсковых соединений с идентичной внутренней структурой для обеспечения ведения военных действий на разных театрах, повышения уровня дисциплины и управления войсками. Превращение милиционного войска в постоянную армию и важнейший политический орган государства к началу Пунических

Боевое построение центуриатной фаланги

Тяжеловооруженная фаланга (*classis*) из воинов 1-го имущественного разряда (40 центурий юниоров) — база ударных сил Рима ранней Республики. Гоплитское вооружение: панцирь, шлем, поножи, круглый щит (*clipeus*). Фаланговый способ боевого построения тесными сомкнутыми рядами.

Греческое влияние из колоний Южной Италии на развитие римской гоплитской тактики. Этруское влияние на введение в Риме фаланги. Археологические находки гоплитского вооружения в Риме и Лации VII–VI вв. до н. э. Особенности формирования в Риме фалангового строя лишь как одной из форм многовариантной самобытной войсковой организации.

Разделение воинов категории *infra classem* на четыре разряда в течение первой половины IV в. до н. э. Воины 2–3-го разрядов (по 20 центурий юниоров в каждом), вооруженные длинными щитами (*scutati*), — вторая боевая линия войска, выстроенная вне фаланги. Построение *скутатов* по когортам для поддержки в бою наступления фаланги. *Когорты* — крупные отдельные формирования, идентичные *вексиллам*; соединения ряда центурий, в бою действовавшие самостоятельно как мини-фаланга.

Непостоянный численный состав центурий, их действие в нерасчленном строю. Более крупный состав центурий *скутатов* по сравнению с центуриями собственно фаланги (*classis*) — обеспечение равной длины боевых линий полевого войска.

Тема 10. От центуриатной фаланги к манипулярному легиону

Манипулярный легион

Классическое манипулярное войско II в. до н. э. в изложении Полибия (Polyb. VI. 16–23). Возрастной принцип деления пехоты на категории *велитов*, *гастатов*, *принципов* и *триариев*. Унификация вооружения легионеров. Разделение легиона на *манипулы*. Архаические черты Полибиева легиона: пережитки ценза; двойная структура манипула; сохранение центурии в качестве военно-административной единицы манипула и всего войска.

«Легион Ливия» 340 г. до н. э. (Liv. VII. 8–9) — отражение этапа перехода от центуриатной боевой тактики к манипулярной. Сочетание построения *гастатов* и *принципов* в манипулах по возрастам и арха-

ического деления триариев и рорариев на *вексиллы*. *Центурия* — база формирования войска и боевого строя на протяжении всей Римской республики.

Завершение процесса утверждения манипулярной структуры войска во второй половине IV в. до н. э. в ходе Самнитских войн. Легионная структура армии Рима в III–II вв. до н. э. Преимущества манипулярной тактики в эпоху Пунических и Македонских войн.

Виды и категории воинов

Типологическое различие возрастных категорий воинов манипулярного легиона и имущественного принципа построения центуриатного войска. Возрождение в построении воинов по возрастам традиций римского куриатного ополчения царской эпохи.

Введение боевого порядка манипулярного легиона в три линии (*acies triplex*) во время Второй Пунической войны. Разделение воинов на гастатов и принципов в III в. до н. э. Выделение гастатов в период Македонских войн II в. до н. э. в первую боевую линию на место принципов. Триарии — резерв центуриатного войска.

Деление центуриатного войска на *юниоров* (младших — до 46 лет) и *сениоров* (старших). Юниоры — основной контингент военнообязанных. Сениоры — военнообязанный резерв, пополнение, гарнизонная служба. Легковооруженные воины 4–5-го разрядов (*рорарии, ферентарии, акцензы*).

Сервианская центуриатная организация — качественно новый тип боевого построения, неразрывно связанный с общественно-политической системой формирующегося государства. Сочетание фаланговой структуры классиса воинских сил с гибкой когортной тактикой skutатов — причина нарастания военной мощи Рима в ранней Республике и условие органической трансформации центуриатного войска к эпохе Пунических войн в более совершенный тип построения — манипулярный легион.

Тема 11. Военная организация Рима в сакрально-правовом аспекте

Развитие военного права и эпоха архаики

Коренное различие гражданского и военного права: принцип действия закона или неограниченной власти военачальника. Развитие юридических норм взаимоотношений в армии с четким определением

обязанностей солдат и прерогатив начальников. Номенклатура проступков и соответствующих им наказаний. Теория военного права в трудах Цинция Модестина, в Дигестах.

Органическая связь воинской дисциплины с сакральными и конституционными основами *civitas*. Понятие воинской дисциплины: 1) воинское искусство и распорядок действий воина в строю; 2) подчинение воина правовым и сакральным институтам общины, и прежде всего империю военачальника.

Военный империй и власть военачальника

Понятие «империя» как воплощение мощи общины. Формы и права империя в эпоху республики. Неразрывная связь империя и права совершения ауспий. Ауспиции как публичный акт передачи воли богов через наделенного соответствующим откровением носителя империя.

Сфера компетенции военного империя. Военный *империй* — символ наделения военачальника богами магической сакральной силой и властью. Вручение *империя* посредством куриатного закона об империи. Передача общиной вождю части своего суверенитета и полномочий представлять и защищать народ и его войско перед богами.

Ограничения военного империя: право провокации, принцип коллегиальности высшей магистратуры, право интерцессии плебейских трибунов.

Причины подчинения воинов власти военачальника в раннем Риме. Отчуждение воина от гражданских прав и переход под власть патрона-командующего. Набор войск как символ перехода граждан-общинников в состояние воинов-неграждан.

Основа воинской дисциплины — сакральные культы и вера в покровительство богов войску. Требование тщательного соблюдения священнодействий и божественных *ауспий* военачальниками как условие повиновения войска. Сохранение преобладания в ранней Республике религиозных ритуалов над правовыми нормами для поддержания воинской дисциплины — показатель переходного этапа военной организации от родоплеменной к государственной.

Ритуалы подготовки к войне в раннем Риме

Религиозные празднества подготовки общины к военным действиям. Празднества в честь Марса: шествия салиев 1 марта, освящение оружия в честь Юоны (*Quinquatrus*) 19 марта, очищение военных

труб (*Tubilustrum*) 23 марта. Обряд люстрации оружия (*Armilustrum*) 19 октября с целью превращения воинов в мирных граждан после завершения военных походов. *Люстрация* – сакральное очищение воинов от скверны убийства.

Религиозные представления римлян о богах как верховных предводителях войска. Культ Марса и Юпитера. Обряды поклонения Янусу, Квирину и Юноне Сорории. Древнейшие ритуалы испрашивания покровительства богов.

Военная организация в качестве объекта сакрального почитания общины. Особенность римлян – внимание к ритуальной стороне подготовки войска, его организации, поддержанию дисциплины и ведению военной кампании.

Тема 12. Воинская дисциплина и политическая роль войска

Воинская присяга и проблема взаимосвязи воинов и гражданской общины

Институт присяги – осуществление связи между воином и гражданским коллективом в лице *империя* полководца. Торжественные обеты воинов богам после набора. Присяга (*sacramentum*) воинов на Марсовом поле повиноваться консулам и без приказа не расходиться. Священный характер присяги – посвящение воинами себя покровительству богов.

Введение в присягу в течение V–III вв. до н. э. правовых формул, устанавливающих связь воина с государственными институтами. Служба в войске как исключительное право и священная обязанность гражданина. Наложение наказаний на воинов за нарушение божественных установлений и гражданских норм. Развитие системы государственных мер принуждения по мере укрепления государственного строя. Закладывание основ публично-правового регулирования отношений *civitas* и воинских сил.

Войско как субъект политической борьбы и жизнедеятельности в раннем Риме

Восприятие нобилитетом в итоге длительной «борьбы сословий» понятий *pietas*, *fides* и *virtus* в качестве базовых установок общественного и политического поведения после завершения в IV–III вв. до н. э. складывания патрицианско-плебейского государства.

Формирование полноценного гражданина, разделяющего все традиционные ценности общины и государства, как важнейшее общественное дело в менталитете римлян. Нацеленность системы воспитания на формирование в гражданине чувств любви к своей общине, необходимости и почета защиты ее интересов и усиления могущества.

Преломление общегражданских воинских ценностей в сословном делении общества и «военная эксплуатация» плебеев. Перенесение политической борьбы в сферу военной политики. Превращение римского войска в фокус общественных конфликтов. Влияние воинской службы на общественную психологию военнообязанных граждан. Осознание плебеями в рамках центуриатной военной организации своих прав и обязанностей и повышение психологической зрелости плебеев на политической арене.

Выработка в войске самостоятельного кодекса взаимоотношений воинов с верховным командованием и отстаивание своих гражданских прав и военных интересов.

Тема 13. Комиции в рамках центуриатной военной организации

Центуриатные комиции как политическое зеркало военной организации

Коллектив полноправных общинников-граждан — *Populus Romanus Quiritium* — носитель верховного суверенитета римской общины. Роль центуриатных комиций как основного типа народных собраний после реформы Сервия Туллия.

Принципы и особенности функционирования и организации центуриатных комиций. Место и процедура проведения комиций. Военизированный характер комиций и его проявление в коллективном принципе голосования. Понятие *exercitus urbanus*.

Превращение военного собрания в стержень политической системы римского государства в середине V в. до н. э.

Выборные прерогативы и место центуриатных комиций в системе народовластия

Роль центуриатных комиций в выборах высших магистратов. Выборы цензоров, плебейских трибунов до 471 г. до н. э., квесторов и других младших военных командиров.

Пассивная роль комиций как органов народовластия в результате сохранения военизированного принципа организации, отсутствие законодательной инициативы, механизма обсуждения законопроектов, рычагов управления, подконтрольность сенату и магистратам. *Центуриатные комиции* — основа верховного суверенитета народа.

Центуриатные комиции и военные дела

Военные прерогативы центуриатных комиций. Право объявления войны как законодательный акт волеизъявления гражданского коллектива. Формулировки объявления войны и повышение с развитием государства роли комиций в военной сфере.

Дарование военных триумфов центуриатными комициями в результате эмансипации от подчинения сенату. Центуриатные комиции в роли высшего органа судебной власти и законодательства.

Воплощение комициями основного принципа раннеримской *civitas* — участия воинов в решении дел общины в зависимости от своего вклада в военную систему.

Роль куриатных комиций в Сервианской военной организации

Причины сохранения куриатными комициями важных общественно-политических, сакральных и родовых функций в рамках центуриатной конституции. Патрицианский состав и виды комиций: куриатные и калатные. Способ функционирования и голосования посредством принесения «священных клятв».

Компетенция куриатных комиций: вопросы семейного права, отправления родовых и государственных культов, религиозные дела. Дискуссия о праве куриатных комиций избирать плебейских трибунов и значение закона Волерона 471 г. до н. э. для оформления плебейской организации и магистратур.

Lex curiata de imperio — сакрально-политический акт легитимизации избранного магистрата и важнейшая функция куриатных комиций как символа изначальной римской общины (*civitas*) в ее сакральной ипостаси.

От *concilium plebis* до трибутных комиций

Возникновение собраний плебеев и возрастание их значения по мере усиления позиций плебеев в государстве. Преобразование *concilia*

plebis в трибутные комиции по закону 449 г. до н. э. Борьба за признание плебисцитов обязательными для всех граждан по закону Публилия Филона 339 г. до н. э. и *lex Hortensia* 287 г. до н. э.

Демократический характер трибутных комиций. Сосредоточение ими в конце V–III в. до н. э. в своих руках права объявления войны и принятия большинства видов законов. Реформы цензора Аппия Клавдия Цека по демократизации трибутных комиций.

Комиции как основа формирования гражданского общества и правовых принципов политической и военной организации.

Тема 14. Консулы как верховные командующие ранней Республики

Институт верховного командования — проявление типологического характера военной организации, порядка ее взаимоотношений с государством и его органами управления, способа ее функционирования и степени отчуждения от общества.

От военных преторов к общегражданским магистратам

Происхождение термина “*praetor*” («предводитель»), функции и число преторов в начале Республики. *Praetor maximus* как единственный в данный момент верховный военачальник в период 509–450 гг. до н. э.

Изменение названия высшей магистратуры в 449 г. до н. э. после 2-й сецессии плебеев и принятия законов Валерия–Горация. Прерогативы консулов и правовые отличия от преторов. Слияние в консулате институтов военного командования и гражданской администрации. Зависимость власти консулов от сената. Внедрение коллегиальности консулов и права интерцессии. Постепенное превращение консулата из военной должности в преимущественно общегражданскую магистратуру.

Расширение полномочий консулов по отношению к войску. Право консулов созывать сенат в случае угрозы войны. Издание консулом эдикта о наборе войск только по постановлению сената. Руководство набором войск — одна из важнейших прерогатив консулов. Определение провинций (районов боевых действий) консулов по жребию или в порядке очередности. Право консулов распределять военную добычу. Право консулов заключать предварительный мир. Участие в этой процедуре *фециалов*.

Отчет консула перед сенатом и центуриатными комициями в своих действиях после окончания военной кампании. Право плебейских трибунов привлекать консулов за плохое командование к суду и штрафам после сложения ими своих полномочий.

Место консулата в политической системе

Полновластие консула на войне. Патронат претора (консула) над воинами. Военный империй — источник и символ власти военачальника. Право налагать наказания и казнить. Ограничение действий консулов волей богов (ауспициями). Реальная зависимость консула от поведения войска. Практика неповиновения войска в случае нарушения консулом границ империя и обязательств по получению воинами добычи.

Эволюция отношений консула и воинов в течение V–IV вв. до н. э.: от преобладания авторитета личности к доминированию юридических норм и процедур. Введение функций консулов в конституционные рамки со второй половины V в. до н. э.

Продление с конца IV в. до н. э. полномочий консулов после окончания военной кампании. Введение института проконсулов и *prorogatio imperii*. Усложнение с III в. до н. э. института верховного командования и превращение его в часть государственного механизма.

Тема 15. Происхождение и военные прерогативы раннеримской диктатуры

Социально-политические условия возникновения диктатуры

Происхождение названия *dictator*. Теории о тождестве диктатора с *magister populi* царского периода. Внутри- и внешнеполитические условия возникновения диктатуры — война с Латинской лигой в начале Республики и обострение социальной конфронтации плебеев и патрициев.

Власть и компетенция диктаторов

Неограниченность власти диктатора. Назначение диктаторов для выполнения конкретной задачи. Ограничение срока предельных полномочий диктатора шестью месяцами или исполнением поставленной цели. Ограничения власти диктатора: запрет производить траты из государственной казны, командовать конницей.

Экстраординарный характер магистратуры диктаторов — перерыв в функционировании ординарных магистратур; отсутствие выборности; назначение диктатора исключительно консулом и из бывших консулов. Процедура назначения диктатора. Обязательное постановление сената о введении диктатуры. *Диктатура* — форма прямого сенатского руководства военными силами ранней Республики.

Обязательное назначение диктатором начальника конницы (*magister equitum*). Полномочия начальника конницы по снабжению войска, проведению дополнительного набора.

Цели введения диктатуры и ее историческая роль

Причины введения диктатуры — серьезная внешняя угроза, для сосредоточения военной власти в одних руках. Реальное назначение диктаторов в условиях внутренних смут для преодоления сопротивления плебеев. Назначение диктатуры сенатом для изъятия на время империя у неугодных сенату консулов.

Положение раннереспубликанской диктатуры вне конституционного поля римской общины — свидетельство незрелости политических институтов и правовых норм формирующегося государства.

Отсутствие во время диктатуры права *провокации* и трибунского права *вето* — главный инструмент снятия сенатом внутренних противоречий в раннеримском обществе и обеспечения «военной эксплуатации» плебеев как сословия. Диктатура — форма прямой узурпации власти сенатом в условиях непрерывного состояния военной готовности римского общества.

Тема 16. Институт верховного распоряжения военной организацией. Римский сенат ранней Республики

Военные прерогативы и взаимоотношения сената и верховного командования

Права и военные прерогативы сената по данным Полибия. Назначение сроков воинских наборов. Определение состава и величины легионов. Распределение театров боевых действий между военачальниками. Снабжение войск. Распоряжение военной добычей. Награждения полководцев.

Данные источников о вынесении сенатом в период ранней Республики декрета об объявлении войны (сенатусконсульта), о проведении набора и о провозглашении сенатусконсультом окончания войны.

Координационная роль сената и превращение его в «генеральный штаб» римского военного ведомства. Сенат как верховный распорядитель воинскими силами.

Юридическая неопределенность положения сената в политикотравовой системе римской гражданской общины в ранней Республике. Узкосословный, наследственный характер сената. Отсутствие у сената механизмов осуществления своего полномочия. Развитие в V–IV вв. до н. э. противоречия между патрицианским сенатом и выборной магистратурой консулов.

***Auctoritas patrum* как основа власти сената**

Auctoritas patrum как основа и источник власти сената. Право сената предварительно обсуждать законопроекты перед внесением их консулами в центуриатные комиции. Право утверждения решений куриатных и центуриатных комиций. Первое ограничение этой власти законом Публилия Филона 339 г. до н. э.

Причины узурпации сенатом власти после установления республики в 510 г. до н. э. Сохранение куриатной организации и родовых традиций в качественно новой центуриатной государственной системе. Постоянный состав сената — стабилизирующий фактор в борьбе сословий внутри общины, обеспечение преемственности ее политики и поддержания в боевой готовности военной организации. Использование сенатом военной организации Рима в интересах патрициев. Поддержание сенатом политического господства патрициев в период ранней Республики — одна из причин длительности и напряженности «борьбы сословий».

Заключение

Специфические черты генезиса раннеримского государства:

1. Начало преобразования общественных отношений и правовых норм с реорганизации войска.
2. Превращение войска в основу и форму гражданства. Зависимость степени политических прав гражданина от его отношения к военной службе.
3. Упразднение Сервианской реформой родовых принципов формирования войска, открытие массам плебеев пути в ряды граждан.
4. Сохранение в центуриатной общине куриатной организации — пережитка родоплеменного строя — специфика генезиса государства в Риме.

5. Центуриатная конституция — крупный шаг на пути объединения в едином *populus* патрициев и плебеев, признак большей способности и демократичности общества в Риме по сравнению с Древней Грецией. Преодоление полисной узости благодаря открытости общества и войска к принятию в свои ряды новых членов (плебеев) и упрочение в II–I вв. до н. э. мощного централизованного государства.

Этапы эволюции центуриатного строя:

1. От реформы войска при Сервии Туллии (середина VI в. до н. э.) до установления республики и обретения центуриатным войском политических функций (510 г. до н. э.).
2. Борьба плебеев за полноправное положение в центуриатной военной организации и создание писаных законов (493–450 гг. до н. э.).
3. Трансформирование военной организации в политическую систему, высший этап генезиса раннеримского государства (*civitas*) (449–367 гг. до н. э.).
4. Завершение эволюции центуриатной системы в чисто избирательную и замещение ее трибутной, оформление раннеримского государства (середина IV – середина III в. до н. э.)

Главная особенность римского государства — преобладание военной организации над гражданским обществом.

Тематический план спецкурса «Армия и государство в Риме от эпохи царей до Пунических войн (VI–III вв. до н. э.)»

№ темы	Тема, подтема	Тип занятия	Кол-во часов
1	Введение. Вопросы источниковедения и историографии архаического Рима	Лекция	2
2	Реформа Сервия Туллия: традиция и история	Лекция	2

на, подтема	Тип занятия	Кол-во часов
нтуриатного строя в пер-и	Лекция	2
ианской конституции: ике	Лекция	2
ой организации и эволю- "ms"	Лекция	2
центуриатного строя	Лекция	2
ия и «борьба сословий»: ссий до реформ Аппия	Лекция	2
ования центуриатного	Лекция	2
нтуриатной фаланги ран-	Лекция	2
аланги к манипулярному	Лекция	2
ия Рима в сакрально-пра-	Лекция	4
е военного права и импе-	Лекция	2
ы подготовки к войне	Лекция	2
ина и политическая роль	Лекция	2
центуриатной военной	Лекция	2
вные командующие воин-	Лекция	2
военные прерогативы ран- ры	Лекция	2

Продолжение таблицы

№ темы	Тема, подтема	Тип занятия	Кол-во часов
16	Институт верховного распоряжения военной организацией. Римский сенат ранней Республики. Заключение	Лекция	4
	Подтема 1. Военные прерогативы и взаимоотношения сената и верховного командования	Лекция	2
	Подтема 2. <i>Auctoritas partum</i> как основа власти сената. Заключение	Лекция	2
Итого			36

ЛЕКЦИИ

Тема 1 Вопросы источниковедения и историографии

История, как известно, немыслима вне источника, а источник является материалом капризным и изменчивым, причем свойства эти в основном определяются качеством интерпретации источника историком. В наибольшей степени это обстоятельство влияет на изучение античности, которое невозможно без анализа существующей источниковой базы. Не менее важно знакомство с достижениями исторической науки, уже более двухсот лет обрабатывающей ниву истории Римской республики, причем на основе все того же комплекса скудных источников.

В самом деле, современный исследователь располагает весьма ограниченным числом трудов древних авторов по тому или иному периоду римской истории, особенно ранней. В этом состоит коренное отличие методологии работы антиковеда от историка, скажем, Нового времени или даже Средневековья, у которых в запасе всегда таится надежда на счастливое обнаружение в пыльных архивах неизвестных рукописей, личных писем, хозяйственных счетов или официальных актов и на введение в научный оборот новых документов. Такое многообразие позволяет историкам проводить полномасштабный анализ, корректировать и перепроверять все обилие фактов исторического процесса, проникать за кулисы политических событий — иными словами, «раздевать королей» и «извлекать скелеты из фамильных шкафов». А это, в свою очередь, стимулирует прежде всего поисковое, активное начало в исследовании не столь отдаленных от нашего времени эпох.

Применительно же к истории Древнего Рима антиковед располагает в лучшем случае одним более или менее полным источником либо скудным набором фрагментов, мало связанных между собой. Это лишает нас возможности бросать разный взгляд на одни и те же события, детально сравнивать разнохарактерные данные. Следовательно, основное внимание изыскателя устремляется на внутренний анализ источника, что стимулирует аналитическое, так сказать, пассивное начало в изучении проблем раннего Рима. А значит, несмотря на гигантский труд, проделанный поколениями ученых-антиковедов по воссозданию по крупицам ранних этапов истории Рима, у современного исследователя всегда остается возможность проникнуть в глубины античных текстов и взглянуть на римскую историю под новым углом зрения.

Источники

В последнее время источниковая база изучения архаического Рима все более расширяется. В научный оборот вводятся новые виды источников, особенно археологические, лингвистические и эпиграфические. За недостатком места ограничусь лишь одним примером. В начале 80-х гг. XX в. в Лации была найдена плита с надписью из города Сатрик (Немировский, 1983. С. 40–45). Она относится к V в. до н. э. Эта надпись стимулировала изучение истории раннего Рима под новым углом зрения. В ней содержалось имя одного из первых

консулов Римской республики Валерия Попликолы. Благодаря ей было подтверждено реальное существование этого важнейшего исторического персонажа, что прежде нередко ставилось под сомнение. В надписи упоминаются также так называемые *sodales* Валерия. Это подкрепило данные источников о том, что в Риме вокруг знатных фамилий группировались люди из категории «друзей» или компаньонов. Подобно вассалам, они обеспечивали своим патронам политическое влияние, а в качестве вооруженной свиты сопровождали их в военных походах. Это, в свою очередь, доказывает стойкость в Риме родовых отношений и большую роль знатных патрицианских кланов.

В настоящее время итальянской школой, например, Эмилио Перуцци, разрабатываются данные лингвистики. Они относятся к окружающим Рим народам и выявляют древнейшие пласты языка Лация. Активное использование этих данных позволяет синхронизировать эволюцию Рима, многих его институтов и аспектов духовной жизни с общеталлийским процессом развития, уточнить происхождение и время возникновения многих религиозных обрядов и политических структур.

С 60-х гг. XX в. резко возрастает количество археологических материалов. Проводятся перманентные раскопки на римском Форуме и Капитолии, где обнаружены следы хижин начала I тысячелетия до н. э., фундаменты храмов эпохи Ромула и стен времен Сервия Туллия (VI в. до н. э.), а также захоронения на Эсквилине с оружием и даже колесницами VII–V вв. до н. э. Находки различных типов вооружений (листовидных и ромбовидных наконечников копий и дротиков, бронзовых мечей эпохи Вилланова и железных мечей из Тарквиний, Цэре и Лация, бронзовых шлемов, круглых и овальных щитов и бронзовых нагрудников этрусского, умбрского и самнитского типов) сыграли большую роль в преодолении наследия гиперкритицизма в отношении к традиции. Данные археологии позволили полнее представить материальную жизнь римлян и подтвердить достоверность многих сведений письменных источников относительно экономического, военного и даже социального развития архаического Рима.

Но, безусловно, основным видом источников остаются для нас сведения римской письменной традиции. Она включает в себя широкий круг исторических сочинений Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, Саллюстия Криспа и Веллея Патеркула, Диона

Кассия и Аппиана. К ней же относятся юридические и риторические трактаты Цицерона, поздних римских авторов: Авла Геллия, Макробия, Исидора — и бревиарии (т. е. сокращенные изложения римской истории), которые написаны Луцием Аннеем Флором, Валерием Максимом, Асконием и Зонарой.

Нельзя не упомянуть биографические труды Плутарха, Аврелия Виктора, естественно-научные сочинения Плиния Старшего, этимологические труды и словари Теренция Варрона, Нония Марцелла, лексикографа Феста, который дошел до нас в извлечениях ритора V в. до н. э. Павла Диакона, а также фундаментальные комментарии к поэме Вергилия «Энеида», которые были составлены ритором IV в. до н. э. Сервием Гоноратом. Добавим к ним и весьма ценные специальные сочинения о военном искусстве Фронтин и Вегеция. В своем труде «О военном деле» (начало V в. н. э.) военный теоретик Вегеций Ренат обращается к изучению славного прошлого римского военного искусства времен становления и расцвета; он пристально вглядывается в способы комплектования, проблемы обучения и организации армии, описывает архаические боевые порядки и тактические приемы эпохи Пунических войн.

Особый раздел составляют памятники римского права. Это «Институции» юриста II в. Гая, труды Ульпиана, Павла и других юристов поздней Империи и ранней Византии. В них подробно разрабатывается система современного римским юристам состояния военного права: правовой статус солдат, воинский пекулий, система поощрений и наказаний, воинские преступления и выкуп пленных. Такие фундаментальные произведения, как «Дигесты», Кодекс Феодосия и Кодекс Юстиниана (VI в. н. э.) не только фиксируют классическое римское право, но и прослеживают его развитие, воспроизводят многие ранние юридические нормы, законы архаического права. К ним относятся законы о провокации V в. н. э., ценнейшие выдержки из Законов XII таблиц, постановления сената, консулов и преторов, законы центуриатных собраний. Это позволяет проследить развитие юридического оформления военной организации.

При анализе нарративных источников следует иметь в виду ряд их особенностей. Во-первых, даже самые ранние из дошедших до нас сочинений написаны спустя несколько столетий после отображенных в них событий. Собственно, начало римской анналистики относится к III – концу II в. до н. э., когда создавали свои первые

произведения «старшие анналисты» Фабий Пиктор и Кальпурний Пизон и «младшие анналисты» – Валерий Анциат, Лициний Макр и Элий Туберон. Следовательно, перед исследователем встает проблема подлинности письменной традиции. Во-вторых, в подавляющем большинстве традиция компилятивна. Поздние авторы заимствовали информацию из ранних источников, нередко не называя их. Значит, мы имеем дело с вторичной интерпретацией исторического факта. При этом, однако, следует учесть, что компилятивность источников, изложение ими разноречивых версий без их критического анализа не уменьшает, а, напротив, увеличивает их ценность как исторических источников. Благодаря компиляциям традиция знакомит нас с утраченными сочинениями авторов, которые базировали свои версии на подлинных документах. Кроме того, это позволяет реконструировать сами документы, например, списки консулов – фасты, или осуществлять восстановление первоначальных норм и текстов Законов XII таблиц (Кофанов, 1996. С. 175–210). В принципе, в основе традиции лежат официальные документы, списки законов, архивы жреческих коллегий с описаниями религиозных праздников и ритуалов, государственные хроники, уже упомянутые фасты, погодные списки консулов и других эпонимных магистратов (см: Sini, 1983). На их основе в 130 г. до н. э. были опубликованы так называемые «Великие анналы». Ценный кладезь фактов содержат устные предания, семейные и родовые архивы и легенды, которые также использовались античными писателями. Вопрос о достоверности традиции был заострен в конце XIX – начале XX в. так называемой школой гиперкритиков (Э. Пайс, Г. Де Санктис, К.-Ю. Белох, И. В. Нетушил). Они отвергали историчность данных традиции и объявляли всю историю Рима до III в. легендарной, а все сведения источников считали так называемыми «этиологическими мифами» и фальсификациями.

Такое положение в историографии существовало до тех пор, пока в распоряжении исследователей находились только нарративные источники. А в них действительно можно найти немало противоречий. Однако с тех пор как археологический материал по мере своего накопления блестяще подтвердил и даже дополнил многие данные античных писателей, историки все больше признают, что письменная традиция в целом верно отображает действительность, а в каждой легенде содержится ядро реальной истории.

Кроме того, при анализе степени достоверности источников нужно, на мой взгляд, принимать во внимание особенности исторического менталитета античных авторов. Еще И. Тэн, исследователь творчества Тита Ливия, отмечал: «...в глазах античных авторов мир — обширная и неподвижная арена, на которой разыгрывается вечная драма жизни и смерти, где слепой рок передвигает в ограниченном круге неизбежных переворотов государства, подобно человеку, обреченные на смерть; причем человечество не становится ни сильнее, ни лучше» (Тэн, 1900. С. 23). С такой категоричной оценкой вполне можно согласиться. Однако подлинная причина неумения понять и объяснить исторический процесс заключается в крайне медленном развитии общественных отношений. Сменяли друг друга политические деятели и формы государства, но социальная сущность их в целом почти не менялась. Можно сказать, что историческое время для античных историков стояло неподвижно. Они не замечали и зачастую по вполне объективным причинам не могли уловить качественные изменения в общественной жизни. Особенно ярко это проявилось в универсальной исторической концепции Полибия. История для него и его продолжателей — это круговорот форм государства и последовательность ряда событий, которые совершались личностями в одних и тех же условиях и вне этих личностей не мыслились.

Из этого вытекает возможность для античных авторов свободно переносить реалии и отношения своей эпохи в седую древность. Поэтому они легко употребляли современную им терминологию для характеристики качественно иных, отличных явлений и институтов. На тех же основаниях они пытались объяснить утратившие свой первоначальный смысл понятия с помощью находящихся в их распоряжении языковых средств. Отсюда же и стремление авторов сжать длительный процесс в точку, ассоциировать его не с движением и развитием, а с моментом и определенной личностью. Это наглядно проявляется в том, как традиция излагает реформу Сервия Туллия.

Тем не менее модернизаторство собственной истории в современном нам понимании было чуждо античным авторам и антикварам. У них не прослеживается сознательного искажения исторической действительности. Напротив, замедленность темпов исторического и конституционного развития была одной из причин хорошего сохранения и достоверности исторических преданий, документов,

фактов, включая количественные, и вполне адекватной фиксации их в произведениях писателей времен поздней античности.

Европейская и российская историография архаического Рима XIX–XX вв.

Освещение историографии архаического Рима представляет довольно трудную задачу. При изобилии трудов почти отсутствуют специальные работы по военной и политической истории, а также по архаическому праву. Романисты, как правило, разрабатывают проблемы классического римского права, к тому же в отрыве от конкретной социально-политической истории. Многие исследователи последних двух веков касались вопросов военной организации раннего Рима в качестве второстепенного аспекта. Этот подход порождал произвольные реконструкции и подгонку учеными материала источников под собственные научные теории. Тем не менее в исторической и юридической науке за два столетия накоплен огромный материал, так или иначе связанный с изучением военной организации архаического Рима и ее взаимосвязи с народом, с обществом. Но этот материал разбросан в трудах по общим проблемам или вопросам, не связанным напрямую с интересующей нас темой. Поэтому назовем лишь тех авторов, которые ближе всего занимались изучением складывания римского государства и оказали наибольшее влияние на последующую историографию.

Основоположником научного подхода к проблемам раннего Рима был, несомненно, датский ученый Бартольд Георг Нибур (1776–1831). Его главным трудом стала «Римская история», написанная в судьбоносном 1812 г. Именно он пробудил интерес к письменной римской традиции как к историческому источнику и заложил основы ее критического анализа. Значение работ Нибура заключается в создании и блестящем применении историко-критического метода. Особое внимание он уделял ранним этапам римской истории, которые в его время рассматривались как мифологизированная *terra incognita*. Прекрасно зная источники, Нибур строил свое исследование на тщательном анализе и сопоставлении их. Он справедливо полагал, что источники верно передают традицию и что в каждой легенде есть зерно истины. Ему принадлежит научное обоснование фундаментальных идей о родовом устройстве Рима царской эпохи,

об изначально патрицианском характере раннеримской общины и о возникновении плебса из пришлых элементов. Заслуги Нибура были на долгое время оттеснены в тень. Но его взгляды оказали сильное воздействие на современную историографию, которая как бы заново открывает для науки Нибура. Влияние его идей явственно ощущается в работах Вильгельма Ине по истории римской республики и Арнольда Шwegлера, который, однако, выступает с ревизией ряда взглядов датского ученого.

Непреходящее значение для изучения Рима имеют труды Теодора Моммзена (1817–1903). Уже в своих ранних работах Моммзен дает оригинальную оценку ряду сложных социальных, конституционных и административных проблем, затрагивает время проведения реформы Сервия Туллия, достоверность традиции и т. д. В масштабном труде «Римское государственное право» (1871–1887) Моммзен выстраивает блистательную, тщательно выверенную конструкцию государственного и политико-правового развития Рима от архаики до империи: от понятий гражданства и категорий населения до системы магистратур и военной организации. А в объемном сочинении «История Рима» (первые три тома изданы в середине 50-х гг. XIX в.) подробно излагает политическую, социальную, военную и культурную жизнь Рима с древнейших времен до поздней Республики.

Из других интересных работ немецкой историографии конца XIX в. следует отметить книгу Германна Генца «Патрицианский Рим» (1878). Он выступал против теории Нибура о чисто патрицианском характере досервианской общины. Его можно считать основоположником второй генеральной линии в науке, согласно которой патриции и плебеи всегда составляли единый народ (*populus*). Противоборство идей Нибура и Генца до сих пор довлеет над учеными при изучении древнейшего Рима.

В отечественной науке XIX в. интерес к истории и праву архаического Рима был стабильно высок. Так, разносторонней была деятельность профессора Казанского университета Василия Ивановича Модестова. В работе «Римская письменность в период царей» (1868) Модестов резко выступил против скептического взгляда на достоверность ранней римской истории. Многие наблюдения, догадки и выводы Модестова спустя столетие нашли подтверждение и дальнейшее развитие в трудах известного современного итальянского лингвиста Эмилио Перуцци, который, конечно же, ничего не знал

об этом труде Модестова. Но и Модестов, в свою очередь, не имел в своем распоряжении многочисленных эпиграфических памятников, надписей, которыми располагает современная наука.

Во второй половине XIX в. выходит двухтомное историко-юридическое исследование Дмитрия Азаревича «Патриции и плебеи в Риме» (1875). Замечательный историк Юлиан Кулаковский целый ряд работ посвятил изучению армии. Это небольшие эссе и лекции «К вопросу о начале Рима» (1883), «Армия в римском государстве» (1881), «Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии» (1909). В них Кулаковский сумел проследить взаимосвязь римского войска и государства на протяжении республики и показал, как развитие политических институтов накладывало свой отпечаток на армию. В этой оригинальной постановке вопроса Кулаковский стал пионером даже в европейской историографии, в которой армия и государственное устройство рассматривались, как правило, изолированно.

Развитие европейской исторической науки и романистики, углубление методов исследования при сохранении скудной базы источников вызвало к жизни в начале XX в. гиперкритическое направление. Одним из его ярких представителей был Этторе Пайс. В своих книгах «История Рима» (1898) и «Античные легенды римской истории» (1905) Пайс подверг сомнению данные письменной традиции, считая их своего рода «этиологическими мифами». Он находил в них удвоения и даже утроения одного и того же факта традиции. В частности, борьбу патрициев и плебеев в V в. до н. э. он считает калькой с описания реформ братьев Гракхов в конце II в. до н. э. Позднее, правда, Пайс отошел от крайних позиций.

Соблазн гиперкритики испытали такие ученые, как Гаэтано Де Санктис и Карл-Юлиус Белох. Де Санктис, например, в работах «История римлян» (1907) и «Происхождение центуриатного устройства» (1933), хоть и признавал историчность децемвирата и времени создания Законов XII таблиц, отрицал адекватность центуриатного устройства VI в. до н. э. и переносил реформу Сервия Туллия в III в. до н. э. К.-Ю. Белох написал в 1926 г. «Римскую историю до начала Пунических войн». Она отличается свойственной автору тщательностью в подборке и изложении материала. Но Белох был очень склонен строить собственные, часто схематичные конструкции, предпочитая играть цифрами и хронологией. Военным

аспектам формирования римского государства уделял особое внимание немецкий исследователь Франц Альтхайм («Эпохи римской истории», 1934; «Италия и Рим», 1941; «История Рима», 1955).

Влияние гиперкритицизма проявляется и в работах известного российского ученого И. В. Нетушила, который в начале XX в. преподавал в Харькове. В настоящее время он незаслуженно отступил в тень. Предметом его специальных исследований была политическая история раннего Рима. Он разделял скептическое отношение к римской традиции, в которой усматривал мифологизацию римской истории. К тому же он мало привлекал археологический материал, что усиливало его критицизм. Но Нетушил не отрицал на этом основании сведений традиции о социально-политическом строе и военной организации раннего Рима. Поэтому сохраняет значение до нашего времени его трехтомный труд «Очерк римских государственных древностей» (1894). Работа основана на гигантском материале, скрупулезно собранном из разнообразнейших источников и виртуозно обработанном. Это самая подробная в русской литературе систематическая история римских политических учреждений, сравнимая разве что с «Римским государственным правом» Моммзена. И это не патриотическое преувеличение. Нетушил подвергает детальному разбору все основные политические структуры и религиозные институты, народные собрания, их виды и различия, функции и сферу компетенции, происхождение и прерогативы магистратур, буквально анатомирует раннеримский сенат. Достаточно сказать, что он одним из первых в науке обратил внимание на военные функции сената.

В историографии XX в. происходит постепенный отход от гиперкритицизма. Так, Джордж Ботсфорд в книге «Римские собрания от начала до конца республики» (1909) дал подробный анализ происхождения, деятельности и политической роли всех видов народных комиций в их историческом развитии и тесной связи с другими социальными институтами. Артур Розенберг посвятил изучению военных и политических аспектов реформы Сервия Туллия работу «Исследования по римской центуриатной конституции» (1911). Из специально военных трудов следует упомянуть статьи М. Нилльсона «Гоплитская тактика и форма государства» (1928) и «Введение гоплитской тактики в Риме» (1929). В них он справедливо связывает изменения в структуре и боевых порядках войска с эволюцией государства и политической системы. Но при этом он на основании косвенных данных переносит Сервианскую реформу в середину

У в. до н. э. Рискну выразиться так: его статьи были обоснованны по постановке вопроса, но не убедительны по конкретным выводам. Тем не менее гипотезы Нильсона вызвали живой интерес в науке.

Наиболее оригинальную теорию в полемике с Нильсоном и гиперкритиками выдвинул в 30-е гг. XX в. в ряде статей и докладов о центуриатной реформе Сервия Туллия итальянский историк Плинио Фраккаро. В своих трудах Фраккаро восстанавливал доверие к традиции и увязывал политические и военные аспекты Сервианской конституции в единое целое. Тем самым он доказал реальность военного происхождения и практического функционирования центуриатной системы в качестве войска. Теория Фраккаро по праву оказала определяющее влияние на последующую науку. В 1945 г. с серьезной статьей «Сервианская реформа» выступил автор ряда разделов «Кембриджской древней истории» Хьюг Лэст. Он выстроил цельную концепцию создания и развития центуриатной системы, которую выводил из развития войска. Лэст подверг критике ряд искусственных построений Белоха, Де Санктиса и Моммзена.

В 60-е гг. взгляды Фраккаро и Лэста поддержали Жак Эргон («Возвышение Рима к 264 г. до н. э.», 1969) и Дж. Самнер («Легион и центуриатная организация», 1970). Ж. Эргон отстаивал версию о длительном развитии реформы Сервия Туллия и об органической взаимосвязи ее военных и политических аспектов, а Дж. Самнер реконструирует военную структуру раннеримского войска в духе идей П. Фраккаро.

В послевоенный период огромный вклад в изучение архаического Рима вносит итальянская историческая наука и романистика. В ней происходит отход от гиперкритики и усиливается интерес к обществу периода царей и переходу к республике, которые детально, с опорой на комплексное изучение источников исследовали Роберто Парибени («История Рима. Начало Рима и царский период», 1954) и Санто Маццарино («От монархии к республиканскому государству», 1945). Эту линию продолжил Аврелио Бернарди. Он также обращался к проблеме патрициев и плебеев в конституции примитивной римской республики (1946) и изучению сакрально-политических основ римских магистратур (империя и ауспиций) (1952).

Особый интерес вызывают работы Пьетро Де Франчиши «Происхождение гражданства» (*Primordia civitatis*) (1959); «Раннеримская социальная и политическая община» (1955); «К истории

«центуриатных комиций» (1953). В них Де Франчиши на основе критического отношения к источникам исследует проблему социального и политического развития архаического Рима, высказывает ценные наблюдения по центуриатной конституции. Глубокое изучение социально-экономических основ развития римского полиса и его военных структур отличает фундаментальные труды Франческо Де Мартино «История римской конституции» (1958); «Род, государство и классы в античном Риме» (1953); «К вопросу о происхождении Римской республики и магистратур» (1972); «Право и общество в Древнем Риме» (1979). Он прослеживает родоплеменные основы римской *civitas* и сохранение родовых пережитков в центуриатной системе.

Социальная структура, сословная борьба и имущественная стратификация ранней римской общины и выявление их связи с эволюцией войска являлись предметом изучения Феличиано Серрао и Арнальдо Момильяно. Заслуга Момильяно видится, кроме всего прочего, в том, что он четко поставил вопрос о доверии к данным традиции и подтвердил его в ряде работ о сословно-политическом делении раннеримского общества и о развитии центуриатного строя. Вообще, интерес к центуриатной конституции, к генезису раннего римского государства, к складыванию архаического римского права является характерной чертой итальянской исторической школы. Почти все крупнейшие историки и романисты (можно назвать А. Гварино, Л. Форчиони, Ф. Фабрини, П. Каталано, Дж. Лобрано, Фр. Сини) отдали дань их изучению, что значительно обогатило наши знания об истоках римского государства и права.

За недостатком места упомянем только некоторые работы ученых других стран в области архаического Рима, становления государства, развития политических институтов и магистратур. К ним относятся «Архаическая община римлян» Роберта Палмера (1970), в которой изучаются виды народных собраний и принципы управления общиной в раннем Риме, а также роль курий в республиканское время; «Древнеримские эпонимные должности» Кристера Ханелла (1946), где отстаивается точка зрения о наличии переходной фазы от царской власти к республике (по версии исследователя — с 509 по 449 гг. до н. э.). Многолетние раскопки в Риме в 50-е гг. прошлого века шведского археолога Эйнара Гьёрстада обобщены им в труде «Ранний Рим» (1953–1956) и в обширной статье «Внутриполитическая

и военная организация в раннеримское время» (1972), в которых возрождается ряд идей гиперкритики, в частности раннеримская хронология сдвигается почти на столетие вперед.

В 1948 г. монографию «Римское государство и государственная идея» издал швейцарский исследователь права Эрнст Мейер. Правовые вопросы образования римского государства находились в русле исследований немецких правоведов Ульриха фон Любтова («Римский народ: его государство и его право», 1955) и Йозефа Блайкена («Конституция римской республики: базис и развитие», 1975). Назовем также обобщающий труд о римских магистратурах Вольфганга Кункеля «Государственное устройство и государственная практика Римской республики» (1995) и фундаментальные монографии по развитию раннеримских сословий Жана-Клода Ришара «Происхождение римского плебса» (1978) и П. Рануйя «Исследование патрициата (509–366 гг. до н. э.)» (1975).

Для нашей темы имеют также значение работы Э. С. Стэвли «Греческие и римские системы голосования и выборы» (1972), Р. Т. Ридли «Происхождение римской диктатуры» (1979), П. Коннолли «Греция и Рим в войне» (1981) и содержательная работа Т. Дж. Корнелла «Начала Рима: Италия и Рим от бронзового века до Пунических войн (1000–264 гг. до н. э.)» (1995).

Отечественная историческая наука XX в. всегда сохраняла самый пристальный интерес к античному Риму. Восприняв все лучшее, что было накоплено в мировой и русской историографии, советские историки наиболее активно разрабатывали проблемы экономики, материальной культуры, социальных и классовых отношений. Конечно, это во многом диктовалось официальной идеологией и марксистской методологией. Но в то же время нельзя не признать, что именно советские ученые были пионерами в фундаментальной и всесторонней разработке таких проблем, как материальное производство и социальные отношения как основа и двигатель прогресса мировой цивилизации. Эти темы активно раскрывали ведущие российские специалисты: В. С. Сергеев, С. И. Ковалев, Н. А. Машкин, Е. М. Штаерман и другие. Не будет преувеличением сказать, что во многом под влиянием идей и концепций этих исследователей в последние десятилетия стал возрастать мощный интерес к социально-экономическим проблемам истории Рима в европейской науке. Это

влияние в той или иной мере испытали Жак Эргон и сторонники школы «Анналов», а особенно итальянские исследователи Франческо Де Мартино и Луиджи Капогресси-Колоньеze, Этторе Серени и Франческо Де Робертиc.

К раннему Риму обращался А. И. Немировский. В книге «История раннего Рима и Италии: возникновение классового общества и государства» (1962) Немировский исследовал процесс разложения первобытного строя, социально-экономические отношения в Риме в процессе генезиса государства. К достоинствам книги относится охват автором всех племен и культур Италии. В статье «К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия» (1959) Немировский обобщил накопленный в науке материал по этому спорному вопросу и откровенно присоединился к версии Нильсона.

Плодотворно работал в области римского военного права Е. А. Скрипилев. Еще в 1949 г. увидела свет его работа под скромным названием «К постановке проблем военного права Древнего Рима». На двухстах страницах в ней впервые в советской науке прослеживалась эволюция норм военного права от архаического Рима до поздней Империи. Были подняты проблемы правового оформления и функционирования военно-политических институтов Древнего Рима. Скрипилев не только рассматривал историю военного права, но и давал системный правовой срез военной организации.

Идеи Скрипилева развивала А. В. Игнатенко. Она выпустила работы «Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики: историко-правовое исследование» (1976) и «Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре» (1988). Они являются до настоящего времени одними из немногих исследований по эволюции армии во взаимосвязи с политической структурой римского общества. Автор убедительно отстаивала тезис о том, что в раннем Риме военная организация была не только первоначальным, но и первостепенным элементом государственного механизма. К сожалению, основное внимание исследовательница уделила эпохе поздней Республики.

Особое значение в современной российской историографии имеет проблема генезиса и сущности античного полиса и его специфической разновидности в Риме – *civitas*. Эта проблема была в центре внимания Елены Михайловны Штаерман и Ии Леонидовны Маяк. В трудах Е. М. Штаерман «Древний Рим: проблемы экономического

развития» (1978), «Социальные основы религии Древнего Рима» (1987), «История крестьянства в Древнем Риме» (1996) и многих других рассматриваются вопросы формирования римского государства, складывание его конституции, политической и социальной структуры, развитие религии и правовых идей. Е. М. Штаерман выделяет одну из главных черт полиса: в полисе «каждый гражданин был воин, член народного собрания, землевладелец и равноправный участник в использовании государственной земли» (Штаерман, 1964. С. 9–10; ср. Штаерман, 1996. С. 8, 35, 54).

Важное значение для изучения раннеримского полиса и его войска имеют труды И. Л. Маяк «Рим первых царей: генезис римского полиса» (1983), «*Populus, cives, plebs* начала республики» (1989), «Римляне ранней Республики» (1993) и многие другие. Они посвящены именно архаическому Риму и освещают широкий круг кардинальных проблем: сущность и специфика римской формы земельной собственности, социальная система общины раннего Рима, структура римского гражданства и формирование римских классов-сословий патрициев и плебеев, а также сакрально-политические аспекты идеологии государства. Маяк отстаивает теорию о первоначально патрицианском характере римской общины. Тем самым она возражает мнению Е. М. Штаерман, которая убеждена в изначальном единстве гражданства.

Вера Викторовна Дементьева в работах «Магистратура диктатора в ранней Римской республике» (1996), «Римское республиканское междуцарствие как политический институт» (1998), «Римская магистратура военных трибунов с консульской властью» (2000), «Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V века до н. э.» (2003), «Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика» (2004), плодотворно развивая идеи И. Л. Маяк, впервые в отечественном антиковедении на современном научно-методологическом уровне создала целостную, детально выписанную картину римского государственного устройства, правовых аспектов развития римской конституции и магистратур.

В последнее время традиции отечественной школы римского антиковедения и изучения архаического Рима восстанавливаются в работах Л. Л. Кофанова, О. В. Сидорович, А. М. Сморгчкова, В. Н. Токмакова и ряда других исследователей школы Ии Леонидовны Маяк.

В завершение обзора можно сделать следующий вывод. Мы имеем достаточное количество источников и материалов историографии для реконструкции развития римского общества в период архаики, его конституционно-правовой системы, а также для решения основной проблемы нашего курса — взаимоотношения войска и народа в ранней Республике. Правда, сведения об этом во многих источниках отрывочны и разрозненны. Но данные трудности могут быть преодолены благодаря комплексному анализу всех видов источников.

Тема 2

Реформа Сервия Туллия: традиция и история

Пожалуй, ни один римский деятель не вызывал столь противоречивых оценок, не пользовался такой популярностью и не обладал такой таинственностью, как шестой римский царь Сервий Туллий. Традиционные даты его правления — 578–534 гг. до н. э. По преданию, он был сыном пленницы-рабыни Окризии из городка Корникул. Этим объясняли его имя Сервий (от лат. *servus* — «раб») и латинское происхождение. Иные римские авторы стремились «облагородить» его, изображая мать знатной женщиной, избавленной от рабства и взятой в царский дом, где она и родила мальчика. Как бы то ни было, Сервий Туллий воспринимался потомками как царь-народолюбец. Плебеи считали его своим первым заступником и чтили его память. Легенда рассказывает, что патриции составили заговор против Сервия Туллия и убили его.

Став царем после гибели Тарквиния Древнего, Сервий Туллий успешно воевал с этрусками. При нем в Риме на Авентине, где жили плебеи, был выстроен храм Дианы, любимой общелатинской богини. Этим латины признали Рим главою латинских городов. Сервий окружил Рим новыми стенами, охватившими кольцом мощных укреплений новые холмы и районы города. Эти границы сохранились вплоть до I в. н. э. Рим становится настоящим городом, а Сервий из племенного вождя превращается в царя государства (см. Маяк, 1993. С. 17). Но главным делом его жизни стала реформа римского войска и всего общественного устройства, вошедшая в историю как *центуриатная реформа*.

До сих пор среди исследователей не утихают споры о времени и причинах проведения царем Сервием Туллием военной реформы, о сущности порожденного ею центуриатного строя и ее роли в генезисе раннеримского государства.

Римское куриатное ополчение — от Ромула до Сервия Туллия

Со времен Ромула (VIII в до н. э.) в Риме на стадии перехода римской общины от первобытного строя к государственному исторически сложились 30 курий и 3 родовые (гентильные) трибы (Liv. I. 43; Dionys. II. 7–16; Plut. Rom. 20; Cic. Resp. II. 8. 14; Serv. Ad Aen. V. 360). При чем фиксация при Ромуле количества административно-родовых единиц (ячеек) определялась прежде всего военными потребностями. Ибо именно по 30 куриям комплектовалось пешее войско, а по трем гентильным трибам — конница (подробнее см.: Токмаков, 1998. С. 51 и след.). Поэтому пресловутые «реформы Ромула» явились важнейшим шагом на пути создания раннеримской военной организации и знаменовали завершение этапа конституирования органов и традиций так называемой «военной демократии», которую можно считать высшей стадией развития родового строя.

В ранний царский период курия как относительно замкнутое и прочное объединение родов являлась догосударственным образованием (Altheim, 1951. S. 89, 199; Ferenczy, 1976. P. 29; De Francisci, 1959. P. 176, 485 ff). Она формировалась на той стадии развития общества, когда отдельный род перестал удовлетворять потребностям своих членов, прежде всего военным и сакральным. Исходя из этого уязвимо отождествлять римскую курию и греческую фратрию, которая типологически относится к родовой организации. И. Л. Маяк полагает, что в период после правления Ромула римские курии представляли собой лишь подобие фратрии (Маяк, 1983. С. 99 и след.; Маяк, 1993. С. 10, 71). Они были генетически связаны с фратрией, отмечает исследовательница, но отличались тем, что включали только мужчин. Поэтому более корректной оказывается этимология курии от слова *co-viria*, т. е. «союз мужей». Эта этимология отражает древность возникновения курий из «мужских союзов», которые зафиксированы этнологами у многих народов на этапе перехода от материнского рода к отцовскому. Подчеркивает она и первоначально военную ипостась курий.

Но следует иметь в виду, что Рим пережил эту стадию уже ко времени эпохи Ромула. Как уже сказано выше, при нем курии превратились в структурные ячейки родоплеменной общины и в базу формирования общинного ополчения. Следовательно, они стали более широким понятием, чем *coviria*. А уже ко времени позднего царского периода в VII–VI вв. до н. э. римские курии превратились в замкнутые объединения патриархальных родов. Источники насчитывают 300 таких родов. Внутри них постепенно стали обособляться отдельные фамилии.

Каждая курия обладала своей территорией (пагом), общинной землей, которая регулярно перераспределялась между отдельными родами и фамилиями. Полноправные члены курий — патриции — были спаяны внутренней родовой дисциплиной, обладали общими куриатными сакральными культами и включали всех членов родов, в том числе клиентов, но с особым положением способных носить оружие мужчин. Именно они формировали куриатные комиции, состоявшие из военнообязанных. При этом очевидна не только родовая, но и военная направленность курий. Поэтому скудость сведений традиции о родовом устройстве курий в эпоху республики сбивает с толку многих исследователей. Можно сказать, что курии в период от Ромула до Сервия Туллия возродились в качестве союзов мужей-воинов, но уже на иной основе, с другими, ранее несвойственными ей, а именно военными и религиозными целями и в условиях развертывания генезиса государства.

В этой связи становится понятнее как феномен живучести курий и куриатных комиций в эпоху республики, так и постоянный перевод термина «курия» греческим автором Дионисием Галикарнасским как «фратрия и центурия». Суть в том, что в курии совпадали понятия «воин» и «сородич». Поэтому в досервианский период (до VI в. до н. э.) курию правомерно рассматривать в качестве неразрывного, органического единства базиса комплектования куриатного ополчения и одновременно войсковой единицы. Именно она определяла структуру и способ построения воинских сил.

Принятые в роды и курии чужеземцы легко становились патрициями. Скажем, род знатного сабинянина Атта Клавза, переселившегося уже в начале V в. до н. э. в Рим, был принят в курию и «гражданство» (*in civitatem*) и получил землю в паге Клавдия (App. Rom. I. 12; Dionys. V. 49. 3). А сам глава рода под именем Аппий Клавдий был избран в сенат и стал основателем патрицианского рода Клавдиев.

Итак, курии реально формировали и конституировали в сакрально-правовом отношении общину до реформы Сервия Туллия, а в некоторых аспектах и после нее. Благодаря своим внутренним тесным родовым связям курии обеспечивали быстрое и бесконфликтное комплектование военного ополчения, а также верность общинников военному вождю — царю (*rex*). Посредством принятия специального куриатного закона о вручении военачальнику высшей военной власти — империя — курии санкционировали (давали согласие) осуществление им своих полномочий. Одним из главных условий, ускоривших процесс слияния новых родов со старыми в единый *Populus Romanus Quiritium*, было равное участие всех членов курий в войске и народном собрании (комициях). Войско, таким образом, играло важную роль в вызревании единой римской общины.

В заключение отмечу, что куриатный способ комплектования войска в период царей имел как сильные, так и слабые стороны. К сильным сторонам относится простота набора непостоянных по численности куриатных отрядов и их лояльность общине и вождю. Каждый воин-общинник в бою ощущал локоть своих сородичей (причем не только в фигуральном смысле). Он был крепко связан не столько военной, сколько родовой дисциплиной. Слабые стороны проявлялись в отмеченном выше естественном стремлении родового коллектива к замкнутости. Кроме того, кровнородственный принцип построения войска сужал приток в него свежих, дополнительных сил. По справедливому замечанию И. Л. Маяк: «...при пополнении курий могла учитываться и численность самого рода, его мужского боеспособного населения. В силу того, что комплектование войска шло от курии, было не так важно то, сколько в нее входит родов, как то, сколько в совокупности этих родов насчитывается мужчин» (Маяк, 1983. С. 258).

Тем самым военная мощь курии и общины в целом ставилась в зависимость от естественного воспроизводства мужского населения. В ранний царский период, когда римская община еще не достигла своих демографических пределов и была открыта для принятия новых родов из соседних покоренных племен, эти отрицательные стороны еще были скрыты. Но в VII в. до н. э., как явствует из данных письменной традиции, образование новых курий и сравнительно легкое принятие новых родов в уже существующие сходят на нет (см. тему 5), и вскоре тормозящая роль куриатного принципа формирования войска особенно ярко проявилась при столкновении римлян в конце VII

и в VI в. до н. э. с таким сильным народом, как этруски. Этруски, как известно, ушли в своем развитии дальше римлян и создали мощную военную фаланговую систему. Противостоять ей римскому куриатному ополчению оказалось не под силу.

Проблема изменения устаревшего типа комплектования войска была решена римлянами не путем трансформирования старой куриатной системы, а созданием совершенно иной военной организации. Эту миссию выпало осуществить шестому римскому царю Сервию Туллию.

Реформа Сервия Туллия по данным традиции

Источники сообщают, что Сервий Туллий после длительных войн с этрусками провел обширные преобразования. Прежде всего, он учредил ценз, по определению Цицерона, «установление, полезнейшее для такого государства, которому судьбой назначено стать великим» (Cic. Resp. II. 31. 38). Он произвел податную перепись населения и разделил его на пять цензовых разрядов (классов) в зависимости от величины имеющегося имущества у каждого способного носить оружие жителя (подробнее см.: Токмаков, 1998 а. С. 83–87). Изложение реформы подробно дано Ливием (I. 43–46), Дионисием Галикарнасским (IV. 16–22), Цицероном (Resp. II. 21, 38), Дионом Кассием (56.10; Zonag. 13), Авлом Геллием (N. A. VI (VII). 13).

Первый разряд включал тех, чье имущество оценивалось в 100 тыс. ассов (по Геллию — в 125 тыс. ассов). Ко второму классу относились лица, располагавшие состоянием в 75 тыс. ассов, к 3-му — 50 тыс., к 4-му — 25, и, наконец, к 5-му — обладавшие всего лишь 11 или 12,5 тыс. ассов. Граждане, не сумевшие наскрести даже такой суммы, именовались пролетариями и *capite censi*. Как явствует из названия, первые в качестве ценза предъявляли свое потомство (*proles*), а вторые оценивались просто по головам (*caput*).

Каждый имущественный разряд выставлял для нужд войны определенное количество центурий пехотинцев: 1-й класс формировал больше всех центурий — 80; 2-й, 3-й и 4-й — по 20, а 5-й класс — 30 центурий. Кроме того, в центуриатную систему традиция включает ряд центурий явно нестроевых, которые фактически находились вне деления на разряды. Это две центурии ремесленников, приданные 1-му или 2-му классу. В этом сведения Ливия (I. 43. 3) и Дионисия (IV. 17. 3) не совпадают. Также две центурии горнистов и труба-

чей (*cornicines* и *tubicines*) были добавлены к 4-му или 5-му классу. Помимо центурий пехоты, было сформировано 18 центурий конницы, которые составили особый, привилегированный корпус всадников (*equites*). При этом к шести сдвоенным древнейшим центуриям Тициев, Рамнов и Луцеров, учрежденным еще Ромулом и удвоенным Тарквинием Древним, были добавлены 12 новых центурий, независимых от родоплеменного принципа комплектования. Таким образом, всего по реформе Сервия Туллия было создано 193 центурии, включая отдельную центурию пролетариев, отстраненных от военной службы.

Но источники выделяют еще одну особенность Сервианского устройства, а именно: деление центурий каждого разряда поровну по возрастам. Военнообязанные общинники от 18 до 46 лет входили в центурии *юниоров* (младших), а пожилые, старше 46 лет, образовывали центурии *сениоров* (старших). Кроме того, членам каждого разряда предписано было определенное вооружение, количество которого с уменьшением величины ценза убывало. Это определяло место пехотинцев в боевых порядках войска.

Так, воины 1-го разряда носили панцирь (*lorica*), шлем (*galea*), поножи (*ocrea*), круглый щит типа *clipeus*, а из наступательного оружия (*tela*) — копье (*hasta*) и меч (*gladius* или *mucro*). Такое полное вооружение в целом соответствует типу так называемого гоплитского снаряжения. Располагались воины 1-го разряда в передовых рядах войска. Воины 2-го разряда уже были освобождены от панциря, а вместо круглого гоплитского щита имели продолговатый щит типа *scutum*. В бою источники отводят им место во втором ряду боевых порядков. Третий разряд по сравнению со вторым не имел поножей, а 4-й носил щиты *scutum*, мечи и по два копья — длинную *hasta* и метательный дротик *verrutum*; Ливий отрицает наличие у них даже щита и меча (I. 43. 6). В бою 4-й разряд занимал последнюю боевую линию. Воины же 5-го разряда вооружались только пращами и метательными камнями. Они дислоцировались вне строя в качестве вспомогательных отрядов легковооруженных.

Центурии различных разрядов были, несомненно, разной величины. Ведь еще Цицерон и Дионисий Галикарнасский обоснованно сомневались, могли ли самые богатые граждане в те времена составить целых 80 центурий по 100 человек каждая, т. е. 8 тыс. человек? Явно также, что центурии сениоров должны быть малочисленнее

юниоров, так как немного людей в то время доживало до старости. Кроме того, Цицерон (Cic. Resp. II. 22. 40) определенно свидетельствует, что в каждой центурии 2–5-го классов состояло больше людей, чем во всем первом разряде.

Реформа Сервия Туллия вводила также новое территориальное деление Рима. Теперь он разделялся не по прежним трем родовым трибам, которые были объединениями курий и их сельских владений – пагов, а по территориальным трибам. Они объединяли всех жителей того или иного региона, а не только членов курий. Ливий сообщает о создании четырех городских триб и оговаривается, что они не имели никакого касательства ни к распределению по центуриям, ни к их числу (Liv. I. 43. 13). Количество сельских триб при Сервии не известно. Но по мере расширения римской территории (*ager publicus*) к концу IV в. до н. э. число всех триб достигло 35.

Новое разделение граждан и войска вызвало к жизни и новый тип народного собрания — по центуриям, а не по куриям, как раньше. Таким образом, превосходство в количестве центурий обеспечивало всадникам и членам 1-го разряда преимущество при решении любых политических вопросов. Это бросалось в глаза уже древним авторам и приводило их к выводу, что Сервий Туллий таким способом «перехитрил народ», предоставив ему формальные политические права, но на деле исключив народ от участия в управлении общественными делами (Liv. I. 43. 10; Dionys. IV. 20–21; VIII. 82; X. 17; Cic. Resp. II. 22. 39–40).

Однако причины такого положения источники трактуют по-разному. Скажем, Дионисий (IV. 20. 2–3) рассуждает, что в куриатном собрании все были равны и беднейшие граждане имели равный голос с богатейшими, а поскольку последних было мало, все дела решали численно превосходящие их бедняки. Поэтому, по мнению Дионисия, Сервий Туллий перевел преимущество голосов от бедных к богатым, установив неравное количество центурий в имущественных классах. Тит Ливий (I. 43. 10) выражает ту же мысль более изящно: Сервий Туллий переложил с бедных на богатых военные тяготы, ибо богатых было меньше, а служить им приходилось отныне чаще вследствие распределения по большему количеству центурий. Наконец, Цицерон (Cic. Resp. II. 22. 40) проясняет суть данного нововведения, при котором, с одной стороны, никто не лишался права голоса в народном собрании, а с другой — при голосовании наиболее влиятельными оказывались те, кто был

наиболее заинтересован в том, чтобы государство находилось в наилучшем состоянии.

Иными словами, политический вес членов того или иного разряда в центуриатных комициях источники напрямую связывают с их правом и одновременно обязанностью нести военную службу в общинном ополчении. Регулярность же военной службы, в свою очередь, определялась величиной ценза. Дионисий Галикарнасский (IV. 19. 3–4) дает этому стройное обоснование. Оно сводится к тому, что: 1) лучший воин тот, кто владеет собственностью, ибо он заинтересован в эффективной защите ее, а значит, и всей общины; 2) так как тот, кто чаще служит, несет и большие по сравнению с другими расходы и подвергается большей опасности, то он должен и получить наибольшее влияние в государстве; 3) наконец, все эти опасности службы компенсируются большей долей в военной добыче. Не будем забывать, что военная добыча включала главным образом не столько награбленное имущество — оно в те времена было более чем скромным, — сколько отнятую у врага треть территории, которая поступала в фонд общественной земли (*ager publicus*).

Изложенные вкратце данные римской письменной традиции показывают, что Сервианская конституция в том виде, в каком она зафиксирована в источниках, охватывала все стороны жизни и общественного устройства римлян и именно поэтому возникают сомнения в том, могла ли она явиться плодом деятельности одного, даже очень неординарного лица.

Аутентичность данных традиции о Сервианской реформе

Современная историография преодолела гиперкритическое отношение к римской письменной традиции об архаическом Риме. Но даже самые благожелательно настроенные ученые убеждены, что в том виде, в каком Сервианская реформа предстает в описаниях римских и греческих авторов, либо никогда не существовала на практике, либо сложилась только в III в. до н. э. Тем не менее воссоздание первоначального устройства Сервианской конституции важно, так как не только повышает степень доверия к традиции, но и влияет на ракурс изучения всей раннеримской истории.

Наиболее беспощадной критике в науке подвергаются следующие элементы традиции: 1) денежное исчисление ценза граждан; 2) тщательная регламентация древними вооружения разных

имущественных разрядов; 3) изначальное число учрежденных Сервием 193 центурий. Иначе говоря, в конечном счете сама структура центуриатной организации. Поэтому, чтобы выяснить цель и сущность реформы, нам нужно рассмотреть аргументы «за» и «против».

Отрицание исчисления ценза в деньгах обычно опирается на уверенность в том, что экономика Рима VI–V вв. до н. э. носила исключительно натуральный характер. Действительно, археологические раскопки показывают, что так называемые «тяжелые ассы» (*aes grave*) имели хождение с IV в. до н. э. (Crawford, 1976. P. 197–200; Gjerstad, 1972. S. 181; Ridley, P. 1975. P. 161 ff.). Но учтем, что до них употреблялись «сигнированные ассы» (*aes signatum*), которые и сейчас находят в археологических слоях VIII–VI вв. до н. э. Их тщательно исследовал Эмилио Перуцци в труде «Деньги в раннем Риме» (Peruzzi, P. 1985. P. 65 sq.; 207–228; Richard, 1978. P. 389 ff.). Сигнированные ассы представляли собой кусочки меди с отпечатками так называемой «сухой ветви» (а проще, рыбьего хребта). Есть экземпляры не только V, но даже середины VI в. до н. э. (Маяк, 1993. С. 109–110).

Нет у нас оснований не доверять и сообщениям традиции. Так, Плиний Старший прямо указывал: «Сервий Туллий первым чеканил ассы» (...*primus signavit aes*) (N. H. XXXIII. P. 3, 43; XVIII. 12). А по сведениям Исидора (Orig. XVI. 18. 10) и Иоанна Лида (De Mens. I. 17), чеканка в Риме монеты началась уже при Нуме Помпилии, хотя эти данные и вызывают некоторые сомнения.

Более того, в качестве средства платежа ассы хорошо известны Законам XII таблиц середины V в. до н. э. В них упоминаются хозяйственные штрафы в 25 ассов (Тав. II. 1; VIII. 11; Gai. Inst. IV. 14–15) и сделки суммой свыше 1 тыс. ассов (Plin. N. H. XVII. 1. 7). Заметим, что в V в. до н. э. консулов нередко привлекали к суду за плохое командование войсками и приговаривали к денежным штрафам. А такие сведения обязательно заносились в государственные фасты, поэтому им можно доверять. Например, консул Менений в 476 г. до н. э. заплатил штраф в 2 тыс. ассов (Liv. II. 52. 5); консул Марк Постумий — в 10 тыс. ассов, а Гай Семпроний в 420 г. — в 15 тыс. «тяжелых ассов» (Liv. IV. 41. 10; 44; V. 12; Dionys. X. 49. 6). Обратим внимание, что Ливий употребляет именно этот архаичный термин — *aes grave* (Liv. IV. 41. 10; 44. 10; V. 12. 1). Ливий говорит также о либральных ассах, которые в виде военного налога в 406 г. до н. э. везли на телегах сенаторы (Liv. IV. 60. 6; Gai. Inst. I. 122). Столь точная и аутентичная характерис-

тика разновидностей ассов свидетельствует в пользу достоверности сообщений Ливия, а также в пользу широкого хождения медных ассов в эпоху ранней Республики. Малочисленность же археологических находок ассов вполне объяснима тем, что они использовались не только в виде средства платежа, но и в качестве мер веса (*aes librum*, римский фунт в 327,5 г), об учреждении которых именно Сервием Туллием сообщает Аврелий Виктор (Vir. ill. VII. 8). С введением в 269 г. до н. э. чеканки серебряной монеты: сестерциев (2,5 третичного асса) и денариев (10 третичных ассов) — старые медные деньги могли постепенно пойти в переплавку.

Обращает на себя внимание и тот факт, что с середины V в. до н. э. судебная пеня начинает взиматься в виде не скота, а металлических денег (законы 454 и 430 гг. до н. э. — Liv. III. 31. 6; Cic. Resp. II. 35. 60; Fest. P. 220; 229; 508 L; Gell. XI. 1; XX. 1. 12). Поэтому считать экономику Рима того времени натуральной некорректно. Современные исследования (De Martino. 1958. P. 7 ff.; 43–47; Маяк. 1993. С. 109–110) доказывают высокий уровень развития в Риме ремесла и торговли и дают нам полное основание утверждать, что уже в VI–V вв. до н. э. Рим продвинулся далеко вперед по пути развития товарного хозяйства. Об этом свидетельствуют прочные экономические связи Рима с Этрурией и греческими колониями Кампании, в расчетах с которыми широко использовались греческие монеты, а также договор 509 г. до н. э. о торговле между Римом и Карфагеном. В настоящее время достоверность этого договора уже не вызывает сомнений. Замечу также, что все латинские источники, включая самые поздние, исчисляют Сервиев ценз в ассах. Но в эпоху поздней Республики ассы превратились в мелкую разменную монету. Отсюда следует, что источники опирались на древнюю традицию и дотошно воспроизводили потерявшие уже свой смысл реалии архаической эпохи.

Мы имеем все основания полагать, что на первом этапе эволюции реформы Сервия Туллия ценз проводился на основе оценки общего состояния общинника, включая земельный надел, количество скота и другого движимого имущества. Можно согласиться с мнением Т. Моммзена, что чисто денежное исчисление ценза началось только со времени реформы цензора Аппия Клавдия Цека в 312 г. до н. э. (Моммзен, 1994. С. 291; Mommsen, 1876. II. S. 375). Но учтем, что до этого времени по эквиваленту имущества общинника в ассах определялся военный налог (трибут). В VI–IV вв. до н. э. трибут был взносом

гражданина на приобретение себе оружия согласно его месту в боевых порядках войска. Приобреталось оружие скорее всего централизованно и хранилось в государственном казнохранилище — эрарии. Оттуда оно выдавалось гражданам по мере призыва их на военную службу.

Подчеркнем, что с самого начала существования центуриатной системы за основу классификации ее членов брался самый простой критерий — способность гражданина-ополченца вооружать себя самостоятельно. Поэтому важно было не имущество как таковое, а количество и качество оружия, которое военнообязанный человек был в состоянии приобрести. А поскольку такая способность была обусловлена степенью состоятельности индивида, то она закономерно со временем в качестве производной компоненты стала закладываться в ценз. По-видимому, законченный вид этот процесс приобрел с упорядочением процедуры проведения цензов и учреждением специальной магистратуры цензоров в 443 г. до н. э.

Таким образом, цензовая классификация сервианских разрядов при ближайшем рассмотрении оказывается достаточно адекватным воспроизведением древними авторами реалий начала проведения реформы Сервия Туллия. А считающиеся обычно самыми недостоверными и модернизированными списки вооружения разрядов обнаруживают свою практическую значимость и тесную взаимосвязь с цензом общинника.

Что касается широкого употребления гоплитского оружия в Центральной Италии и в Этрурии, то можно привести в качестве примера чернофигурную керамику из Тарквиний, где изображены шеренги воинов в шлемах греческого типа, с круглыми щитами во главе с трубачом, а также одиночные воины и всадники в полном гоплитском вооружении с круглыми щитами и длинными копьями. К IV в. до н. э. относится известная статуэтка двух воинов, несущих третьего, раненного товарища. Все они в шлемах с продольными гребнями, подъемными забралами, поднятыми вверх нащёчниками, панцирями греческого типа с наплечниками и поножами. Обильные археологические материалы из Рима и Лация принадлежат к VII–VI вв. до н. э. и доказывают распространение в то время всех элементов гоплитского вооружения, включая панцири, круглые щиты, шлемы и т. д.

Главным признаком гоплитского строя является повышение внимания к защитному вооружению и прежде всего щиту. Примером та-

кого щита служит бронзовый щит диаметром около 1 м, найденный на Эсквiline. Он датируется первой половиной VII в. до н. э. Аналогичные щиты найдены в Цере. Шведский археолог Эйнар Гьёрстад обнаружил в Риме бронзовый шлем полусферической формы с выгнутыми краями без следов гребня, вызывающий ассоциации с этрусскими шлемами греческого типа из Северной Италии. Причем подобные шлемы (горшкообразной или полукруглой формы с ободком по нижнему краю) были известны еще в VIII в. до н. э. Об этом свидетельствует фреска из Питекузы, где видна шеренга воинов с круглыми щитами, двумя копьями и в шлемах. Такие шлемы имели обычно либо плюмаж в центре, либо поперечный гребень (Peruzzi. 1970. Vol. VII. P. 72, 77. Tav. XVI; Müller-Karpe, 1962. S. 55, 89. Taf. 20); Залесский, 1959. С. 62). Кстати, прослеживается характерное сосуществование в Лации археологических находок двух типов шлемов: круглых коринфского типа, т. е. гоплитских, и горшкообразных, итальянских, которые П. Коннолли справедливо атрибутирует воинам, вооруженным щитами «скутум» (Connolly, 1981. P. 94–102). Наконец, к периоду правления «этрусской династии» в Риме относятся находки Э. Гьёрстадом панциря VI в., представляющего собой, скорее, нагрудник прямоугольной формы со слегка вогнутыми внутрь краями, усиленным бронзовым обручем, с орнаментом в виде концентрических кругов (Gjerstad, 1953. Vol. II. P. 180, 185, 218, 203, 227, 230, 232, 237, 241, 254–265). Нагрудники круглой формы или в виде фалер, нашитых на кожаный панцирь, обнаруживают и сейчас в Лации и Центральной Италии. Многочисленны находки наконечников копий листовидной и трехгранной формы для ближнего боя с раструбами для насадки на древко. Они отождествляются с копьями (*hasta*), применяемыми в фаланге, и идентичны по форме копьям, изображенным на этрусской керамике. Разнообразны виды мечей: от широких рубящих мечей (*micro*) и длинных колюще-рубящих мечей с слегка загнутым концом лезвия (*spatha*) до коротких мечей галльского типа (*gladius*) и кинжалов (*pugio*).

Необходимо затронуть еще один аспект. Одно из течений в историографии связывает реформу Сервия Туллия с якобы прямым завоеванием Рима этрусками в конце VII в. до н. э. и установлением в нем правления так называемой «этрусской династии». Под ней подразумевают царей Тарквиния Древнего, Сервия Туллия и Тарквиния Гордого. Хотя, замечу, Сервий в традиции считается однозначно

из латинского рода. Этрускам же приписывают превращение римского родового военного вождя в абсолютного царя-владыку с династическими тенденциями (Beloch, 1926. S. 227 u folg.; Meyer, 1923. S. 22; Rostovtzeff, 1930. T. 2. S. 21–24; Snodgrass, 1937. P. 118; Thømsen, 1980. P. 200 ff.; Stary, 1981; Негушил, 1916. С. 31; Pareti, 1952. Vol. 1. P. 300 ff.). Например, Х. Скаллард полагал, что в VI в. до н. э. Рим не только находился под сильным политическим, экономическим и религиозным влиянием этрусков, но и был физически захвачен ими и превращен в важную базу на Тибре для обеспечения дальнейшей экспансии этрусков в Лации и Кампании. Он высказывает убеждение, что это завоевание привело к хозяйственному подъему и социальному прогрессу Рима (Scullard, 1976. P. 172). В последние десятилетия эта точка зрения превалирует в западной историографии. Так, французская исследовательница Кр. Сонье, анализируя археологический материал о вооружении, отмечает синхронность его развития (особенно гоплитского) в Риме и в Этрурии во второй половине VII–VI в. до н. э. На этом неоднозначном основании она приписывает формирование войска нового типа в Риме этрускам, хотя в вопросе о завоевании более осторожна (Saulnier, 1980. P. 94, 104–105).

Подобные теории, кстати, не подкрепленные ни материалом источников, ни серьезными археологическими данными, встречали основательные возражения в отечественной историографии. Например, еще полвека назад Н. Н. Залесский в специальном исследовании «Этруски в Риме» убедительно доказал, что этрусский элемент в римской правящей верхушке был уравновешен многочисленной знатью латинского и сабинского происхождения (Залесский, 1958. С. 97, 107). А. А. Ельницкий также полагал, что цари этрусской династии, внося этрусские традиции в римское общество, уже находящееся на пороге образования государства, лишь ускорили происходившие в нем процессы складывания социальных классов, но отнюдь не создали искусственно, не навязали насильно эти процессы (Ельницкий, 1958. С. 142–156).

Можно привести и обоснованное мнение Франческо Де Мартинно. Он обращал особое внимание на взаимосвязь политического и экономического развития Рима и убедительно продемонстрировал, что досервианский Рим уже подошел в своем развитии к порогу возникновения государства, но остановился на нем (De Martino, 1958. P. 34–74).

Уязвимость версии об этруском завоевании Рима наглядно проявляется в том, что Рим никогда не заключал военных или политических союзов с этрускими городами. Наоборот, наиболее интенсивно воевал с ними «коренной», так сказать, этруск Тарквиний Древний, длительные кампании вел с ними сам Сервий Туллий. Безусловно, реальность и степень подчинения Рима этрускам так и останется проблемой дискуссий вследствие скудности источников. Но гораздо существеннее не то, был или не был Рим под властью этрусков, а то мощное культурно-психологическое воздействие, которое оказывала развитая этрусская цивилизация на юный, но уже задиристый Рим. При этом Рим, очевидно, и в расцвете своего могущества испытывал по отношению к ней некий комплекс неполноценности.

* * *

Подводя итог, можно отметить следующее. Реформа Сервия Туллия по своим целям, изначально прежде всего военным, и методам проведения (при полном соблюдении всех древних сакрально-правовых обрядов) полностью соответствует реалиям социально-политического и экономического развития римской общины в середине VI в. до н. э. Она явилась дерзким, но назревшим способом разрешить сгустившиеся к тому времени противоречия родоплеменного коллектива: замкнутость родовых ячеек общины — курий и гентильных триб, прекращение пополнения населения за счет «свежей крови» переселенцев-плебеев, которое вело к нарушению управляемости общиной и резкому снижению базы ее вооруженных сил. Куриатное ополчение окончательно доказало свою отсталость и невозможность быстрого восполнения потерь в живой силе. Все это приводило к утрате положения Рима среди окружающих племен и народов и нарастанию внешней угрозы. Решить проблемы перехода Рима от родоплеменного общества эпохи «военной демократии» к государственному строю можно было лишь на качественно иной основе. Тем более что именно к середине VI в. до н. э. в Риме уже вовсю шло формирование «среднего класса» из зажиточных землевладельцев как коренных членов курий, так и бесправных плебеев (см. тему 6).

Выполняя частную задачу реформирования военной организации и расширения ее состава, реформа Сервия Туллия взорвала родовые устои и положила начало объединению в едином гражданском

коллективе патрициев и плебеев. Именно их борьба стала, на мой взгляд, движущей силой формирования в Риме гражданского общества и государства, причем особого типа, разновидности античного полиса — *civitas*. Введение организованного по сословно-цензовому принципу гоплитского войска, где тяжеловооруженные состоятельные общинники получали преимущество независимо от родового происхождения, явилось одним из важнейших признаков формирования государства полисного типа.

Принятие индивида в военную организацию автоматически вводило его в состав гражданства и давало право участвовать в обсуждении дел не только самого войска, но и всей общины. Само центуриатное собрание, будучи собранием войска, объективно заняло место собрания всей *civitas*. Именно в нем воплотилось военно-политическое единство раннереспубликанской общины, ибо оно объединило патрициев и плебеев в одних цензовых разрядах и центуриях независимо от сословной принадлежности. Поэтому реформирование войска означало неизбежно и переустройство всего общества, а введение территориального деления первоначально для чисто военных целей знаменовало переход от гентильной организации к полисной.

Однако данное положение привело к сохранению в Риме после реформы Сервия куриатной организации, что отнюдь не означало половинчатость реформы Сервия по сравнению, скажем, с законодательством Солона и Клисфена в Афинах, ибо она и не ставила перед собой цели подрыва господства родовой аристократии. Но сам факт существования куриатной организации в качественно иной центуриатной системе породил объективное противоречие, которое являлось источником и побудительным мотивом развития «борьбы сословий», — между юридическим равенством патрициев и плебеев в военной организации и пропастью в социально-политическом и родовом отношениях (см. далее темы 6–7).

В этой связи приходится подвергнуть сомнению доминирующую в историографии точку зрения на центуриатную систему как на утверждение тимократии (Botsford, 1909. P. 33; Staveley, 1972. P. 128; Gjerstad, 1966. P. 28; Bleicken, 1975. S. 43; Saulnier, 1980. P. 107; D'Agostino, 1990. P. 80; Fugmann, 1990. S. 273). Тимократия трактуется обычно как обладание гражданином суммой политических прав пропорционально его состоянию. Действительно, в раннем Риме больший ценз давал общиннику преимущества в участии в центуриатных комициях.

Но, во-первых, это преимущество проистекало из чисто военных нужд комплектования тяжеловооруженной боеспособной фаланги, а во-вторых, оно проявлялось главным образом в праве активно участвовать в голосовании, практически не влияя на его результат.

Коренным отличием центуриатной системы от тимократической греческой являлось то, что органы управления ею формировались как раз не по принципу ценза, а на основе принадлежности к патрицианскому сословию. Плебеи, даже входящие в 1-й имущественный разряд (классис), не могли занять высшие магистратуры, особенно связанные с обладанием империем и правом ауспиций, несмотря на все свое состояние. Ярким примером этого служит эпизод со всадником Спурием Мелием (см. темы 8, п. 1 и 15, п. 3).

Подобное положение сохранялось до реформ Лициния–Секстия (367 г. до н. э.). При этом даже после допущения плебеев к высшим магистратурам (консулярному трибунату и консулату) им приходилось настаивать на юридическом выделении квот для плебеев. С другой стороны, патриций не мог стать плебейским трибуном иначе как перейдя в сословие плебеев путем усыновления. Таким образом, в центуриатной конституции, игнорирующей сословный принцип в комплектовании военных сил, в политической сфере доминировал именно сословный, а не тимократический принцип.

Тема 3

Трансформация центуриатного строя в первый век республики

Центуриатная система в том завершенном виде, в каком она отображена в письменных источниках, с переплетением ценза общинников, имущественных классов и деления на центурии, тем более разной численности, на первый взгляд представляла столь сложной, что многие исследователи до сих пор сомневаются в ее реальном существовании. В самом деле, могла ли изначально римская община подразделяться на пять разрядов и в чем смысл такого дробного деления? Неожиданным образом этот вопрос погружает нас в перипетии становления в Риме патрицианско-плебейской общины в VI–V вв. до н. э.

Первоначальная структура сервианского общества и войска

Историки давно обратили внимание на любопытное сообщение Авла Геллия: «Классиками (*classici*) назывались те, кто состоял в пяти классах, но только люди первого разряда (*classis*), которые обладали цензом свыше 125 тыс. ассов. “Вне разряда” (*infra classem*) назывались люди второго класса и всех остальных классов, которые оценивались меньшим количеством ассов, чем я сказал выше» (Gell. VI (VII). 13). Тем самым Геллий определяет 1-й имущественный разряд как особый, отделенный от всех остальных, которые мыслятся стоящими вне его (или даже «ниже» — *infra classem*). В другом месте тот же Геллий характеризует *classis procincta* («подпоясанный к бою классис») как *exercitus armatus* («вооруженное войско»). Ему вторит Фест (Fest. P. 294 L; ср. P. 251 L): «“Подпоясанным” классисом называется войско, выстроенное и готовое к бою» (*classis procincta, id est exercitus instructus*). А Павел Диакон уточняет, что «древние называли классисами, вооруженными круглыми щитами (*classes clipeatas*), тех, кого мы ныне называем войском» (Fest. P. 48L).

Становится понятным, что классис — это войско, но не целиком, а лишь несущая щиты *clipei* фаланга тяжеловооруженных гоплитов. Именно она и составляла ядро и основную ударную силу сервианского войска, потому и комплектовалась из наиболее состоятельных граждан в наибольшее количество центурий.

Все же остальные общинники, не способные приобрести гоплитское вооружение, оставались вне рядов фаланги (*infra classem*) и первоначально не делились на разряды. Но поскольку фаланга не может действовать без поддержки вспомогательных войск и легковооруженных отрядов, эти общинники также были обязаны нести воинскую службу, но в меньшем количестве воинских отрядов-центурий.

Прямая зависимость участия гражданина в войске от величины его имущества (ценза), как уже отмечено, сопровождалась автоматическим участием его в центуриатных комициях. Кроме того, походы гарантировали воину стабильную добычу. А она составляла немалую долю дохода воина, в том числе и путем перераспределения через казну. Размер выделяемой добычи или вознаграждения зависел от разряда и чина общинника. С этой точки зрения военные тяготы чле-

нов *classis* представляются скорее их преимуществом по сравнению с людьми, оставшимися в категории *infra classem*.

Именно это обстоятельство определило дальнейшее доминирование членов 1-го разряда (классиса) не только на поле брани, но и на Марсовом поле, где проходили сборы политических центуриатных комиций. Заметим, что источники полны стенаний плебеев на засилье на Марсовом поле патрициев (как будет показано ниже, полностью влившихся в классис и всадничество) и на то, что в бесчисленные походы гонят воевать плебеев, а плодами побед пользуются «отцы». Но при этом мы не найдем ни намека на попытки исправить это вопиющее положение, казалось бы, логичным перераспределением количества центурий между разрядами. Военная целесообразность поддержания боеспособной фаланги довела над политическими перипетиями до тех пор, пока центуриатная система оставалась стержнем римской военной организации.

Лишь в середине III в. до н. э. центуриатные комиции подверглись серьезному реформированию. Отныне центурии образовывали не самостоятельные цензовые разряды, а всего лишь подразделения 35 территориальных триб и состояли из всех жителей независимо от состояния. Каждый имущественный разряд выставлял по 70 центурий (по 10 от трибы), и их вместе с 18 всадническими и пятью «нестроевыми» стало 373 (Taylor, 1966. P. 337–354). Особо чувствительные утраты в политическом весе понесла куриатная организация: она оказалась открыта для плебеев, и в конце III в. до н. э. первый плебей был избран главой курий — *Curio maximus* (Liv. XXVII. 8.1). Но к тому времени военная организация уже утратила свой центуриатный стержень.

Данные нарративных источников однозначно указывают на постоянный и стабильный со времен Сервия состав центуриатного войска (а следовательно, и комиций) в 193 центурии, но с учетом того, что центурии ремесленников и музыкантов были действительно чисто политическими и добавлены позднее основных разрядов, возможно, в IV в. до н. э., а потому и были «приданы» уже существующим разрядам.

Таким образом, правомерно признать, что фаланга тяжеловооруженных общинников (*classis*), которая органично составляла основу боевых сил *civitas*, изначально по реформе Сервия вместе с 18 центуриями конницы (всего 98 центурий) по количеству отрядов

доминировала над вспомогательными и легковооруженными отрядами *infra classem* (90 центурий без пролетариев и ремесленников и трубачей с горнистами), — но отнюдь не по политическим мотивам. Напротив, эти политические мотивы сложились постепенно и объективно вытекали из особенностей войсковой структуры и военной фаланговой тактики. Численный состав центурий *infra classem* рекрутировался из большего контингента населения, но количество их военных отрядов, ставших основой политических центурий, должно было быть меньше, нежели у классиса, что и обусловило их политическую подчиненность в центуриатных комициях.

Данная особенность военной центуриатной системы наложила отпечаток на форму и длительность борьбы патрициев и плебеев, основной ареной которой стало войско (см. тему 7). Поскольку категорию *infra classem* можно считать военнообязанной, т. е. получившей политические права, хотя и не в полном объеме, постольку закономерно поставить вопрос о борьбе плебеев не столько за включение в состав войска (особенно в фалангу), сколько за перераспределение политического влияния двух сословий внутри военной организации. Это проявилось в требовании снижения ценза и постепенном образовании из военнообязанных общинников-граждан *infra classem* новых цензовых разрядов, которые придавались фаланге, но исключительно в установленных пределах — 90 центурий. Тем самым они обретали более высокий социально-политический статус и юридические права, в том числе, вероятно, и возможность бороться за доступ к распоряжению фондом общественной земли — *ager publicus*, большую долю в военной добыче, а также более реальные политические права в центуриатных комициях.

Упорная борьба за повышение статуса населения категории *infra classem* находит любопытное отражение в данных источников о расширении коллегии плебейских трибунов в V в. до н. э. После 1-й сецессии плебеев в 494 г. избираются двое трибунов и трое их помощников (Liv. II. 33. 2–3). В 471 г. до н. э. после известной рогаии Публилия Волерона о переносе выборов из центуриатного в трибутное собрание (см. подробнее тему 13) избирают уже пятерых трибунов (Liv. II. 58. 1), «по одному от каждого цензового разряда», как подчеркивает позднеримский историк Зонара (Zonar. VII. 15). А в 457 г. до н. э. впервые избирают 10 плебейских трибунов, по два от каждого разряда, «предусмотрев этот порядок и на будущее» (Liv.

II. 30. 7). Цифра «два» объясняется разделением каждого разряда на категории юниоров и сениоров. (В скобках заметим, что Диодор (Diod. XXV. 2) относит избрание 10 трибунов уже к 471 г., но этот историк некритично сдвигает все даты римской истории лет на 10–15 и вполне мог «привязать» данное событие к упомянутой рогации.)

Очевидно, что к середине V в. до н. э., ко времени правления децемвиров и кодификации права, на чем настаивали именно плебеи, центуриатная организация подошла в своем полном виде, что и зафиксировали Законы XII таблиц (449 г. до н. э.), где центуриатное собрание, объяввшее весь военно-гражданский коллектив Рима, торжественно именуется *comitatus maximus*.

Нельзя пройти мимо еще одного важного обстоятельства: Сервианская конституция не знала деления на сословия! На фоне бурных конфликтов патрициев и плебеев ранней Республики это выглядит парадоксом. И все же в Законах XII таблиц зафиксированы только две категории населения: «ассидуи» и «пролетарии» (табл. I). Цицерон, характеризуя сервианское устройство, также пишет, что все граждане были разделены Сервием Туллем на «ассидуев» и «пролетариев» (Cic. Resp. II. 22. 40). Кто такие пролетарии, мы уже знаем. Это неимущие жители, которые находились вне цензовых разрядов и были отстранены от воинской службы. Следовательно, ассидуи обозначали членов цензовых разрядов и центурий.

Заметим, что Авл Геллий прилагает характеристику «ассидуев» к термину *locupletes* (досл. «богатые землей»): «Ассидуй в XII таблицах сказано относительно богатого (*locuples*) и охотно дающего или от того, что он давал ассы, когда этого требовали обстоятельства государства, или от усердия в выполнении общественных обязанностей (*tunera*) в соответствии с имущественным положением» (Gell. XVI. 10. 15). А Цицерон добавляет, что «состоятельный человек (*locuples*) назван ассидуем по причине предоставления ассов», т. е. ценза (Cic. Top. II. 10).

Иными словами, перед нами полноправный общинник-земледелец, обладающий земельным наделом в сельской местности (*locus*) и, безусловно, владеющий другим имуществом — скотом (*pecuniosus*) и клиентами (Cic. Resp. II. 9. 16). И он же — «ассидуй», т. е. «ассодатель», «плательщик ценза». Учтем также, что общественные обязанности, возлагаемые на ассидуя, подразумевали прежде всего военную службу. Так что данный термин отражал уже не экономический, а военно-полити-

ческий статус общинника: его место в цензовой системе и центуриатной организации. Об этом свидетельствует очередное отождествление Геллием ассидуя с членом цензового разряда (*classicus*).

Итак, источники позволяют выстроить логическую цепочку социальной стратификации общинника по реформе Сервия Туллия, пришедшей на смену куриатно-родовой: землевладелец (как на общественном поле, так и на угодьях родов) — член цензового разряда «ассидуй» — воин и одновременно член политической центурии в народном собрании. Этим ассидуй отличался от пролетария, который не обладал земельной и иной собственностью, не был включен в военную организацию и как минимум до середины V в. до н. э. — в политическую, когда он впервые предстал в ее составе по Законам XII таблиц.

Время проведения реформы Сервия Туллия

Выяснив, что сведения источников о наиболее спорных аспектах реформы в целом имеют высокую степень достоверности и можно без сомнения говорить о реформе как о реальном историческом феномене, следует пристальнее взглянуть на проблему времени ее проведения. На первый взгляд, проблема второстепенна, но только на первый взгляд. Тем более что единой точки зрения на нее не существует, и копий историками было сломано немало. А ведь в зависимости от ее решения и вся картина бурной истории раннего Рима в течение трех веков оказывается под вопросом.

К примеру, большинство историков соглашались с традицией и относят Сервианскую реформу к VI в. до н. э., но при этом они сомневаются в ее достоверности (Botsford, 1909. P. 24, 68, 75 etc.; Last, 1945. P. 30–34, 48; Heurgon, 1969 a. P. 25, 147–148; 1969 б. P. 247–257; Momigliano, 1963. P. 118, 120; Nicolét, 1966. P. 15–23; 1969. P. 117–156). Другие, наоборот, начисто отвергают все данные источников как спекулятивные и поздние и переносят реформу, а значит, и образование государства в Риме, в III в. до н. э., оставляя все предшествующие столетия господству куриатного строя (De Sanctis, 1955. Vol. 2. P. 199; Meyer Ernst, 1948. S. 44, 75–77). Впрочем, последняя версия была «коньком» гиперкритиков в первой половине XX в. и сейчас уже всерьез не воспринимается.

Зато активно разрабатывается теория о возникновении центуриатного строя в течение V в. до н. э., т. е. столетие спустя после при-

знанного правления Сервия, а следовательно, собственно к данному царю не имеющего никакого касательства (Hanell, 1946. S. 165; Gjerstad, 1967. P. 22–27; 1972. S. 136–188; отчасти De Martino, 1958. P. 101, 176, 215, 233–246). Соответственно, за бортом остаются и установление республики, и плебейские сецессии, и многое другое. Наиболее полно эту теорию обосновал еще в 20-е гг. прошлого столетия М. Нилльсон (Nillson, 1929. P. 1–9; 1928. P. 243 sq.) По его мнению, в первой половине V в. до н. э. в Риме господствовала куриатно-родовая система комплектования воинских сил, а род имел реальное значение.

Доказательство находится под рукой. Это известный эпизод с походом рода Фабиев в 478 г. до н. э. против этрусского города Вейи и разгромом 308 Фабиев на реке Кремера (о них подробнее см. пункт 3 данной темы). Раз отдельный род ведет самостоятельные военные действия, значит, утверждал Нилльсон, до этого рейда просто не могло быть никакой гоплитской фаланги — а это основа сервианской армии. Более того, по его мнению, только с середины V в. до н. э. раздельно сосуществовавшие сословия патрициев и плебеев объединились в один народ, а куриатное ополчение было заменено фалангой. Это событие Нилльсон и его сторонники Г. Де Санктис (1955. P. 199), Дж. Самнер (1970. P. 67, 75), Р. Палмер (1970. P. 153, 218–219, 239), К. Ханелл (1946. S. 165) и ряд нынешних романистов привязывают либо к замене института преторов коллегией консулов в 449 г. до н. э., либо к введению магистратуры цензоров в 443 г., либо к учреждению должности консулярных трибунов в 444 г. до н. э. Во всяком случае в связи и после правления децемвиров и 2-й сецессии плебеев.

В российской историографии аналогичную точку зрения отстаивал в свое время А. И. Немировский в статье «К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия» (ВДИ. 1959. № 2) и ряде других работ. Исследователь разделял мнение, что реформа Сервия была предпринята тогда, когда плебеи были допущены в войско. С этим вполне можно согласиться. Но ошибочно связывать этот процесс с завершением стирания различий между патрициями и плебеями. Немировский говорил также о том, что «основой как военной, так и политической организации римской патрицианской общины был род». И здесь нет возражений. Но далее он уверял вслед за Нилльсоном, что поход Фабиев является безусловным (!) свидетельством прочности в Риме V в. до н. э. патриархально-родовых отношений. С последним, кстати, никто и не спорит.

Заметим, что родовые связи и наследственные отношения сохраняли свою силу и стойкость даже в Риме в период империи! Но мы же не говорим, что Римская империя — это родовое общество! И после столь обобщающего заявления историк делал переход в совершенно другую область, заявляя о том, что несколько родов объединялись в курию, и далее рассуждал о роли курий, но при этом оперируя понятиями и фактами эпохи царей, т. е. досервианской!

Наконец, Немировский выдвигает главный аргумент. Сервианская реформа не знает деления на патрициев и плебеев не потому, что она возникла до появления этих сословий, а потому, что она сама послужила важнейшим этапом на пути их ликвидации. Более того, реформа якобы не могла быть и первым этапом борьбы патрициев и плебеев, ибо сецессии плебеев доказывают, по его убеждению, что в Риме до середины V в. до н. э. сосуществовали две общины. А это, по его мнению, было бы невозможно после проведения реформы.

Однако именно это утверждение неприемлемо. Исходя из этого требует уточнения точка зрения Ж.-Кл. Ришара (изложенная в фундаментальных работах «Происхождение римского плебса», 1979; «Патриции и плебеи: происхождение социальной дихотомии», 1986 и др.) о позднем возникновении плебейского сословия — лишь после допуска плебеев к военной службе по реформе Сервия. Появление и оформление термина «плебс» он связывает с возникновением после сецессии 494 г. до н. э. плебейской организации. Однако анализ конкретных данных источников (о чем пойдет речь в теме 6) подводит нас к утверждению, что плебеи были допущены в центуриатную организацию уже будучи объективно (пусть и не юридически) сословием, хотя и лишенным сначала всех, а после реформы Сервия Туллия некоторых важных гражданских прав.

Особое возражение вызывает утверждение Ж.-Кл. Ришара, что патрициат как сословие возник ранее плебса (1978. Р. 589–600; 1986. Р. 106–128). Напротив, сословием (более того, классом-сословием) патриции стали только с превращением своей куриатной организации в часть центуриатного гражданства. Вести же отчет оформлению патрициата в привилегированное сословие в правовом смысле можно лишь с середины V в. до н. э. (Magdelain, 1990. Р. 341–383; Ranouil, 1975. Р. 13). Именно тогда после создания писаных Законов XII таблиц и реформ Валерия–Горация, окончательно утвердивших центуриатную конституцию, патриции стали де-юре частью нового граж-

данства наряду с плебсом. Не случайно термин *patricii* входит в употребление у Ливия со второй половины V и особенно в IV в. до н. э. Но начало этого процесса падает на время сразу после изгнания царя Тарквиния Гордого и упразднения царской власти (см. тему 4).

Итак, сословная борьба не предшествовала центуриатной реформе, а, напротив, была инициирована именно ею. Причем велась она ради достижения правового равноправия в центуриатной общине между включенными в войско плебеями и патрициями, а также ради принятия в цензовые разряды все более широких масс плебеев.

Проблема «куриатной реставрации» начала V в. до н. э.

Выше я постарался обосновать точку зрения, что сомнения целого ряда исследователей в реальности проведения центуриатной реформы в середине VI в. до н. э. не имеют достаточного обоснования в источниках. Единственным затруднением остается известный эпизод похода 306 представителей рода Фабиев против этрусского города Вейи в 478 г. до н. э. (Liv. II. 45–52; Dionys. IX. 15–27), эпизод, тысячи раз обыгранный и в «легендарной» античной традиции, и в современных постгиперкритических штудиях. Именно на его примере отстаивает версию о гентильном характере римского войска Б. Д'Агостино (1990. P. 81 ff), а Р. Палмер (1970. P. 239) усматривал в походе Фабиев последнюю попытку куриатной общины вывести в поле старую родоплеменную армию. Помимо этих радикальных позиций, для которых Фабии — это увесистый аргумент в пользу переноса центуриатной реформы на целое столетие вперед, распространена точка зрения, что данный факт — свидетельство ослабления действия центуриатной конституции или даже полной отмены ее принципов начиная с Тарквиния Гордого вплоть до децемвиров. И в том и в другом случае локальный эпизод с Фабиями вырастает до масштабов *ultima ratio*.

Поражает удивительное игнорирование историками контекста римской традиции о Фабиях. Этот эпизод был явно аутентичен и не являлся поздней вставкой или греческой дубликацией. Причиной похода источники называют затяжную войну с Вейями в консульства поочередно Квинта, Марка и Цезона Фабиев, причем Квинт Фабий погиб в сражении, что заставило Марка Фабия отказаться от триумфа. Отметим также переход вейян в этой войне к тактике набегов и грабежей и уклонения их от генерального сражения. Ливий прямо

приводит аргументы консула Цезона Фабия на поручение его роду ведения войны своими силами: «война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого» (Liv. II. 48. 8). Разрешение сената на военные действия роду Фабиев во главе, заметим, с действующим консулом выглядит как исключительная привилегия, а не постоянная практика. Возможно, она давалась не всякому роду, а только наиболее знатному. (Фабии были знамениты еще со времен Ромула и стояли у истоков древнейшей жреческой коллегии луперков.) Кстати, подобный поход был не только опасным, но и прибыльным, ибо добыча поступала не в казну для всех военнообязанных, а только участникам рейда, к которым правомерно отнести не только членов рода и их клиентов, но и *sodales*, а может быть, и просто волонтеров.

Прежде всего бросается в глаза, что, по данным источников, Фабии практически не предпринимали регулярных боевых действий. Они бродили вдоль границы, нападали на поля и селения вейян, угоняли их скот и ввязывались лишь в мелкие стычки с отдельными отрядами этрусков. Более того, разгром Фабиев произошел благодаря хитрости последних, которые завлекли Фабиев в ловушку легкой добычей в виде бродячего стада скота. Несомненно, героизированная версия их похода в качестве защитников и предстателей Рима сложилась под влиянием пропатрицианской родовой историографии, возможно, не без участия «старшего анналиста» конца III в. до н. э. Фабия Пиктора.

Примечательное толкование этого эпизода дает Диодор (Diod. XI. 53. 7). По его словам, сражение на р. Кремера произошло между римским и этрусским войсками за контроль над правым берегом Тибра и «много Фабиев (300 из одного рода) пали в этой битве». Иными словами, Диодор даже не упоминает о ведении войны одними Фабиями, отмечая только необычный факт гибели представителей одного рода. А ведь Диодор был падок на различные легенды. С учетом уточнения Дионисия Галикарнасского, что вслед за Фабиями двигалось регулярное войско во главе в Цезоном Фабием, братом Марка (Dionys. IX. 15. 3), эта версия обретает вес.

Увлеченные Фабиями исследователи игнорируют данные традиции (заслуживающие доверия никак не меньше) о параллельных действиях консульских войск под командованием сначала Луция Эмилия (по Дионисию, Цезона Фабия), а на следующий год — Тита

Менения. Они вели регулярные полевые сражения, как только веяне вызывали подмогу из Этрурии, осаждали этрусский лагерь и выручали из беды самих Фабиев. Обратим внимание, что при Кремере в 478 г. произошло не одно, а два сражения. И первое велось римлянами в классическом фаланговом строю: сомкнутыми рядами (*acies instructa*) с фланговой атакой конной римской алы. Тогда войска Эмилия освободили стационарное укрепление на Кремере (*praesidium*), который, собственно, и охранял отряд Фабиев. Кстати, Тита Менения после разгрома Фабиев на Кремере во второй стычке привлекли к суду и приговорили к штрафу в 2 тыс. ассов именно за то, что он со своим войском бездействовал неподалеку во время трагедии и не подоспел на помощь.

Исходя из этого контекста, отмечаемого всеми источниками, роль Фабиев неизмеримо меркнет и превращается во второстепенный эпизод с грабительской вылазкой, подкрепляемой действиями фалангового войска. Нельзя игнорировать сведения традиции об исключительно вспомогательном, сторожевом характере их отряда. Возможно, они были использованы в качестве отвлекающего маневра или передового отряда из добровольцев. В первой половине V в. до н. э. мы действительно сталкиваемся с отдельными примерами подобных экспедиций волонтеров во главе с «кондотьерами» из знатных патрициев. Например, Гней Марций Кориолан совершил похожий рейд с отрядом добровольцев и клиентов (как и Фабий) вкуче, вероятно, с *sodales* и захватил богатую добычу у антийцев, возбудив этим большую ненависть к себе со стороны плебеев, нежели его погромные речи (Dionys. VII. 64. 3). Переметнувшись к вольскам, Кориолан вновь собирает добровольцев для грабежа уже римской территории.

Однако наличие подобных «вольных» отрядов, формировавшихся по принципу как свободного участия (включая плебеев), так и родственных и клиентских отношений, а также содалитета, не могут свидетельствовать ни о куриатной основе формирования военной организации Рима начала республики, ни об отсутствии тогда центуриатного строя и связанного с ним фалангового общинного ополчения.

Во-первых, как мы видели, отряд Фабия, хотя и во главе с действующим консулом (*consul paludatus*), — это не войско и даже не регулярный отряд (Liv. II. 49. 3). Он действует помимо консульских армий и независимо от них. Он даже не выполнил заявленной в традиции

задачи — предоставить Вейи Фабиям и освободить остальные силы для других войн. Во-вторых, невозможно опровергнуть четкие фаланговые характеристики боевым порядкам регулярных войск в начале V в. до н. э., например, у Регильского озера в 499 г. (Liv. II. 19–20), в битве 487 г. до н. э. против герников и вольсков (Dionys. VIII. 65) или против этрусков в 476 г. до н. э., т. е. всего через пару лет после поражения Фабиев (Dionys. IX. 26). Это сражения тесно сомкнутыми рядами (*acies instructa*) под значками (*sub signis*) с мощным ударом в центр противника и размещением конницы и консулов (преторов) на флангах. Что, кстати, не исключает автономных действий отдельных отрядов, в том числе достаточно крупных (от 800 до 1 тыс. человек). В-третьих, некорректно игнорировать в угоду выхваченному из контекста эпизоду с Фабиями прямые свидетельства о проведении в первой половине V в. до н. э. центуриатных комиций, о наличии центурий и военных центурионов до событий на Кремере.

Справедливо возражая М. Нилльсону в связи с оценкой эпизода с Фабиями, А. М. Снодграсс считает, что фаланговая тактика вполне соотносится с социально-политическими реалиями времен Сервия Туллия, но ее дальнейшее развитие затормозилось в период, к которому относится поход Фабиев. Он связывает это с известной «патрицианской реакцией» первой четверти V в. до н. э., которая отодвинула окончательное оформление фаланговой тактики ко времени децемвиров (Snodgrass, 1937. P. 110–112; 1965. P. 434–444).

Действительно, исследователи отмечают наступление упадка в производстве и хозяйстве Рима, который прослеживается археологически. В первые десятилетия V в. до н. э. исчезает импортная керамика, погребения становятся значительно скуднее, встречаются более примитивная утварь, сельскохозяйственный инвентарь и т. д. На основании этих данных французские исследователи Ж. Блок (1913. P. 57 ff) и Ж.-Кл. Ришар (1978. P. 502) делают вывод о периоде «патрицианской реакции», связанной с возрождением некоторых норм родового общества и образа жизни. Венгерский историк Э. Ференчи полагает, что после свержения царей был на время возрожден устаревший боевой порядок патриархального царства, который и принес этот временный упадок государства, последовавший за изменением конституционных норм (Ferenczy, 1976. P. 19 ff.).

Объяснения этому могут быть разными. На экономическом и военном положении Рима не могло не сказаться прерывание в ре-

зультате войн с Порсеной и Вейями хозяйственных связей с Этрурией (в частности, с металлургическими центрами северной Этрурии — Популонией и о-вом Ильва, откуда римляне только и могли получать железо для оружия). На это указывает и ремарка Плиния (Plin. N. H. XXXIV. 139) о запрете царя Клузия Порсены римлянам использовать железо, кроме как на изготовление сельскохозяйственных орудий.

По миру с Порсеной 509 г. до н. э. римляне уступали все территории за Тибром. Потеря этих земель в начале республики не могла не отразиться прежде всего на положении плебеев. Лишение их земли должно было значительно стимулировать процесс разорения плебеев и рост долговой кабалы, не случайно обострившейся в начале V в. до н. э. Уступки плебсу после изгнания царей и стремление патрициев отнять их обратно также ослабляли главным образом боевую мощь Рима, так как плебеи не желали записываться в центуриатное войско.

С экономическим и социальным упадком связан и ряд серьезных поражений Рима. В числе наиболее крупных отметим сражение на Регильском озере в 499 г. до н. э. и пресловутый поход Фабиев. Резко усилившаяся военная экспансия Рима, которую провоцировал сенат своей узкоэгоистической политикой, также истощала силы Рима и приводила к накалу внутренних конфликтов. В этих условиях закономерен всплеск родоплеменных пережитков вследствие активности отдельных патрицианских родов (Валериев, Фабиев, Марциев). Хотя едва ли корректно говорить о куриатно-родовых пережитках именно в военной организации. Ведь на протяжении всего царского периода нам невозможно отыскать пример самостоятельной военной акции (даже грабительской) не только отдельного рода, но даже целой курии (эпизод с захватом Рима в VI в. до н. э. вольными отрядами «кондотьеров» Мастарны (он же Сервий Туллий?) и Целия Вибенны является этрусской версией; см., например: Garthausen, 1882; (Ridley, 1975. P. 147–177; Thomsen, 1980. P. 90–108). Пережитком чего в таком случае является поход Фабиев?

Логичнее предположить, что появление отрядов, подобных Фабиям или отряду Кориолана, органично связано с переходной фазой утверждения именно центуриатного строя. Комплектование центуриатного ополчения вне родов и курий при сохранении гентильной организации патрициев, да еще с учетом их политического засилья

развязывало частную инициативу знатым лицам, бывшим вождям родовых подразделений куриатного ополчения. Но действовать они могли лишь в исключительных случаях и наряду с центуриатным войском из патрициев и плебеев.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что реформа Сервия Туллия явно предшествовала делению общества на сословия. До нее отношения между патрициями и плебейской массой были равнозначны отношениям между гражданами и негражданами (типа метеков в Афинах). Более того, реформа объективно инициировала оформление этих сословий, так как не уничтожила куриатной организации. В этом некоторые исследователи усматривают неудачу Сервия, хотя вряд ли царь-реформатор ставил перед собой такую задачу, реорганизуя в середине VI в. до н. э. военную организацию для эффективной борьбы с этрусками. Не будем забывать, что после смерти Тарквиния Приска и воцарения Сервия Туллия восстали ранее признававшие суверенитет Рима города Этрурии. Дионисий (Dionys. IV. 27. 1–2) во главе мятежа помещает Вейи. Вполне закономерно, что ведение войны со столь сильными и развитыми в экономическом отношении противниками, уже обладающими более высокой военной фаланговой системой, потребовало от Сервия и римской общины гигантского напряжения сил. Все это и явилось, на мой взгляд, одним из побудительных мотивов для проведения широкомасштабной цензово-центуриатной реформы именно в середине VI в. до н. э.

* * *

Итак, введенная реформой Сервия Туллия центуриатная организация войска вызвала цепную реакцию преобразования всех основ жизнедеятельности римского общества, выведя его из узких рамок родоплеменного строя на широкую дорогу формирования основ гражданского общества и государства.

В современной науке разработана теория о длительном развитии сервианской реформы, поскольку охватываемые ею изменения носили кардинальный характер для всего раннеримского общества и проявлялись постепенно. Еще в эпоху царей, подчеркивал Н. А. Машкин, разложение родовых отношений в Риме, возникновение имущественного и социального неравенства зашло так далеко, что старая родовая организация оказалась неспособной существовать в изменяющихся условиях, конституция же Сервия юридически оформила сложивше-

еся в ходе исторического развития противоречие между богатыми и бедными. Не знатность, не принадлежность к роду, утверждал историк, давали политические права, а богатство, — таков был принцип нового, классового общества. «Реформа Сервия Туллия была настоящей политической революцией, завершающей переход к государству», — подчеркивал Н. А. Машкин (2006. С. 114; ср. Утченко, 1972. С. 33; 1977. С. 32 и след.; Маяк, 1993. С. 15–17, 22, 61, 112, 139–141). Более того, реформа определила возможность для Рима создать необходимые предпосылки для превращения римской общины в могущественную военную организацию, которой со временем станет вся Италия.

Тема 4

Утверждение Сервианской конституции: от царей к республике

Нельзя не сказать особо о важнейшем историческом событии в становлении Римского государства — свержении царской власти в 510 г. до н. э., учитывая разноречивые и подчас упрощенные толкования в историографии факта установления республики. Обычно сходятся на том, что событие это коренным образом изменило всю систему управления и жизнедеятельности римской общины. На мой взгляд, конец VI — первые десятилетия V в. до н. э. стали эпохой подспудной схватки за «наследство Сервия Туллия», в которой спрессовались неистовые попытки «куриатной реставрации» со стороны сената и патрициев и отчаянная борьба плебеев за торжество центуриатной конституции, что непосредственно относится к нашей теме. Более того, свержение царей явилось мощным катализатором социальных антагонизмов, вылившихся в «борьбу сословий», и складывания системы государства полисного типа (*civitas*).

Судьба реформы Сервия Туллия в правление Тарквиния Гордого

Обычно для доказательства позднего происхождения центуриатной системы используют отсутствие упоминаний о ее применении в период правления Тарквиния Гордого (534–510 гг. до н. э.), что отнюдь не является бесспорным аргументом. Действительно, Дионисий

сообщает, что Тарквиний отменил все законы Сервия и, прежде всего, систему ценза и налогообложения, заставив всех платить одинаковые подати (в основном, трибут) (Dionys. IV. 43. 1–2). Но при этом он не говорит, что царь лишил гражданства плебейские массы, которые получили его именно по ценовым реформам Сервия Туллия. Отмена ценза отнюдь не означает, что Тарквиний не мог использовать оценку имущества, проведенную еще Сервием. Функции же военного центуриатного собрания ограничивались в то время только избранием высших должностных лиц, т. е. царя, поэтому их созыв был не обязательным.

Традиция изображает Тарквиния Гордого тираном, в основном за узурпацию власти и убийство Сервия Туллия. Однако насильственное устранение одряхлевшего предшественника и замена его более сильным вождем этнографически зафиксированы у многих народов на ранних стадиях развития. В Риме это находит подтверждение в древнейшем обряде *Regifugium* (Коптев, 1998). Правда, Тарквиний правил, по словам Ливия, «без избрания народом и утверждения сенатом» (Liv. I. 49. 3). Но точно так же, по сведениям Цицерона (Cic. Resp. II. 21. 37), «по преданию, впервые без избрания народом царствовал Сервий Туллий».

Однако главный грех Тарквиния состоял в нарушении им обычая советоваться по всем вопросам с сенатом и присвоении себе права единоличного решения уголовных дел, особенно сопряженных с тяжкими наказаниями и конфискацией имущества, что также считалось прерогативой сената (Liv. I. 49. 4–5). Более того, царь запретил проведение собраний среди жителей сел, курий (фратрий) или соседей для совершения совместных жертвоприношений и священнодействий (Dionys. IV. 43. 2). Ж.-Кл. Ришар рассматривал это как стремление царя уничтожить самостоятельность курий (Richard, 1980. P. 63). А сенат формировался из глав курий и пагов (см. тему 16). Следовательно, политика Тарквиния объективно продолжала линию Сервия, который переселял магистров пагов из их укрепленных сельских поселений в Рим на «Патрицианскую улицу» (Fest. P. 247 L), чтобы избежать со стороны местных патрицианских родовых вождей сепаратистских настроений и контролировать их малейшее неповиновение с холмов, окружавших улицу.

Его жестокость, прежде всего избиение части сенаторов и прекращение пополнения сената новыми членами (Liv. I. 49; Diod. X. 22; Cic.

Resp. II. 24. 44; 25. 45), была направлена скорее против патрициев, нежели плебеев. Характерно, что красочные рассуждения авторов о тирании и жестокости царя не сопровождаются какими-либо примерами проявления этих качеств по отношению не только к последним, но и к собственно *patres*. Источники не называют ни одного «отца», который пострадал бы незаконно от произвола царя. Даже в эпизоде со знатной дамой Лукрецией (достоверность его ставится под сомнение) виновником оказывается не он сам, а его сын Секст. Коварство Тарквиния Гордого по отношению к жителям Габий (Liv. I. 53–54) или провокационное осуждение им латинского вождя Турна Гердония (ibid. 51), что не преминул подчеркнуть Ливий, были направлены против внешних врагов Рима и позволили усилить влияние города среди латинов преимущественно мирным путем без серьезных людских потерь. Даже Цицерон вынужден был признать, что царю в завоеваниях долгое время «сопутствовало счастье» (Cic. Resp. II. 24. 44).

У Дионисия содержится красноречивый пассаж о том, что после свержения царей плебеи упрекали патрициев, говоря, что Тарквиний был тираном не для плебса, а для патрициев (Dionys. VI. 74. 1–3). Плутарх (Popl. I. 2) отмечает, что первые консулы опасались предоставить послам Тарквиния слово в народном собрании из опасения, что те могут склонить плебеев на сторону царя. Недаром, по словам Ливия (Liv. II. 21. 6), только узнав о смерти Тарквиния в Кумах в 495 г. до н. э., патриции, прежде всячески угождавшие плебеям, стали чинить им обиды и притеснения. Это буквально через год привело к всплеску борьбы плебеев за свои права и к их сессии. Поэтому логична версия Ф. Де Мартино (De Martino, 1958. P. 140), поддержанная Е. М. Штаерман (Штаерман, 1964. С. 216), что римские цари, особенно последние, были патронами плебса. Правда, скорее цари искали поддержки плебеев в своей борьбе с патрицианской знатью за упрочение своей власти.

Без достаточно сильной социальной опоры Тарквиний Гордый не сумел бы удержаться на троне в течение 25 лет. Обеспечить себе поддержку патрициата он едва ли мог. Напротив, Тарквиний всячески ограничивал роль сената, не только упрочивая тем самым царскую власть, но и объективно подрывая родоплеменные устои и облегчая формирование государства. Любопытна оговорка Ливия о казни царем многих сенаторов «в уверенности, что те одобряли дело Сервия» (Liv. I. 49. 1). Она наводит на мысль, что Тарквиний находил

поддержку и у той части патрицианских фамилий, которая наиболее пострадала от реформы Сервия и деления им *ager publicus* среди плебеев подушно. Возможно, он обрушил репрессии именно на тех «отцов младших родов» (*gentes minores*), которые были введены в сенат Сервием, в том числе из состоятельных плебеев (в таком случае в новом свете вырисовывается фигура Марка Юния Брута, чей род в эпоху республики считался плебейским).

Но традиция свидетельствует и о поисках Тарквинием опоры в плебсе. Дионисий Галикарнасский (Dionys. VI. 74. 1–2) передает, что царь и сам активно раздавал захваченные земли, причем из разряда *ager publicus*, среди бедноты. После взятия Суэссы Помеции он роздал войску захваченную там добычу. Из этих денег царь финансировал крупные общественные работы по сооружению храма Юпитеру на Капитолии и подземной Великой клоаки, для чего привлекал плебейскую бедноту, которая, хотя и жаловалась на тяжесть работ, получала таким образом средства к существованию.

Земельный голод, возросший благодаря принятию в гражданство масс плебеев, Тарквиний удовлетворял также выведением плебеев в колонии Сигнию и Цирцею, что И. Л. Маяк справедливо называет «социальным маневром для учета настроений простонародья» (Маяк, 1993. С. 20), составлявшего основную массу воинов и строительных рабочих. Все это должно было привести к расширению слоя земельных собственников, которые формировали войско, что объективно находилось в русле, а не в противоречии с политикой свергнутого Сервия.

Известна также общелатинская направленность политики Тарквиния. Это дает основание Ливию упрекнуть его в стремлении поддержкой чужеземцев (*peregrines*) упрочить свое положение среди граждан (Liv. I. 49. 8). Однако кроме фактов вмешательства царя в дела латинов и в их собрания в Ферентинской роще традиция содержит и эпизод, достаточно туманный для однозначного истолкования историками. Речь идет о проведении Тарквинием определенных преобразований в войске и создании неких сдвоенных смешанных «манипулов» из римлян и латинов путем сведения воинов из двух прежних манипулов в один, а из одного разводя по двум (Liv. I. 52. 6), причем под единым командованием и знаменами.

Под этими формированиями нельзя понимать войска «союзников» (*socii* или *auxiliae*). Такие части стали комплектоваться только в IV в.

до н. э. с установлением гегемонии Рима над Лацием и Центральной Италией и имели свое командование и отдельные отряды (*cohortes*). В римской армии они занимали неполноправное положение (например, в разделении добычи или сроках службы). В данном случае речь идет скорее о прямом инкорпорировании латинов в римские подразделения с единым строем и правами. Царь сам назначал командирами над ними центурионов. Так что Тарквиний не отменял центуриатную систему, а обозначение «манипулы» применял, вероятно, по причине двоянного числа центурий. Более того, латины рассматривались по союзному договору как равноправные граждане (по крайней мере, в военном смысле), а не как зависимые союзники.

Как видим, политика Тарквиния была направлена на расширение состава римского гражданства путем привлечения в войско новых масс населения Лация (Маяк, 1993. С. 18), что продолжало сервианскую политику, но противоречило интересам патрициев, так как подрывало их право единолично распоряжаться *ager publicus* и снижало роль сената в управлении общиной. Впрочем, это ущемляло и преимущества римских плебеев, уже получивших права гражданства, перед остальными латинами.

Не удивительно, что после изгнания Тарквиния Гордого произошло отпадение от Рима союзных латинских общин, хотя в более ранние периоды такой враждебности к Риму со стороны Латинской лиги не наблюдалось. Характерно, что изгнанный царь нашел убежище в Тускуле, который выдвигается в начале V в. до н. э. на роль лидера лиги и в котором вождем или даже диктатором был зять царя Октавий Мамилий.

Заметим, неимоверно героизированная война скинувших оковы царской власти свободолюбивых римлян с этрусским царем Порсеной в 509 г. до н. э. окончилась для Рима достаточно быстро и предстает в традиции несколько странной (Древний Рим. Пособие, 2006. С. 147–150), если учесть легкое примирение противников с возвращением Риму отторгнутых у него земель. И это после того, как Порсена, по словам Тацита (Тас. Hist. III. 72), чуть ли не взял Рим приступом, а жители его в благодарность за милосердие даже воздвигли царю медную статую «грубой работы», по замечанию Плутарха (Plut. 19. 10). Война же с латинами длилась более 10 лет и, в отличие от конфликта с Порсеной, потребовала введения в Риме должности диктатора (см. тему 15). Это можно объяснить тем, что сенатская аристократия предпочитала властвовать над латинами, а не сотрудничать. Таким образом, в деятельности Тарквиния

явно просматривается попытка найти опору своей власти вне патрицианской куриатной общины, создать широкий политический союз с латинами и при этом расположить к себе плебеев.

Но такая, пусть и вполне авантюрная, программа означала не только подрыв господства патрицианского сената, но и умаление значения народного собрания, особенно центуриатного, где большинство еще составляли патриции с клиентами — члены первого цензового разряда (*classis*) и всаднических центурий. Отражение этого проскакивает в упоминании Ливия о том, что Тарквиний практически не собирал ни сенат, ни народ (*populus*).

Установление республики: торжество центуриатной конституции или «патрицианская реакция»?

Одна из главных причин мощной и длительной борьбы патрициев и плебеев, развернувшейся именно после установления республики в 510 г. до н. э., кроется в том, что в царскую эпоху между патрицианским народом (*populus*) и принятыми в гражданскую общину плебеями стояла царская власть, окрепшая в период правления «этрусской династии». В борьбе за усиление своего влияния и контроля над общиной цари опирались на новое, центуриатное войско в противовес средоточию куриатно-родовых традиций — сенату. После изгнания царей эта преграда рухнула.

Письменная традиция представляет свержение царской власти как заговор группы военных командиров-патрициев Юния Брута, Публия Валерия, Тарквиния Коллатина и других, которые возглавили восстание войска и поход его на Рим (Liv. I. 58–59). Как справедливо подмечает И. Л. Маяк, «организаторами и главной силой в борьбе с тираном оказались патриции, отождествлявшие себя с “народом” (*populus*) и поведшие за собой плебейское простонародье» (Маяк, 1993. С. 21). Примечательную фразу роняет Плутарх (Popl. 1. 3): «...аристократия боялась изгнанного царя, который все еще употреблял множество средств, чтобы привлечь к себе народ...» Отсюда топорливость Брута в приведении к присяге сената, а согласно Ливию, и всего народа (*populus*) (Liv. II. 1. 9).

Характерно, что, когда вооруженная толпа явилась в Рим, повсюду возникли страх и смятение. Сначала Брут созывает народ на сходку (*populum advocavit*) на Форуме. Право на это ему дает (по версии Ливия) обладание важнейшей и почетнейшей жреческой должностью

трибуна целеров (Liv. I. 59. 10). Там, воспламенив народ перечислением злодеяний царя, он побуждает его отобрать у последнего власть и вынести постановление об изгнании его с супругою и детьми. Затем Брут, как передает Ливий, самолично «проводит набор младших возрастов — причем записывались добровольно — и, вооружив набранных, он отправился в лагерь поднимать против царя стоявшее под Ардеей войско» (Liv. I. 59. 11). Лишь после отказа царя от сопротивления и удаления в изгнание проводятся центуриатные комиции, на которых префект города Спурий Лукреций «в согласии с записками Сервия Туллия провел выборы двух консулов» — Луция Юния Брута и Луция Тарквиния Коллатина (Liv. I. 60. 3). Заметим попутно, если бы сервианская цензовая система не действовала в течение четверти века, едва ли Бруту удалось набрать в войско юниоров.

Избрание консулом (претором) Тарквиния Коллатина, с одной стороны, злейшего врага царя из-за жены Лукреции, а с другой — из того же рода, можно рассматривать как стремление патрициев не столько упразднить на первых порах царскую власть, сколько заменить неугодного царя на другого. Все это указывает на верхушечный характер заговора, непрочность положения заговорщиков, представлявших лишь одну фракцию сенатской аристократии. К этому добавлялась внешняя угроза от свергнутого Тарквиния и союзных ему вейян, а также внутренняя опасность со стороны явно расположенного к царю плебса.

Созданию опоры в лице сената послужило отмеченное в традиции пополнение его 300 новыми членами из первейших всадников (Liv. II. 1.10–11; Plut. Popl. 11) возможно, плебейского корня, которых сделали патрициями (Токмаков, 1992 а. С. 22–31). Плебс же в целом получает ряд спешных уступок, в том числе в снабжении продовольствием и освобождении от пошлин и налогов (*tributum*), который он при Тарквинии платил. По данным Дионисия (Dionys. V. 20. 1), первые консулы восстановили многие законы Сервия Туллия, которые были либо полностью отменены Тарквинием, либо находились в пренебрежении.

Обращает на себя внимание всплеск политической активности плебса после свержения царей. Скажем, для принятия решения об изгнании своего коллеги Тарквиния Коллатина, заподозренного якобы из-за своего родства с изгнанным царем в симпатиях к нему и в стремлении к царской власти, бдительный Брут созывает не куриатное

собрание, и не *populus*, а *concilium plebis* (Liv. II. 2. 4). Таким образом, давление плебса обеспечило сенату успех второго, бескровного переворота — устранения от власти всего рода Тарквиниев и перехода к правлению сенатской аристократии. Важными вехами на пути легитимизации и упрочения нового способа правления стали законы о проклятии и имуществу, и самой жизни всякого, кто помыслит о царской власти, принятые при единоличном консульстве Валерия Попликолы, а также переподчинение общественных священнодействий (*publica sacra*), выполнявшихся царями, коллегии понтификов и учрежденному *rex sacrorum*, находившимся под эгидой сената.

Возвращаясь к роли плебса, отметим, что сходка плебеев была неправомочна лишать Тарквиния Коллатина империя, так что его мало трогали их решения и уговоры знатных. Поэтому Брут проводит соответствующий закон уже по постановлению сената и предлагает его *ad populum* (Liv. II. 2. 10). Под *populus* можно усмотреть скорее не куриатное, но центуриатное собрание, объединяющее патрициев и плебеев. Тем самым Брут не «восстановил» центуриатные комиции, а наполнил их политическим содержанием.

Наконец, интересен факт, что царское имущество, которое сначала сенат склонялся вернуть царю, затем отдается сенатом не в казну, но на разграбление плебсу. Таким образом, сенат пытался сложить ответственность с себя и одновременно расширить социальную базу нового режима, сделать плебс соучастником переворота. Следовательно, военный переворот зашел, как и всякая революция, дальше намеченных целей, что особенно ярко проявилось в «реформах Валерия Попликолы». Были приняты судьбоносные законы о провокации к народному собранию (Magdelain, 1990. P. 582–588) и введен обычай склонять фасции консулов перед центуриатными комициями (Liv. II. 7. 7; 8. 2–3; Dionys. V. 19. 4; Val. Max. IV. 1.1; Cic. Resp. I. 40. 62; II. 31. 53; Pro Milon. 7; Plut. Popl. 2. 1; 10. 3; Aur. Vict. Vir. ill. XV. I. 3).

Учитывая военный характер переворота 510 г. (который выразился в том числе в посвящении конфискованного у царя поля на берегу Тибра за чертой померия богу Марсу), следует отметить новую роль войска в политической системе раннеримской *civitas*. Отнюдь не случайно Ливий акцентирует выборы первых консулов именно в центуриатных комициях. Это ясно показывает резко возросший авторитет центуриатного войска, на которое в первую очередь стремились опереться патриции.

Будучи военными командирами, вожди переворота, естественно, должны были обратиться к войску для легитимизации своей власти. Поэтому центуриатное войско, первоначально лишенное возможности проявлять себя как субъект власти и права из-за полновластия царей (при которых даже их выборы превращались в формальное одобрение), с установлением республики получило шанс впервые реализовать свои имманентные политические функции путем выбора не просто военных командующих, но предводителей всей общины и всей военной организации. Патриции вынуждены были вызвать к политической деятельности плебс, ибо он уже был включен (по крайней мере, его наиболее состоятельная часть) в цензовые, а значит, и военные центурии, включая классис. Но при этом патрицианская куриатная организация вступила в прямую конфронтацию с плебеями, которые получили гражданство, но не права, а в итоге со всей центуриатной организацией. Это и положило начало «борьбе сословий».

* * *

Получив возможность ежегодно определять руководителя всей общины, войско вкупе со всеми военнообязанными превратилось в собрание членов всей *civitas*, включая плебеев, и вскоре заявило о своих претензиях на суверенитет, что проявилось в уже упомянутых законах Валерия Попликолы. Под давлением войска были восстановлены и так называемые «священные законы» царей, прежде всего Сервия Туллия (Dionys. V. 20. 1), касающиеся прав вошедших в центуриатную организацию плебеев. По этой причине патриции во главе с сенатом не могли восстановить в полном объеме куриатный строй, лишившийся важнейшей составляющей, своего ядра — военной организации.

Тема 5 **Расширение военной организации** **и эволюция понятия "populus"**

Как известно, гражданская община, формировавшаяся в Риме в V–IV вв. до н. э., самими римлянами определялась как *populus*. Однако социально-правовое содержание этого понятия до сих пор вызывает дискуссии. В связи с этим встает вопрос об изменении содержания понятия "*populus*".

Содержание понятия “*populus*” в исторической перспективе

В историографии существует достаточно устоявшаяся точка зрения (Last, 1945. P. 43 f.; Штаерман, 1996. С. 34 и след.; Игнатенко, 1976. С. 28 и след.; Кофанов, 1994. С. 28–32; Перре, 1990. P. 317, 324), что *populus* включал в себя весь римский народ, в том числе патрициев и плебеев. В подтверждение приводятся данные «Дигест», Феста, Геллия и «Институций» Юстиниана, суть которых сводится к тому, что «названием плебса обозначаются прочие граждане без патрициев (либо сенаторов)» (D. 50. 16. 238; Fest. P. 264 L; Gai. Inst. I. 3; Inst. Iust. 1. 2. 4). Например, Геллий пишет: «Капитон... отделяет плебс от народа (*populus*), потому что в народе всякая часть гражданства (*civitas*) и все его сословия (*ordines*) находятся, плебсом же называется та часть, в которую патрицианские роды (*gentes patriciae*) не входят» (Gell. X. 20. 5–6). Бросается в глаза акцент на то, что и патриции, и плебеи — это граждане (*cives*), причем плебеи — «остальные граждане» (*ceteri cives*), а патриции как бы базовые.

Этот акцент сквозит в характеристике юриста II в. н. э. Гая: «Плебс же от народа (*populus*) отличается тем, что все граждане (*cives*) в целом обозначаются названием народа (*populi*); прочие же граждане без патрициев обозначаются названием плебса». С этим фрагментом перекликается плохо сохранившийся отрывок Феста (Fest. P. 442 L): “*plebes autem est [populus universus] praeter patricios*” («плебс же есть [весь народ] кроме патрициев» — в скобках слова, восстановленные Т. Моммзеном по остальным образцам). В данном пассаже привлекает употребление предлога *praeter*, которое помимо значения «исключая, кроме» имеет еще толкование «наряду, помимо, сверх» (с Асс.). Это придает отрывку особую окраску по сравнению с изложенными выше определениями — «плебс как [часть народа], но сверх патрициев или добавленная к ним».

Как видим, все источники подчеркивают, что и сами дефиниции *plebs* и *patricii* не совпадают и определяются только одно через другое; причем выступают как бы первичными по отношению к *populus*. А тот в свою очередь рассматривается как некое самостоятельное понятие, содержание которого может замещаться тем или иным социально-сословным элементом в зависимости от ситуации. Более того, все эти три понятия неразрывно связаны и подчинены категории «гражданства».

Известно, что в архаическом Риме «закон» (*lex*) был постановлением центуриатного и куриатного собраний и не совпадал с плебисцитом, т. е. решением плебейского собрания — *concilium*, а с середины IV в. до н. э. трибутных комиций. Лишь в 287 г. до н. э. законом диктатора Гортензия *plebiscitum* был уравнен с *lex*. Ранее действие закона распространялось на всех граждан, а плебисцита — на часть гражданства — плебс. Однако постановления принимались и другой частью общества. Таково «постановление народа» (*Scitum populi*) в еще одном фрагменте Феста (Fest. P. 442 L): «Это решение, которое вносит патрицианский магистрат и народ (*populus*) проводит своим голосованием. Собрание *populus* состоит из патрициев, и оно законы принимает. Ведь *populus* — это граждане без плебеев». Значит, «постановление народа» — это не решение плебса. Как верно отметила И. Л. Маяк, «народ не идентичен, а, скорее, противопоставлен плебсу», сами же *scita populi* — это «решение части римлян, т. е. решения куриатных комиций, где действуют патриции, а не плебеи» (Маяк, 1993. С. 83).

Отсюда следует вывод, что архаический, досервианский *populus* носил однородный характер и состоял из спаянных в роды и курии патрициев, поскольку до IV в. до н. э. плебеи в курии не входили (как показано выше). Эту теорию обосновал еще Б. Г. Нибур (Niebuhr, 1811. Bd. I. S. 183–186, 263, 337–346), а в отечественной литературе убедительно отстаивает И. Л. Маяк.

В течение царской эпохи римляне охотно принимали в свои ряды жителей покоренных городов, особенно латинских, а также добровольных переселенцев, привлеченных удобным расположением города и его военной мощью. Новые жители со своими родами распределялись по римским куриям и получали все права, какими пользовались и старожилы. Вновь принятые роды сохраняли свою гентильную структуру, а значит, и военную мощь, но растворялись в римском милитаризованном народе — *populus*. С коренными жителями они вступали в такую же связь, как и со своими прежними соплеменниками. В то же время, как уже говорилось (см. тему 2), прекращение со времени Ромула образования новых курий препятствовало развитию местного партикуляризма и облегчало ассимиляцию и контроль органов управления за деятельностью и лояльностью новых общинников. Но примерно с конца VII в. до н. э. римская родовая община достигла пределов своего расширения и грозила стать

неуправляемой. Поэтому прием новых поселенцев в роды и курии был прекращен, хотя поток их на римскую территорию не ослабевал (Маяк, 1993. С. 68–69).

Наши главные и, увы, единственные эксперты Ливий и Дионисий Галикарнасский связывают это эпохальное событие с правлением Анка Марция (640–616 гг. до н. э.). Именно он расселил жителей покоренных латинских городков Политория, Теллен, Фиканы и др. по трибам (Dionys. III. 37. 4), причем местом расселения, по Цицерону (Cic. Resp. II. 18. 33) и Аврелию Виктору (Vir. ill. V. 1–2), определяет холм Авентин (Dionys. III. 37. 4; 38. 3; 43. 1–2; X. 32). Ливий (Liv. I. 33. 2) называет переселенцев *novi cives*, но умалчивает о включении их в курии. Как это разнится с деяниями царя Тулла Гостилия! Сей царь в середине VII в. до н. э. не только принял жителей покоренной Альба-Лонги в римские роды и курии, удвоив таким образом население Рима за счет «новых граждан», но и ввел их старейшин в сенат (*patres*), а из молодежи составил 10 турм всадников! (Liv. I. 30; Dionys. III. 29. 7; 31. 3; 37. 4; Plut. Rom. 17; App. Rom. I. 12). Ничего подобного не проглядывается при Анке Марции. Связано это может быть только с завершением образования новых курий и превращением уже существовавших 30 в замкнутый гентильный коллектив как последней стадии родоплеменного строя (см. тему 2, п. 1).

В результате в Риме в течение VI в. до н. э. скопилось множество «инородцев», которые не входили в курии и трибы и были лишены прав коренных общинников: участвовать в куриатных комициях, занимать общественные должности и пользоваться земельными наделами на «общественном поле». Позднее их стали называть плебеями или собирательно — племсом (что значит «толпа, множество»). Более того, в соответствии с «железным» постулатом архаического правового сознания воином мог быть только гражданин (полноправный общинник), а гражданином — воин. Поэтому в куриатном ополчении плебеи не служили. Это также приводило к накоплению в Риме взрывной массы бесправных жителей.

Со времени гипотезы Эд. Мейера в начале XX столетия ряд ученых (Meyer, 1893. Bd. II. S. 512 u. folg.; Last, 1945. P. 31–35, 47; Heurgon, 1969 a. P. 125 ff.; Bloch, 1913. P. 33; Soltau, 1880. S. 69; Игнатенко, 1976. С. 28–29, 40) не оставляют попытки доказать не этнополитическое (как пришлого элемента), а чисто социальное происхождение плебса как «простонародья» — рядовых полноправных членов курий —

в отличие от патрициев — сенаторов (*patres*), родовой знати, эксплуатирующей плебеев как клиентов (Кофанов, 1994. С. 26–44). Однако такая теория обесмысливает недопущение плебеев к *ager publicus*, а предполагаемое исконное членство плебеев в куриях оставляет недоумение по поводу их отстранения от курульных магистратур именно по причине отсутствия у них допуска к ауспiciям и общественным священнодействиям, доступным самому ничтожному члену курии и пага. Красноречиво в этом отношении словоупотребление Ливия по поводу сетований сенаторов на сборища плебеев накануне 1-й сессии: «...будь в государстве настоящие правители, не было бы в Риме собраний, кроме общенародного (*concilium publicum*); теперь же по тысяче курий (*mille curias*) и народных сходок (*contiones*) рассеяно и разделено общее дело — иные на Эсквилине, а иные на Авентине» (Liv. II. 28. 3). Здесь собрания членов курий и плебейские сходки открыто противопоставлены друг другу.

Обращает на себя внимание пассаж Варрона, в котором выделяются категории граждан, выкликаемые глашатаем для проведения ценза: "*omnes Quirites, pedites armatos privatosque, curatores omnium tribuum*" (LL. VI. 86). Здесь квириты, которых справедливо считать членами куриатной организации, перечислены отдельно и наряду с членами центуриатной организации — вооруженными и невооруженными (по-видимому, юниорами и сениорами) пешими воинами — и членами триб, т. е. территориальных подразделений общины. Но если куриал, воин и землевладелец воплощались в патриции, то плебей был лишен первого статуса и оставался неполноправным *civis*. Войти в курию он не мог без специального решения о принятии (как в случае с Аттом Клавзом или пополнением сената в начале республики), в противном случае он был бы допущен к ауспiciям, что лишило бы смысла многолетнюю борьбу плебеев за высшие магистратуры.

Достаточно проанализировать полемику в Риме по поводу закона Канулея 445 г. до н. э. об отмене запрета на браки между плебеями и патрициями, сочное описание которой донес до нас Ливий (Liv. IV. 3–4). *Patres* неистово ратовали против закона еще и потому, что плебеи не имели права доступа к понтификальным и консульским фастам. Канулей в свою очередь парировал тем, что при Ромуле ни патрициев, ни плебеев не было и почему де патрициям не запретить заодно и браки между богатыми и бедными (Ibid. 4. 9). Иными словами,

различие сословий крылось не в экономической, а в политико-религиозной плоскости. К тому же при Ромуле плебса действительно не было как сословия, а наиболее знатные старейшины и составили сенат из *patres*, главенствовавший над массой рядовых патрициев!

Кстати, закон Канулея отнюдь не подводил черту в существовании отдельных общин патрициев и плебеев, как привычно думает большинство романистов. Напротив, он был реакцией на запрещение смешанных браков децемвирами второго года (Liv. IV. 6; Cic. Resp. II. 37. 62). Ливий четко указывает на виновника подобного запрета — это Аппий Клавдий, «самодур и узурпатор», который своим законом, внесенным в 449 г. до н. э. в 12-ю таблицу, перекрыл плебейам доступ к курульным должностям (Liv. IX. 34. 5). Следовательно, до децемвилов смешанные браки никто юридически не запрещал? Впрочем, это не означает их обыденности и распространенности. Но очевидно, что настоятельность запрета возникла в тот момент, когда плебеи оказались полностью инкорпорированы в военную центуриатную, а через нее и в гражданскую общину (*civitas*), чем подрывали гегемонию патрициата в политической сфере. Так как главным препятствием для заключения означенных браков выдвигалось отсутствие у плебеев права на совершение ауспий и *publica sacra*, доступное только членам курий (Сморчков, 2003. С. 36–37), то закон Канулея можно считать первым шагом на пути преодоления отчуждения плебеев от курий. Последнее логично подтверждает и учреждение всего два года спустя консульского трибуната как паллиатив консулату.

Посему куда более фундированны аргументы сторонников изначально патрицианского характера римского общинного коллектива (*populus*), куда плебейам вход был заказан, — Б. Г. Нибура, Т. Моммзена, Ф. Де Мартино (Niebuhr, 1811. Bd. 1. S. 251–277, 330–353; Моммзен, 1936. С. 241; ср.: Mommsen, 1864. Bd. I. S. 144 u. folg.; 182 u. folg.; De Martino, 1958. P. 130 ff.; 1979. P. 65 ff), чьи идеи творчески были развиты в трудах И. Л. Маяк (Маяк, 1988. С. 353, 367–368, 371; 1989 а. С. 68–81; 1989 б. С. 94–96; 1993. С. 63–100, 140–144; 1993 а. С. 20–22). Именно они позволяют под чередой пестрых и разноречивых данных источников раскрыть глубинный смысл преобразований Сервием Туллием и войска, и общества, социальную суть порожденной им центуриатной системы, а также причины длительной и безнадежно мучительной борьбы плебеев за равное место в центуриатной

организации *civitas*. Поскольку тема эта неохватна, в дальнейшем ограничимся рассмотрением военных аспектов этой борьбы (см. тему 7).

Сразу оговоримся, что часть плебеев, безусловно, была принята в патрицианские роды в качестве клиентов, но большинство осталось вне общественной организации коренных граждан-патрициев, хотя и было свободным. Именно эти люди, стоявшие вне патрицианской родовой организации и порвавшие связи с родиной, оказались питательной средой для развития частнособственнических отношений. Плебеи обрабатывали небольшие наделы земли на правах частной собственности, занимались ремеслами и торговлей. У них складывалась собственная общинная организация, очень рано выделилась зажиточная верхушка. Однако объединяло всех плебеев общее неравноправие с патрициями. Патриции не вступали с ними в браки и не допускали ни до какой должности.

Хотя плебеи также имели родовую организацию, а плебейские фамилии Сициниев, Ицилиев, Вергиниев дали Риму немало истовых плебейских трибунов, только в 401 г. до н. э. первый плебей, да и то с огромным трудом, был избран на курульную должность консулярного трибуна. И вплоть до реформ Лициния и Секстия в 367 г. до н. э. не более десятка плебеев занимали эту магистратуру; а самим реформаторам пришлось законодательно вводить квоту на консульство для плебеев! Так что различия между патрициями и плебеями следует искать не в наличии или отсутствии у последних родовой организации. Еще раз подчеркнем: главное отличие состояло в том, что полноправным считался лишь тот род, который был включен в куриатную организацию, даже если он и не был представлен в сенате (см.: Маяк, 1993. С. 75).

Но если состав досервианской общины не вызывает возражения, то после Сервианской реформы положение должно было измениться. Закономерен вопрос: были ли плебеи по реформе Сервия включены в *populus*? Ряд историков отвечают на него положительно, но при этом опираются на сведения Цицерона о борьбе в V–IV вв. до н. э. не между патрициями и плебеями, а между *populus* (преимущественно из плебеев) и сенатом.

Но Цицерон не упоминает о борьбе, а акцентирует внимание на том, что, «хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть — решениями сената и по установившимся обычаям...» (*in populo libero pauca per populum, pleraque senatus auctoritate*

et instituto ac more gererentur) (Cic. Resp. I. 32. 56). Ниже он говорит об обязательном утверждении решений народных комиций *patres*.

Но надо иметь в виду, что *сенат всегда стоял как над куриатной, так и над (и вне) центуриатной организацией*. Кстати, далее Цицерон оговаривает: «...когда среди граждан начались волнения из-за долгов, плебс (!) занял сначала Священную гору, а затем Авентинский холм» (Cic. Resp. II. 33. 58). Здесь *populus* и плебс явно предстают в разных понятийных аспектах, хотя плебеи уже рассматриваются как часть граждан (*cives*). То же подтверждает и Ливий, вкладывая в уста консула Сервилия в 495 г. до н. э. фразу: «...плебеи — лишь часть гражданского целого (*pars civitatis*), хотя и большая (Liv. II. 24. 4). Далее Цицерон также сообщает о бедствиях и возмущениях именно плебеев и противопоставляет их «отцам» (Liv. II. 34. 59). А Ливий употребляет это обозначение для ранней Республики как эквивалент не только патрициев как сословия, но и сенаторов, или шире — глав куриий и патрицианских родов. Таким образом, мы сталкиваемся с видимым противоречием: с одной стороны, плебс и *populus* у Цицерона различны, с другой — сенат и *populus* тоже. Об этом же прозрачно намекают и упомянутые выше свидетельства Феста и юристов.

Представляется, что вопрос о соотношении *populus*, патрициев и плебеев — это блуждание в трех методологических соснах и может быть поставлен в иной плоскости, если допустить, что это качественно различные понятия и их нельзя рассматривать в едином ракурсе. Ключом к пониманию природы *populus* может служить хрестоматийный пассаж Феста (Fest. P. 224. 4–6L): “*Pilumnoe poploe in carmine saliarum Romani, velut pilis uti assueti: vel quia praecipue pellunt hostis*” («Вооруженный народ в гимне римских салиев, как если бы привычные к копьям; или потому, что они преимущественно поражают врагов»). Еще Т. Моммзен связывал его с вооруженными копьями воинами (Моммзен, 1936. С. 68; ср: Richard, 1980. P. 43–44). Э. Перуцци считает это выражение обозначением всех жителей Рима времен Нумы, которые входили в куриатную организацию. Этимологически он связывает *pilumnus* с *pilum* (метательное копьё) или *pellunt* («гонят врагов») (Peruzzi, 1978. P. 73, 163 ff.). А. Момильяно ассоциирует этот термин со значением «несущий копьё» и полагает, что древнейший *populus* обозначал прежде всего воинов (Momi-gliano, 1986. P. 183 ff.). Отсюда, по его мнению, произошел и термин

magister populi (впоследствии — «диктатор»). Многие пытались в опровержение сослаться на этимологию *populus* от *pleo* («толпа, множество») (напр.: Кофанов, 1994. С. 28). Но это не убедительно, ибо упор следует делать как раз на определении, тем более что плебс также происходит от *pleo*.

Подчеркнем еще раз, что *populus* — это не бесформенная толпа, а объединенная членством в военном ополчении общины. Внимательный анализ традиции о VII–IV вв. до н. э. позволяет утверждать: термин *populus* всегда замещал понятие «вооруженный народ, коллектив, гражданство» и характеризовал раннеримское общество именно в военно-политическом, а не в каком-либо другом плане. И именно он был первичен и определял все остальные проявления этого понятия. Поэтому правомерно рассматривать *populus* и категории патрициев и плебеев как сосуществующие в двух уровнях, которые могут наслаиваться, но не взаимозаменять друг друга.

Поскольку в досервианском войске несли службу только члены куриий, они же полноправные *cives*, то и понятия *populus* и «квириты-патриции» полностью совпадали, а новые роды или отдельные люди, допущенные в военное ополчение, одновременно принимались в курии и автоматически входили в число патрициев. Таковы сервианские 12 всаднических центурий, таковы сенаторы-*conscripti*, набранные в первый год республики (509 г. до н. э.), в том числе и из влиятельных плебеев, для пополнения убыли состава сената после репрессий Тарквиния Гордого и вместо выморочных патрицианских родов (Palmer, 1970. P. 157–159; Маяк, 1993. С. 69–71). Будучи принятыми в курии, а следовательно, и в сенат, эти «младшие роды» и *conscripti* объективно юридически становились патрициями (Dionys. V. 13. 2; Plut. Popl. 13) и полноправными членами куриий — квиритами.

***Populus* в постсервианский период**

Заметим, что Фест (Fest. P. 44 L) характеризует *populus* как состоящий из тех, кого созывают для голосования в комициях или собраниях (*cum populo agere, hoc est populum ad concilium aut comitia vocare*). При этом тип комиций Фест не называет. Вероятно, это не случайно, а отражает военно-политический смысл понятия *populus*, ибо служба в войске объективно влекла за собой право участия в народном собрании независимо от его типа. Пока таким собранием войска было

куриатное, понятие *populus* должно было распространяться на него, а понятия разного уровня — *populus* как военная организация и патриции как социальный коллектив — полностью совпадали.

Но со времени реформы Сервия Туллия прежний патрицианский *populus* начал растворяться в новой системе комплектования воинских сил. А куриатная организация стала частью социальной структуры нового, гражданского коллектива, куда на правах *cives* были допущены плебеи. Тем самым понятие *populus* начало постепенно эволюционировать в политико-правовом менталитете того времени в сторону охвата новых воинов-граждан. Плебеи же, получив место в центуриатных комициях, стали отвечать изложенному выше определению Феста.

Обратим внимание на еще одно примечательное толкование Феста (Fest. P. 43. L (50M)): "*Cum imperio est dicebatur apud antiquos, cui nominatim a populo dabatur imperium*" («Обладающими империем назывались древними те, кому поименно *народом* давался империй»). Известно, что даже после переноса выборов высших магистратов в центуриатные комиции империй им давало специальным законом (*lex curiata de imperio*) куриатное собрание. Следовательно, именно его Фест называет *populus*, что лишний раз подтверждает теорию о первоначальном тождестве его с куриатной организацией. Но здесь же Фест продолжает: "*Cum potestate est dicebatur de eo, qui a populo alicui negotio praeferebatur*" («Как об обладающем властью говорилось о том, кто получал предпочтение *от народа* для каких-либо дел»). Так как *potestas* составляла основу полномочий магистрата и предоставлялась ему одновременно с выборами, то в данном случае речь может идти именно о центуриатных комициях, которые получили прерогативы прежних куриатных комициев по выборам царей — военных вождей. Таким образом, перед нами две ипостаси *populus*. Одна — сакральная, оставшаяся за куриями, другая — военно-политическая, воплощенная в центуриатном собрании военно-обязанных — как патрициев, так и плебеев.

Процесс эволюции понятия *populus* был длительным и трудным. С одной стороны, даже войдя в центуриатную организацию и приобретя ряд гражданских прав, плебеи остались вне курий. Это изначально ставило их в неравноправное с патрициями положение в формирующейся *civitas*. Причем родовой принцип комплектования и замкнутый характер патрицианской куриатной корпорации плебе-

ям преодолеть было почти невозможно (если не считать отдельных пожалований единичным плебейским родам патрицианского достоинства за особые заслуги, о чем упоминалось выше). С другой стороны, даже полученные плебеями права оказывалось затруднительно реализовывать вследствие отмеченного выше неэквивалентного распределения количества центурий по цензовым разрядам. Отсюда и происходила столь упорная «борьба сословий», камнем преткновения в которой выступала сохранный куриатная организация. Пусть со времени Сервия она и потеряла военное значение, но, отметим еще раз, члены ее, патриции, по рождению олицетворяли собой не только сакральную, но и политическую ипостаси римской общины.

Итак, сохранение куриатно-родовых структур в постсервианском обществе, тысячами правовых, сакральных и экономических нитей переплетенных с военными институтами *populus*, закономерно вело не только к замыканию патрициев в привилегированное сословие, но и к отмеченной выше узурпации патрициями на базе освященных сакральными традициями норм обычного права прерогатив по распоряжению и управлению качественно новой военной, а значит, и политической организацией. Подчеркну, что эту узурпацию осуществляла уже не военная, а родовая организация патрициев, главой которой был не царь, а сенат. Она вызывала наибольшее противодействие со стороны плебеев, оказавшихся вследствие этого неполноправными в новом военном *populus*, в частности их упреки в том, что добытая в войнах «общественная земля» оказывается принадлежащей не воинам, т. е. *populus*, а патрициям. Вероятно, с этим связано и стремление патрициев изменить само содержание понятия *populus*, придать ему сакральный оттенок и, опираясь на *mos maiorum*, связать с родовым устройством как воплощением истинного суверенитета и божественного империя общины.

Таким образом, куриатная организация была не отменена, а преодолена, замещена более широкой и демократической. Следовательно, складывание организации плебеев было скорее не стремлением обособиться, расколоть единый *populus*, а значит, военную организацию, а наоборот, одним из путей для плебса влиться в прежде исключительно патрицианский *populus*, где они числились *in partes civium censere* (Liv. VII. 18. 5).

Итак, оформление сословий правомерно относить ко времени после проведения Сервианской реформы, которая фактически

инициировала этот процесс, протекавший, в свою очередь, внутри качественно новой центуриатной военной организации. Однако, как будет показано далее, именно в ней происходило и встречное слияние сословий патрициев и плебеев в единый *populus*. Поэтому необходимо уточнить мысль И. Л. Маяк о том, что ставший в период республики носителем полных прав гражданства (*civitas*) *populus* совпадал с патрициями (Маяк, 1989 а. С. 79–80). Правда, И. Л. Маяк оговаривается, что он совпадал только в значении коллектива полноправных граждан (Там же. С. 143). Но их полноправие лежало в сохранении куриатной организации. Плебеи же, став гражданами (*cives*) формирующегося государства, именно в военной организации (*populus*) в силу указанных причин остались неполноправными.

Тем не менее само включение плебеев в центуриатную организацию влекло за собой постепенное, растянутое во времени, оспариваемое патрициями, но неизбежное (особенно в военном аспекте) распространение на них понятия *populus* и создавало политико-юридическую базу для их борьбы за равные права с патрициями, прежде всего за доступ к *ager publicus*. При этом данная борьба велась не между патрицианским *populus* во главе с сенатом и плебсом, как полагает И. Л. Маяк (Маяк, 1993. С. 91, 143), и не между сенатской аристократией и плебейским *populus*, как огрешно утверждает Л. Л. Кофанов (Кофанов, 1994. С. 30). Она разворачивалась между теми плебеями, которые вошли по цензу в сервианское войско, политически выраженное центуриатными комициями (т. е. *populus*), и куриатной организацией. Характерно, что борьба эта велась главным образом в войске и центуриатных комициях, где действовали и плебейские трибуны.

* * *

Из сказанного вытекает вывод, что понятие *populus* объединяло жителей раннего Рима в военно-политическом плане и подразумевало именно военную организацию общины. Изменение социального состава военной организации вело к расширению понятия *populus*, к включению в него новых контингентов, даже не обладавших остальными политическими правами. Поэтому в каждую конкретную эпоху термин *populus* наполнялся новым содержанием, сохраняя основное значение — «коллектив военнообязанных». Это определяло как его социально-политическую устойчивость, несмотря на внутренние конфликты, так и стремление остававшихся за бортом масс

плебеев приобщиться к военной организации и посредством нее — к гражданскому коллективу.

Благодаря упорству плебеев первыми и явными результатами их борьбы за равноправие стало то, что военные силы римлян с 50-х гг. V в. до н. э. стали набираться из всех слоев формирующейся *civitas* и явились важным инструментом консолидации двух классов-сословий в единый патрицианско-плебейский *populus*.

Тема 6 **Социальный базис центуриатного строя** **в V–III вв. до н. э.**

Как мы выяснили в предыдущих лекциях, стержнем реформы Сервия Туллия стало объединение в одном войске, а следовательно, в одном центуриатном собрании полноправного патрицианского населения с прежде бесправной плебейской массой. Дионисий Галикарнасский передает, что Сервий дал права плебеям и даже вольноотпущенникам, заботясь об увеличении числа граждан. В центуриатной конституции права плебеев определялись не их происхождением и членством в курии, а размерами имущественного состояния. Поэтому включение плебеев в войско, сформированное на совершенно отличной от гентильного принципа основе, можно рассматривать как один из важнейших результатов сервианских преобразований, которые не только резко увеличили воинский контингент, но и открыли плебеям путь к вхождению в новую гражданскую общину.

Однако путь этот оказался для плебеев долгим и трудным. Реформа Сервия Туллия открывает этап ожесточенной борьбы плебеев за равные права с патрициями в складывающемся государстве.

Патриции в центуриатной конституции

Как известно, патрициями называли древнейшее население Рима, полноправных членов римской общины, объединенных в роды и курии: а именно тех, кто мог указать своих отцов (*patres*), т. е. родовых предков (Покровский, 1999. С. 92; Ковалев, 1986. С. 60). Поскольку главы всех родов могли входить в сенат, то и все сородичи считались

детьми «отцов»-сенаторов, хотя бы теоретически (Capogrossi Colognese, 1990. P. 99–103; Маяк, 1983. С. 158–160).

В целом, патриции ничего не проиграли от реформы Сервия Туллия, которая отнюдь не уничтожила прежнее родовое устройство в Риме, подобно, скажем, реформам Клизфена в Афинах, а поставила новую организацию войска и общины рядом со старой, куриатной, продолжавшей сохранять немалое значение. После того как с VI в. до н. э. в римскую общину и войско были приняты плебеи, патриции в полном составе влились в центуриатную организацию. Как уже говорилось в предыдущей лекции, они стали частью нового римского гражданства, но частью привилегированной в качестве *коренных граждан, носителей древних родовых и религиозных традиций, наделенных якобы особой божественной благодатью*.

Как убедительно обосновывает И. Л. Маяк, «в относительной туземности патрициев, первородстве и заключалось их изначальное превосходство, а не в постулированном богатстве, будто бы выделившим их из массы бесправных плебеев» (Маяк, 1993. С. 87). Только патриции могли совершать важнейшие для суверенных римлян священные общественные обряды и птицегадания (ауспиции). Поэтому в первое столетие Республики консулами или диктаторами избирались только лишь патриции. Они вдобавок сохранили за собой право формировать сенат, который распоряжался военной добычей и распределением захваченных земель.

Благодаря исключительному праву на владение общественной землей патриции в массе своей сохранили высокий уровень благосостояния, а значит, и сервианский военный ценз. Причем наделение землей из состава *ager publicus* производилось для патрициев бесплатно и долгое время даже без ограничений, «на вырост», с учетом возможностей будущих поколений (оккупация). Земли, полученные по праву оккупации, патриции могли использовать под пастбища либо сдавать в аренду плебеям. Именно бесконтрольное распоряжение «общественным полем» создавало тот цензовый уровень, опуститься ниже которого патрицианской фамилии не позволяли род и курия.

Крупной привилегией было и право коллективного пользования родовыми землями (*ager gentilicium*), периодическое перераспределение которых поддерживало в течение как царского, так и раннереспубликанского периодов относительное равенство патрицианских родов. Весомым подспорьем был институт клиентелы.

Обедневшие сородичи, разорившиеся земледельцы или пришлые люди, лишенные поддержки своих родов, искали помощи у состоятельных и влиятельных патрицианских родов, которые становились их покровителями — патронами. Клиенты вступали в род патрона, принимали его родовое имя и получали надел земли и помощь в случае нужды. Зависимые лично от патрона клиенты составляли часть патрицианской родовой организации.

Главным занятием клиента была работа на полях патрона, в чем-то сходная с трудом крепостных крестьян. Это позволяло патрициям истово предаваться воинской службе без риска оказаться разоренными из-за потери урожая. Чем больше было у патриция клиентов, тем влиятельнее и могущественнее считался его род. Клиент обязан был выступать в поход вместе с патроном в его отряде и выкупать его из плена. В ответ и патрон обязан был позаботиться о судьбе плененного клиента, а также защищать его в суде. Клиенты участвовали в куриатных комициях, голосуя вместе с родом патрона и по его приказу.

Реальное имущественное расслоение патрициев началось со второй половины V в. до н. э. Узаконение браков между патрициями и плебеями по закону Канулея 443 г. до н. э. разрушило целостность и замкнутость куриатной организации. Естественная убыль многих патрицианских родов (Neurgon, 1969. P. 196, 199, 275; Ogilvie, 1976. P. 86, 138) привела к тому, что уже в начале IV в. до н. э. в их руках осталась только конница и командные должности в пехоте. Доступ плебеев к магистратурам консульских трибунов в 445 г. и консулов в 367 г. до н. э., а также к эдилитету и, с начала III в. до н. э., к членству в большинстве жреческих коллегий, а значит, и к отправлению государственных ауспий, открыл дорогу к формированию нового правящего патрицианско-плебейского сословия — нобилитета. Нобилитет формировался путем консолидации в единый правящий слой патрицианской аристократии и богатой плебейской верхушки, представители которой достигали курульных магистратур, прежде всего консульства. Уже в I в. до н. э. в сочинениях Цицерона этот процесс получил трогательное название «согласие сословий» (Штаерман, 1985. С. 26; Маяк, 1993. С. 77).

Не удивительно, что дольше всего патриции сопротивлялись допуску плебеев к оккупации «общественного поля», экономической основы их благосостояния и могущества. Отчаянные попытки ряда

патрицианских консулов в течение V в. до н. э. разумно разделить общественные земли между плебеями заканчивались плачевно для их инициаторов, предателей интересов патрициев Спурия Кассия в 485 г., Цезона Фабия — в 479 г. и Тита Эмилия — в 467 г. до н. э. (см. подробнее: Токмаков, 2002 б. С. 99–108). Лишь в IV в. до н. э. законами Лициния–Секстия плебеи добились права оккупации *ager publicus* наравне с патрициями.

Больше всего сведений традиции имеется о воинской службе патрициев в период ранней Республики в центуриях всадников и в командном составе. Всадники (*equites*) еще с древнейших, «ромуловых» времен составляли особый привилегированный корпус из трех центурий под освященными ауспигиями именами Тициев, Рамнов и Луцеров (Liv. I. 13. 8; Varro. LL. V. 55) (ряд исследователей отождествляет эти названия с тремя гентильными трибами, основанными Ромулом (Plut. Rom. 20. 1), по которым и набирали конницу).

В отряды всадников отбирали способных юношей, чья служба была постоянна и профессиональна, в отличие от пешего войска. И это неудивительно, ибо верховая езда требовала регулярной тренировки, тем более при отсутствии седел и стремян. Всадники обладали особым священным статусом не столько благодаря своей военной роли как ударной силы (по упомянутым причинам она была вплоть до поздней Республики относительно невелика), сколько из-за сакрального почитания коня и всадника среди италийских племен (Маяк, 1983. С. 115 и след.) (недаром огромным почетом пользовались боги Нептун-Конник, лошадный бог Конс и близнецы-всадники Кастор и Поллукс — божественные покровители римской общины и войска).

Тарквиний Древний в начале VI в. до н. э. предпринял попытку создать новые конные центурии для увеличения пробивной силы войска и упрочения собственной власти, но встретил резкое сопротивление авгуров и ограничился удвоением уже существующих центурий под теми же именами, но с делением на *priores* и *posteriores* (Liv. I. 36). Сервий Туллий в VI в. до н. э. учредил вдобавок к прежним трем сдвоенным центуриям конницы еще двенадцать новых центурий из богатейших людей (всего 18 численностью в 1800 человек) (Liv. I. 43. 8–9). По сведениям Дионисия Галикарнасского (Dionys. IV. 18. 1), в составе их могли быть и богатые плебеи. Однако с принятием во всадники плебеи утрачивали свой низкий статус (см.: Маяк, 1993. С. 70).

Средства на приобретение лошадей (по 10 тыс. ассов) им выделяло из казны государство. Средства на их содержание (по 2 тыс. ассов) доставляли ежегодно богатые вдовы и сироты, так как они освобождались от обычной воинской службы. Поэтому таких конников стали называть «всадниками на общественном коне» (*equites equo publico*). Всадник нес ответственность за своего коня и подвергался штрафам за нерадивое содержание. Как и древние «ромуловы» всадники, они продолжали пользоваться особым уважением и в центуриатных комициях всегда голосовали первыми (*centuriae praerogativae*). Но длительное время всадники сохраняли и сугубо военную роль, причем сражаясь как конными, так и пешими. Ливий неоднократно упоминает, как в ожесточении битвы знатнейшие всадники-патриции спешивались и устремлялись в первые ряды войска — плечом к плечу с передовыми пехотинцами-антесигнанами.

С конца V в. до н. э., в пору военной опасности в ходе осады Вей, богатые люди, прежде всего плебеи, «кто по цензу принадлежал к всадникам, но кому не были назначены лошади от казны», стали на собственные средства приобретать лошадей и нести на них военную службу. Они получили имя «всадники на собственном коне» (*equites equo privato*) (Liv. V. 7. 5). В IV–III вв. до н. э. конницу в армии стали набирать среди союзных Риму племен, и боевая роль римских всадников «сошла на нет». Однако члены всаднической организации и их потомки превратились к тому времени в особое сословие и заняли в обществе привилегированное положение. Но они имели мало общего с прежней конницей, на лошадях не ездили, хотя по традиции продолжали получать от государства «общественного коня». В III–I вв. до н. э. они составили сословие богачей, землевладельцев и ростовщиков, прибравших к рукам торговлю и финансы.

Любопытно, что данных о социальном составе фаланги-классиса весьма немного. Это лишний раз подчеркивает внесловный характер центуриатной системы. Но косвенные данные о том, что именно патриции (вкуче с клиентами) составляли в ней большинство, можно почерпнуть, например, из таких пассажей. Ливий передает, что в 458 г. до н. э. диктатор Цинциннат назначает своим начальником конницы некоего Луция Тарквигия, «родом патриция, но по бедности служившего в пехоте, а воинской доблестью далеко превосходившего римскую молодежь» (Liv. III. 27. 1). Извинительная оговорка о доблести, применяемая Ливием и Дионисием ко всем патрициям,

лишь подчеркивает неординарность такого назначения. Пассаж позволяет заключить, что, во-первых, войско в середине V в. до н. э. действительно строилось по цензу, поэтому знатность Тарквигия (а на нее указывает и его экстраординарная должность, связанная с империем и предоставлявшаяся, как правило, экс-магистратам) не обеспечила ему всаднического состояния. Во-вторых, очевидно, что патриции были все же связаны в основном со службой в коннице, чем объясняется и специальная оговорка, и то, что его назначение не встретило недоумения со стороны сената и общинников.

Данное положение говорит о том, что цензовая шкала была подвижна и могла изменяться с проведением каждого нового ценза. Иначе трудно понять, почему Тарквигий был сведущ в конной службе (в противном случае легко было найти всадника). Характерно замечание Дионисия, что Тарквигия вследствие его бедности просто проглядели (Dionys. X. 24. 3), т. е. вычеркнули из списка всадников и автоматически перевели в *classis*. Но главное, этот эпизод свидетельствует о службе патрициев в пехоте. Вряд ли будет натяжкой предположение, что он был командиром.

Возьмем другой эпизод традиции, связанный с известным подвигом Горация Коклеса в начале Республики. По Дионисию (Dionys. V. 23. 3), он был племянником консула Марка Горация, т. е. патрицием. Во время осады Порсеной Рима он стоял в карауле у моста через Тибр и сражался пешим, вооруженный щитом *scutum*, как и два оставшихся с ним воина, которые тоже были явно патрициями. Но, возможно, даже не из 1-го разряда, воины которого были вооружены щитами *clipeus*. А всадники и высшие командиры типа военных трибунов носили круглые щиты *parma*. Тот факт, что ему было выделено в награду поле, которое он должен был сам опахать, выявляет его скромный ценз до войны с этрусками.

Ценные сведения передают Ливий, Дионисий Галикарнасский и Плутарх еще об одном «герое» патрицианского мира, о Гнее Марции Кориолане. Согласно Плутарху, он был патрицием, причем знатным, но отличился при осаде Кориол, будучи пехотинцем. В коннице служить он не мог, так как стоял в карауле (Liv. II. 33. 6), а затем ворвался в город и сражался у стен. Сведения о совершении им вылазки во главе «отборного отряда воинов» заставляют предположить не рядового воина, а младшего командира. Тем более что позднее он совершал набеги на вражеские территории во главе отряда из клиен-

тов, «друзей» и добровольцев, среди которых были и привлеченные надеждой на добычу плебеи.

Важные данные о роли патрициев в войске предоставляет Дионисий Галикарнасский (Dionys. VII. 72. 1) в описании церемониальной процессии на празднике Великих игр (*Ludi magni*). Во главе ее ехали юноши «на лошадях своих отцов, имеющих благодаря своей судьбе право быть всадниками, в то время как остальные, предназначенные к службе в пехоте, следовали пешими, первые в турмах (илах) и центуриях (лохах), вторые в отрядах и подразделениях». Если патрицианская принадлежность всадников сомнений не вызывает, то отнесение вторых к плебейской молодежи уязвимо, учитывая, что *Ludi magni* имели древнее происхождение и связаны с патрицианской общиной, как и процессия в честь Кастора и Поллукса. Ее проводили обладатели «общественного коня». Выстроенные по трибам и центуриям, они ехали верхом в боевых порядках, словно возвращаясь с битвы, в оливковых венках и трабях. Всадники начинали процессию от храма Марса, сооруженного вне померия, и, пройдя через несколько районов города и Форум, следовали мимо храма Кастора и Поллукса. Этот праздник был связан с особым положением всадников в обществе и воспроизводил реалии времен Септимонтия. Поэтому и в пехотинцах на шествии *Ludi magni* можно усматривать патрицианских юниоров, служивших по цензу в пешем войске — *classis*, а потому выстроенных по центуриям.

Весьма красноречиво применение в источниках эпитета «отборный»: «отборная молодежь», «отборная пехота», «отборная когорта», «отборный отряд пехоты». Ливий говорит также о «цвете молодежи» (*proceres inventum*) (Liv. X. 28. 7). У Дионисия встречаются «лучшие центурии» и «знатнейшая молодежь». Если сопоставить их с эпитетами как упомянутых выше патрицианских воинов, так и многих других магистратов, сенаторов и патрициев в целом, то в отборных отрядах проглядывают именно патрицианские по составу формирования. Заметим, что при характеристике плебеев Ливий ничтоже сумняшеся ограничивается всего лишь словами «храбрый воин», «доброе нрава», определяя прославленного центуриона Вергиния как «образцовый воин и гражданин».

Очевидно, что категория «лучший» (*optimates, proceres*) у Ливия связана только с патрициями. Им в период ранней Республики отводилась роль главных защитников отчизны, домашних очагов

и Ларов (некий аналог средневекового рыцарства), что подкрепляло их претензии на безусловное политическое господство в формирующейся патрицианско-плебейской *civitas*.

Плебеи как «военное сословие»: борьба за центуриатный строй

Обрисованная выше ситуация отражает тот факт, что центурии всадников и первого цензового класса комплектовались в значительной мере из патрициев и их клиентов, оружие которым давали патроны. Однако почему же Ливий еще под 461 г. до н. э. приводит протест плебейских трибунов против войны: «Воевать будут римские плебеи. Обремененных оружием, консулы быстро погонят их из Рима, мстя трибунам удалением, а вернее, изгнанием граждан» (Liv. III. 10. 12)? Источники рисуют нам картину бесконечных страданий именно плебеев от несения военной службы.

Дело в том, что и сама плебейская масса была неоднородна. Став по реформе Сервия Туллия воинами, плебеи получили право участвовать в центуриатных комициях, т. е. обрели некоторые гражданские права. Они приняли активное участие в установлении республики, но не достигли главного: разрешения пользоваться общественным полем (De Martino, 1979. P. 51–74). Поэтому, хотя большинство плебеев благодаря цензовому принципу формирования вошло в состав нового войска и в категорию «ассидуев», их положение в центуриатной системе существенно отличалось от патрицианского.

Во-первых, их ценз был значительно менее стабилен. Как показала И. Л. Маяк (Маяк, 1993. С. 104–138), плебеи имели право пользоваться землей на правах частной собственности, в V–IV вв. до н. э. периодически получали ограниченные наделы земель из фонда *ager publicus*, но только за плату и в частную собственность, да и то из недавно завоеванных (право ассигнации). Менять или увеличивать свои наделы плебеи уже не могли, а применение рабского труда в ранней Республике находилось еще в зачаточном состоянии и именно плебеи ратовали за его увеличение.

Несмотря на то что среди плебеев имелось немало состоятельных людей, вполне способных предъявить ценз 1-го разряда и войти в состав фаланги-классиса, их благосостояние было более подвержено угрозе разорения из-за частых отлучек хозяина с земельного надела на

военную службу или набегов воинственных соседей. Серьезно влияла также рыночная конъюнктура и отсутствие у плебеев клиентов.

Во-вторых, в центуриатных комициях плебеи перемешивались с патрициями и их клиентами в одних и тех же центуриях. А это объективно обеспечивало политический диктат патрициев. Ведь понятия кворума при голосовании важнейших вопросов не существовало, и законное решение принималось голосами патрициев и клиентов даже если все плебеи удалялись с Марсова поля, что в ранней Республике нередко и случалось. Да и военизированный характер проведения центуриатных комиций (в ранней Республике, как правило, при оружии и во главе с командирами) ставил волеизъявление плебеев под контроль воинской дисциплины. В-третьих, плебеи, повторим, так и не получили по реформе Сервия Туллия права на доступ к общественной земле и на занятие курульных магистратур, что лишало их возможности выражать свою политическую волю.

Таким образом, по реформе Сервия Туллия плебеи вошли в состав войска и влились в военную организацию римской общины. Можно сказать, они стали гражданами, но гражданами неполноправными. По верному замечанию И. Л. Маяк, они стали *cives*, но первоначально не вошли в *populus* (Маяк, 1993. С. 85). Более того, именно в войске плебеи начали подвергаться со стороны патрициев «военной эксплуатации как сословие» (Маяк, 1989 б. С. 96).

* * *

Плебеи как члены фаланги-классис, так же как и основная масса категории военнообязанных *infra classem*, несли на себе нелегкие тяготы воинской службы в ежегодных кампаниях, а захваченной землей, включаемой в фонд *ager publicus*, и военной добычей распоряжался сенат в интересах патрициев. Частновладельческие же хозяйства плебеев разорялись. Не удивительно, что с самого начала республики плебеи начинают страдать от недостатка земли, а бесконечные войны, которые затевал сенат в интересах патрициев, разоряли их и без того невеликие хозяйства. Страшным бичом для плебеев стало кабальное рабство. Плебеи вынуждены были арендовать землю у патрициев и влезать к ним в долги.

Несомненно, такое «ненормальное», неполноправное положение плебеев стало причиной и движущей силой упорной «борьбы

сословий», направленной на достижение равноправия плебеев в едином военно-политическом организме — *populus Romanus Quirites*.

Тема 7

Военная организация и «борьба сословий»: от плебейских сецессий до реформ Аппия Клавдия Цека

Борьба плебеев за равные права с патрициями пронизала историю всей ранней Республики и длилась более двухсот лет. Она определила длительность складывания в Риме государства и гражданского общества, но стала плавильным тиглем общественных и политических процессов, показав, как трудно добиться своих прав мирным путем.

Первый этап борьбы плебеев за гражданское равноправие

Борьба плебеев принимала разные формы. Уже к началу V в. до н. э. невыносимое рабство за долги распространилось настолько, что угрожало существованию плебеев как свободного сословия и вынудило их к борьбе за свои права. Недаром Ливий передает страстную жалобу плебеев накануне 1-й сецессии в 494 г. до н. э.: «...вне Рима плебеи сражаются за свободу и римскую власть, а дома томятся в угнетении и плену у сограждан... свобода плебеев в большей безопасности на войне, чем в мирное время, и среди врагов, чем среди сограждан» (Liv. II. 23. 2). Вид появившегося на Форуме заслуженного центуриона, тело которого было иссечено заимодавцем-хозяином, по словам Ливия, словно прорвал плотину гнева. Множество людей оказалось в таком же положении. И вот в 495 г. до н. э., когда на Рим двигались вольски, плебеи отказались братья за оружие.

С огромным трудом, пообещав серьезные уступки и облегчение долговой кабалы, удалось консулу Сервилию собрать войско. Мобилизующую роль оказал эдикт Сервилия, «чтобы никто не держал римского гражданина в оковах или неволе, лишая его возможности записаться в консульское войско, и чтобы никто, пока воин в лагере,

не забирал и не отчуждал его имущества и не задерживал бы его детей и внуков» (Liv. II. 24. 6). Выделим главное в этом примечательном указе: 1) плебей де-юре признается гражданином; 2) этот статус не препятствует обращению в рабство его и его семьи; 3) кабальное состояние автоматически вычеркивает гражданина из цензовых разрядов, а значит, и из числа воинов, сиречь из того же гражданства; 4) воин в лагере неподвластен гражданской юрисдикции, т. е. как бы отделяется от гражданства (отсюда и регулярные сравнения у плебеев военной службы с рабством).

Характерно, что должники с восторгом записываются в войско и выказывают невиданные доблесть и усердие в битве. Настолько воинская служба при всем ее ущемлении прав плебеев оказывается предпочтительнее рабства. Сервилию удалось отбросить вольсков. Но надежды на пролонгирование долгового иммунитета оказались тщетны. А тут еще на границах замаячили отряды сабинян, эквов и аврунков. Консулы объявили очередной набор. Придя на Форум, они поднялись на четырехугольный трибунал и стали выкликать имена юношей-призывников, причем Ливий применяет обозначение «плебей». Но никто не отозвался. Посланных для наведения порядка ликторов толпа народа отогнала. Попытавшихся вмешаться сенаторов чуть не забросали камнями. В страхе созывают сенат. Ожесточенные сенаторы причиной неповиновения черни считают не собственную алчность, а право провокации! И предлагают назначить диктатора.

Диктатор Маний Валерий, где угрозой расправы над плебейми, а где посулами смягчить бремя долгов, сумел набрать войско и одержать славную победу, захватив богатую добычу. Вернувшись, диктатор предложил сенату утвердить его распоряжения относительно освобождения должников из рабства. Но, столкнувшись со стеной сопротивления, слагает с себя полномочия, чем заслуживает признательность плебеев.

Сенаторы из страха перед народными сходками повелевают вывести войско вновь из города, хотя война уже закончена. Основанием служит то, что присягу воины принесли консулам, хотя набор был произведен диктатором. Последовал взрыв: возмущенная плебейская часть войска уходит из города, но уходит сама, без позволения консула. Воины-плебеи удаляются на Священную гору в трех милях от Рима (по другому мнению — на холм Авентин, оплот плебеев

в Риме). Там они устраивают лагерь, обнеся его частоколом, и выбивают из своей среды предводителей (Liv. II. 32; Dionys. VI. 45).

Примечательно, что масса плебеев осталась в городе, «покинутая своими» (по выражению Ливия), а патриции не знали, чего страшиться: их ухода или того, что они останутся? Вероятно, это были военнообязанные, не призванные на службу, либо из центурий еще общей категории *infra classem*. Источники явно рисуют нам картину единого центуриатного войска, которое лишилось своей самой многочисленной — плебейской — составляющей.

Сецессия 494 г. закончилась возвращением плебеев на условиях создания специальной должности плебейских трибунов и принятия патрициями «священных законов» (*leges sacrae*), о прощении мятежников и соблюдении прав плебеев в будущем (Liv. II. 33. 1; Dionys. X. 32. 1; Gell. XVII. 21. 11; Cic. Tull. 49; D. 1. 2. 20). Гарантом этого соблюдения стали плебейские трибуны. Воссоединение общины привело к возрастанию политической роли плебса в Риме и началу оформления внутри центуриатной системы собственной плебейской организации в противовес патрицианской куриатной, что нашло воплощение в создании собрания плебеев (*concilium plebis*). Оправданно отнести к этому же периоду и начало разделения аморфной категории военнообязанного населения *infra classem* на новые цензовые разряды и усиление роли плебеев в войске. Тогда же временно отступила на второй план проблема должничества благодаря снижению долгового процента и заступнической деятельности плебейских трибунов. Однако это было лишь прологом к новым схваткам, так как патриции упорно отказывали плебейской организации и плебейским трибунам в легитимности. Их заветом был клич Кориолана: «Трибуны для плебеев, а не для "отцов"!» (Liv. II. 35. 3).

Клич Кориолана стал стержнем следующего этапа «борьбы сословий», который развернулся в аграрной сфере и области кодификации законов, поскольку «священные клятвы» благополучно пренебрегались патрициями. Патрицианская молодежь задираала плебеев и глумливо оскорбляла трибунов, прилюдно устраивая избиения. Более того, активное участие плебеев в политической и хозяйственной жизни центуриатного гражданства сталкивало их лицом к лицу с чуждыми им нормами обычного права: родовыми традициями, религиозными установлениями, обычаями предков (*mores maiorum*), передаваемыми изустно. Знатком и толкователем обычного устного права был сенат.

Большинство хозяйственных и правовых сделок совершалось с использованием религиозных процедур, по священным книгам понтификов, авгуров и фламинов, которые были тайными и спрятанными от народа. Проверить истинность толкований сената и жрецов, тем более их беспристрастие, простому плебею, не допущенному к патрицианским таинствам, было невозможно (кстати, еще один аргумент в пользу мнения об отчуждении плебеев от курий). Да и многие нормы уже устарели, не отвечали потребностям быстро развивающегося хозяйства. Это порождало злоупотребления и беззакония со стороны патрициев и вызвало стремление плебеев сделать право открытым для народа. Они хотели, чтобы право было более простым, помогало быстрее совершать сделки, защищало их частную собственность, включая права и обязанности несения военной службы и распределения военной добычи.

Не раз и не два плебейские трибуны выступали за создание писаных законов, но встречали упорное противодействие патрициев. В 462 г. до н. э. настроения коренным образом изменились: не только плебеи, но и часть рядовых патрициев выступала за кодификацию права. Дело уже шло к принятию народным собранием рогации трибуна Гая Терентилия Гарсы о создании комиссии из пяти человек для составления законов о консульской власти. Предлагалось, чтобы консулы пользовались только теми правами, какими их наделит народ, а не собственной прихотью (Liv. III. 9. 5). Законопроект был провален благодаря тому, что патриции изловчились прибегнуть к помощи небесных знамений и толкованиям Сивиллиных книг, лишь бы развязать новую войну.

Трибуны с полным основанием объявили ее разыгранной на Форуме комедией. «Никто не поверит, — озвучивал Ливий негодование плебейских трибунов, — чтоб почти уничтоженные вольски и эквы по собственному почину вновь подняли оружие, и вот выискался новый враг: невинным антийцам объявляют войну, а воевать будут римские плебеи. Обремененных оружием, консулы быстро погонят их из Рима, мстя трибунам удалением, а вернее, изгнанием граждан; закон, таким образом, не пройдет..., если только плебеи, пока они еще дома, пока они еще не на военной службе, не позаботятся о том, чтоб не попасть под ярмо и навсегда не лишиться Города» (Liv. III. 10. 11–13).

Результатом стало открытое столкновение плебеев во главе с трибунами, которые запрещали проведение набора войска, и сенаторов,

которые, пользуясь правом предварительного одобрения законопроектов, срывали голосование либо саботажем патрициев, отказывавшихся трогаться с места для подачи голосов, либо наглой дракой молодых патрициев во главе с заносчивым юнцом Цезоном Квинкцием, сыном прославленного полководца Цинцинната. Цезона даже удалось привлечь к суду за оскорбление неприкосновенности плебейского трибуна, что грозило смертной казнью (Liv. III. 11–14). Данные события отражают не только яростный накал социальных катаклизмов в Риме, но и тот факт, что инструментом их решения выступала военная организация.

Тем не менее спустя десять лет требования приступить к составлению писанных законов звучали уже из всех слоев общества, кроме сената. Плебеи даже согласились на временное упразднение должности плебейских трибунов и права провокации — столь сильным было желание жить по праву, а не по произволу патрицианских родовладык.

Законы XII таблиц и 2-я военная сессия плебеев: торжество центуриатной конституции

Усложнение социально-политической стратификации общества и возрастание доли плебса в составе гражданства привели к тому, что в 451 г. до н. э. римляне избирают на срок в один год коллегию децемвиров, которым поручалось свести воедино все действующие законы и разработать новые, отвечающие нуждам общества. На время работы децемвиров отменялись все остальные магистратуры, а распоряжения не подлежали обжалованию (см.: Сидорович, 2002). К составлению законов были привлечены лучшие знатоки права, в том числе из греческих городов Южной Италии. Есть сведения, что децемвиры отправили даже посольство в Афины, дабы изучить законы Солона (Dionys. X. 51. 5; Isid. Orig. V. 1. 3; D. 10. 1. 13; 47. 22. 4) (но, возможно, это поздний вымысел). Законы составлялись в удивительной обстановке демократизма и всеобщего обсуждения. Было объявлено, что каждый гражданин может прийти на собрание, прочитать законы, обдумать каждую статью и внести поправки и дополнения (Liv. III. 34. 1–2). По истечении года децемвиры представили на утверждение центуриатных комиций свод законов. Их текст был высечен на десяти больших бронзовых досках.

Но оказалось, что для полного завершения свода римского права недостает еще двух таблиц. Их доработка была поручена новой кол-

дегии децемвиров, избранной на следующий, 450 г. В ее состав кроме патрициев впервые вошли и несколько плебеев, что сделало работу более демократичной. Вскоре таблицы были готовы и вместе с первоначальными десятью составили первый полный свод римского частного и гражданского права, так и названный — Законы XII таблиц.

Тит Ливий справедливо именовал Законы XII таблиц «истокком всего государственного и частного права» (Liv. III. 34. 6). Сами таблицы не сохранились, как и их тексты. Но они имели настолько большое значение для римлян, что огромное число цитат и пересказов в разнообразных письменных источниках позволяет нам примерно восстановить их структуру и содержание (см. интересную попытку: Кофанов, 1996 а. С. 175–210).

В Законах XII таблиц (История Древнего Рима: Тексты, 2004. С. 49–58) было определено различие в правах патрициев и плебеев, патронов и клиентов, свободных и рабов. В них впервые встречается понятие “*civis*” (гражданин), а высшим общегражданским органом власти закрепляется центуриатное народное собрание, названное «великим» (*comitiatus maximus*).

Главное внимание уделялось частному праву: проблемам наследования, передачи имущества по завещанию, регулированию совершения сделок купли-продажи, правам собственности, земельным вопросам (*квиритской собственности*), таким как аренда земли, система штрафов и наказаний за незаконную порубку деревьев, самовольный отвод воды из общего канала или перепахивание межи между двумя участками. Квиритской собственностью (землей и ее плодами) обладали только римские граждане. Она предполагала соблюдение юридических норм, общих для всех граждан.

Важным завоеванием плебеев явилось ограничение процентов по долгам. Отразилось в законах и развитие в Риме рабовладения: определение рабов и рабов-должников, наказания хозяев за проступки рабов, порядок отпуска раба на волю и права вольноотпущенника. Законы, однако, были суровы к должникам: кабальных рабов можно было продавать «за Тибр», т. е. за пределы Рима; можно было даже разрывать тело должника на части, если кредиторов было несколько. Законы размывали родовую собственность, что ослабляло единство патрициев. В то же время патрициям удалось включить в таблицы и статью, запрещающую браки между патрициями и плебеями.

Законы XII таблиц явились важнейшим признаком зрелости государства. Они знаменуют завершение трудного процесса инкорпорирования плебейской массы в гражданский коллектив через и посредством центуриатной военной системы. Отныне обычаи предков и родовые нормы права, религиозные знамения и сакральные обряды (*fas*) тушевались перед победным наступлением юридических норм и санкций (*ius*). В этом историческое значение Законов XII таблиц с их, казалось бы, исключительно частноправовой, архаичной юрисдикцией. На многие столетия они стали основой всего последующего законодательства, ядром римского права.

Итог правления децемвиров ознаменовался драматическими событиями, в корне изменившими общественный и политический строй Рима. Тираническое правление децемвиров второго созыва, которые узурпировали свои полномочия и после завершения годового срока, вызвало всеобщее недовольство. Плебеев смущало отсутствие защиты плебейских трибунов, патрициев же во главе с сенаторами — то, что из их рук уплывает прежняя безраздельная власть.

Вызов децемвирам бросили Луций Валерий Потит, внук Попликолы, и Марк Гораций Барбат (Liv. III. 39–49; Dionys. XI. 5; 21–22). Собрав сенат якобы для обсуждения войны с сабинянами, они попытались убедить сенат отрешить децемвиров от должности. Но наиболее консервативная часть сенаторов больше боялась народного возмущения, чем децемвиров, и склонилась к тому, чтобы позволить децемвирам продолжать формально править, а народ во избежание волнений отправить подальше на войну. Плебеи не слишком-то были расположены к децемвирам, но вся власть перешла в руки сената, который отнюдь не торопился восстанавливать республиканские magistratury. Чашу народного терпения переполнило гнусное поведение Аппия Клавдия, который попытался овладеть плебейской девушкой Вергинией. Возмущенный народ вышел на улицы, восстание вспыхнуло и в войске, куда весть о свержении децемвиров принес энергичный вождь плебеев, бывший трибун Луций Ицилий.

Большую роль в борьбе плебеев против сената сыграл один из вождей плебеев — Луций Сикций Дентат (подробнее см.: Токмаков, 1992 б). Сведений о нем в пропатрицианской римской историографии немного, но в источниках он предстает как блестящий воин: сорок лет провел он в походах, заслужил все мыслимые награды и получил должность военного трибуна. Сикций командовал крупны-

ми отрядами, что было уникально для плебея в то время. Он ревностно защищал интересы плебеев; в 454 г. до н. э. выступал за принятие смелого земельного закона и резко нападал на патрициев. Так, он привлек к суду консула Ромилия, попытавшегося расправиться с неудобным вождем плебеев.

В период правления децемвиров Сикций Дентат не остался в стороне от войны с сабинянами и командовал большим отрядом (когортой) из 800 добровольцев-ветеранов. Недаром он заслужил прозвище «Плебейский Ахиллес» (Dionys. X. 35–38; Gell. III. 11. 1; Fest. P. 208 L; Amm. Marc. XXV. 3. 13; XXVII. 10. 16). Он не скрывал ненависти к децемвирам второго срока и активно склонял воинов к восстанию. По секретному приказу децемвиров он был послан с небольшим отрядом конницы якобы на разведку. На самом же деле ему устроили засаду и убили, как и его спутников. Но злодейское убийство Сикция вызвало бурное возмущение воинов. Разыскав его тело, сплошь заваленное трупами убитых им врагов, воины устроили плебейскому вождю торжественные воинские похороны. Гибель Сикция стала одной из причин (не исключено, реальной) 2-й сецессии плебеев 449 г. до н. э. (Liv. III. 51. 12).

Войско из лагеря у Альгида двинулось на Рим; за ним последовало второе войско с долины у Фиден. Пройдя через весь Рим, плебейские войска, как и полвека назад, удалились на Авентин, а оттуда во избежание провокаций или беспорядков на Священную гору. Вслед за ними Рим покинули и толпы плебеев. «Обезлюдивший Рим, — сообщает Ливий, — превратился в пустыню» (Liv. III. 52. 5).

Страх сковал сенаторов и покорных им децемвиров, моливших лишь о защите от людской ненависти. На этот раз победу одержали сторонники Валерия и Горация. Лишив децемвиров формальной власти, они отправились на Священную гору просить плебеев вернуться. Сила народного восстания была так велика, что сенат вынужден был пойти на куда более серьезные уступки, нежели в 1-ю сецессию.

Таким образом, и 2-я сецессия являет нам пример прежде всего вооруженного восстания по преимуществу плебейского войска. Восставшие четко соблюдают воинскую дисциплину, боевые порядки на марше в центуриях, еще до выступления из лагеря и на самом Авентине избирают на войсковых сходках по центуриям военных

трибунов — по 10 от каждого войска, так как они остались без командующих после низложения децемвиров сенатом (не путать их с шестью военными трибунами манипулярного легиона IV в. до н. э., титул трибуна здесь аналогичен плебейскому и явно восходит к трибе — еще один знак плебейской сути восстания).

Касаясь характера сецессий, хотелось бы еще раз вернуться к версии о сосуществовании в Риме двух общин (о чем уже говорилось в теме 3). Если бы ко времени первых сецессий патриции и плебеи образовывали самостоятельные общины, тем более враждебные, то община патрициев располагала бы своим войском и уход плебеев не оставил бы их беззащитными перед лицом вражеского нападения. А вся традиция единодушно живописует этот страх. Более того, ушедшие плебеи ни в 494, ни в 449 гг. до н. э. не предпринимают ни малейших попыток осадить патрицианский Рим. И любопытно, что впервые армия восстала, возмущенная небывалым размахом закабаления плебеев в долговое рабство, и двинулась на Рим только в 342 г. до н. э., в ходе Кампанского мятежа (Liv. VII. 39). Но нет сомнений, что в IV в. до н. э. центуриатная реформа, безусловно, уже давно состоялась.

Напрашивается вывод, что сецессии плебеев не были проявлением параллельного бытования в Риме в V в. до н. э. двух отдельных общин — патрицианской и плебейской — со своими военными организациями, где плебейские трибуны трактуются как предводители плебейского ополчения. Наоборот, как мы убедились, сецессии явились восстаниями плебейской части единого центуриатного ополчения римской общины («гоплитских крестьян»; см.: Kienast, 1975. S. 97). Сецессии были угрозой отчаявшихся плебеев расколоть единый *populus*, а проще говоря, военную организацию (подробнее см.: Токмаков, 1998 а. С. 106–107). Целью восстаний было продемонстрировать силу и незаменимость воинов-плебеев, равно как и невозможность для патрициев возвратиться к прежним порядкам. Но так как отстоять свои права и интересы в центуриатной системе при наличии у патрициев куриатной организации плебеям оказывалось невозможно, это неминуемо толкало плебс к созданию противовеса в виде организации, закрытой уже для патрициев.

Поэтому и логически, и фактически плебейские сецессии могли произойти только после реформы Сервия Туллия, а никак не до нее. Все это убеждает нас, что в период сецессий, т. е. уже в первой половине V в. до н. э. никакого регулярного куриатного войска в Риме

существовать не могло. Анализ контекста источников доказывает, что его и не существовало, разве что в фантазиях отдельных исследователей.

Тем временем, возвратившись в город после 2-й сецессии в 449 г. до н. э., победившие плебеи под руководством Великого понтифика (других магистратов для совершения ауспий не осталось) на народном собрании на Авентине избирают плебейских трибунов, среди которых вожди восстания: Луций Ицилий, Марк Дуиллий и Гай Сициний. Затем в трибутных комициях было принято два закона: 1) о запрете преследования тех, кто участвовал в сецессии; 2) об избрании консулов с правом обжалования их действий перед народом (Liv. III. 54. 11–15). Возможно, должность консулов сменила магистратуру прежних преторов (подробнее об этом см. тему 14). Полномочия консулов существенно расширились, юридически закреплялась коллегиальность их действий и право интерцессии, т. е. вмешательства в распоряжения коллегии. Консулы были более независимы от сената и подотчетны народному собранию.

Избранные консулами 449 г. до н. э. Валерий и Гораций предлагают уже центуриатным комициям ряд важнейших законодательных реформ (Liv. III. 55), вошедших в историю как *законы Валерия–Горация*.

Первый принятый закон гласил, что решения трибутных комициев обязательны для исполнения всеми гражданами, в том числе патрициями. Тем самым они уравнивались с законами самих центуриатных комиций. Возникло два равноправных собрания, но каждое со своей сферой деятельности.

Затем было восстановлено и упрочено право провокации и подтверждена неприкосновенность плебейских трибунов, а кроме того, эдилов и коллегии «десяти судей», в чьем ведении находились дела о гражданстве и свободе. Теперь это не просто «священная» клятва, а юридический закон, безжалостный и суровый.

Наконец, постановили доставлять в храм Цереры плебейским эдилам все решения сената, которые ранее утаивались от народа или искажались по произволу консулов. Вершиной реформ Валерия–Горация стало опубликование Законов XII таблиц, выставленных на всеобщее обозрение на Форуме. Законы Валерия–Горация окончательно оформили политическую систему Римской республики,

способствовали объединению патрициев и плебеев в единое мощное государство.

Свое логическое продолжение дело консулов-реформаторов нашло в принятии в 445 г. до н. э. уже рассмотренного выше закона плебейского трибуна Канулея, признавшего законность браков между патрициями и плебеями, запрещенных было децемвирами. Затем не без сопротивления было удовлетворено и требование плебеев занимать высшую должность, хотя и не консулов, а приравненных к ним военных трибунов с консульской властью (444 г. до н. э.). Патриции наносят ответный удар в виде учреждения специальной магистратуры цензоров (443 г. до н. э.), исключительно из патрициев. Тем самым дело определения цензовых списков военнообязанных граждан изымалось из ведения консулов или (не дай бог) не попало в руки плебейского консулярного трибуна, не осененного куриатной сакральной благодатью. Тем самым окончательно торжествуют принципы сервианской цензовой конституции, воплощенные в политических и правовых институтах центуриатной системы. Патриции и плебеи окончательно обретают сословные черты как неотъемлемые составляющие центуриатного *populus*, а сам он из преимущественно военной организации общины превращается в становой хребет римского гражданского общества и государства.

От закона Канулея до реформ Аппия Клавдия Цека

Дальнейшее противоборство патрициев и плебеев проходило уже в конституционных рамках центуриатного строя. Ведь плебеи к тому времени преодолели униженный статус неполноправных инородцев, из милости патрициев допущенных к обслуживанию святого «общественного дела», и стали неотъемлемой частью гражданства и военной организации, полноправными субъектами частного и публичного права. Раз так, то вопросы аграрного законодательства, ростовщичества и кабального рабства перестают быть стратегическим элементом борьбы *за вхождение* в центуриатную организацию, тем более через военную службу. Значит, решение этих вопросов закономерно переносится в сферу социальной и правовой деятельности триб, объединяющих всех граждан независимо от сословия, и их политического органа — трибутного собрания. На него постепенно в ходе длительной борьбы были перенесены социально-экономические функции и политические прерогативы как центуриатных коми-

ций, так и отчасти куриатного собрания (после того как курии стали доступны и для плебеев).

Именно трибутные комиции набирают силу со второй половины V – IV в. до н. э., а в течение III в. до н. э. становятся центром законодательской деятельности и политической борьбы. Мощным стимулом выступает признание по законам Валерия–Горация действия плебисцитов для всех членов триб, а закон первого диктатора из плебеев Гортензия от 287 г. до н. э. о придании плебисцитам статуса общегражданских законов (*leges*) окончательно оттесняет на второй план центуриатные комиции. Причем для проведения своего закона диктатор также, по сообщению Плиния (N. H. XVI. 37), «совершил с плебеями сессию на Яникул» (*cum plebe secessisset in Janiculum*). В военной сфере цензовое равноправие патрициев и плебеев побуждает с первых десятилетий IV в. до н. э. перейти к исчислению ценза напрямую по трибам и там же набирать войска, что приводит к разрыву между военной организацией и центуриатным делением граждан.

Важнейшим нерешенным вопросом для Рима в IV в. до н. э. оставалось долговое рабство. Разоренные войнами и вражескими нашествиями плебеи, лишённые возможности пользоваться «общественным полем», все больше и больше попадали в долговую кабалу от ростовщиков и кредиторов. Большинство последних были сенаторами и знатными всадниками. Причем долговое бремя затронуло уже не только бедноту, но и виднейших плебеев. Патриции же сумели настолько укрепить свое положение, что не только прибрали к рукам все высшие должности консулярных трибунов, но и подкупали многих трибунов плебейских. В начале 30-х гг. V в. до н. э. в Риме было кроваво подавлено широкое движение за отмену долгового рабства, во главе которого встал богатый плебей-всадник Спурий Мелий. А в 384 г. до н. э. такая же жестокая участь постигла искренний порыв Марка Манлия Капитолийского (см. подробнее: Токмаков, 2002 б).

В таких условиях защитниками плебеев выступили Луций Секстий и Гай Лициний Столон, сами плебейского рода. Выбранные плебейскими трибунами в 375 г. до н. э. Лициний и Секстий предложили на благо плебеям законопроекты о погашении задолженностей по долгам, об ограничении земельных владений 500 югерами земли (125 га) и о выборах одного из двух консулов обязательно из плебеев, при отмене должности консулярных трибунов вообще.

Как сообщают источники, лишь на восьмой год непреклонная воля Лициния и Секстия и растущая поддержка народа при усилившейся внешней опасности сломила упорное сопротивление сената. Был сделан первый шаг: принят закон об избрании одного консула из плебеев. И первым плебейским консулом стал Луций Секстий. Не обошлось без компромисса: одновременно учреждались должности претора и двух курульных эдилов, занять которые могли лишь патриции. Судебная власть была одной из главных опор могущества патрицианского сената. Но вскоре и эти должности стали достоянием плебеев.

Затем последовало принятие и других законов, вошедших в историю как законы Лициния–Секстия (Liv. VI. 35–39; Dionys. XIV. 12 (22); Plut. Cam. 39; Gell. VI. 3. 37; XVII. 21; Val. Max. II. 4, 4; Flor. I. 26; Diod. XV. 23; Zonar. VII. 24; App. B. C. I. 8. 33; Plin. N. H. XVIII. 17). По этим законам разрешалось занимать земельные участки на общественном поле (*ager publicus*) размером не более 500 югеров, запрещалось пасти на общественных лугах более ста коров или пятисот овец. Эта мера серьезно ударила по доходам патрициев. Наконец, облегчалось положение должников. Законы Лициния–Секстия стали крупной вехой в истории Рима. Их принятие заметно сказалось на общественном облике плебса; теперь его верхушка уравнивалась с патрициями, утратившими почти все родовые привилегии. Укреплялось единство государства и гражданства. Плебеи впервые получили доступ к общественной земле. Открылась возможность превращения плебейской верхушки в крупных землевладельцев.

Во время первой войны с самнитами (343–340 гг. до н. э.) единство Рима вновь подверглось суровому испытанию на прочность. И вновь причиной стало обострение вопроса о ростовщиках и долгах, в которых завязли многие воины-плебеи (Liv. VII. 38; Dionys. XV. 3. 3–15; App. III (Samn.). 1. 1–2; Aur. Vict. Vir. ill. 29. 3). В 342 г. до н. э. воинов оставили после завершения кампании с фалисками и самнитами зимовать в лагерях Кампании, чем вызвали их недовольство (Liv. VII. 39–41). На многочисленных тайных сходках воины требовали либо отпустить их по домам, либо захватить богатые кампанские города и вывести туда колонии. Консул Гай Марций Рутил пытался удалить зачинщиков из лагеря под различными надуманными предложениями и поручениями и утихомирить заговор распространением слухов о размещении войск на постой по городам Кампании. Возмущенное войско всем составом двинулось к Риму, требуя соблюдения сво-

их прав, и лишь уговоры Марка Валерия Корва погасили готовое вспыхнуть междоусобие.

Но сохранились и сведения о том, что дело дошло до открытого противостояния верных сенату войск и мятежников у ворот Рима, и лишь сойдясь лицом к лицу, соседи и родственники со слезами на глазах бросились друг другу в объятия (Liv. VII. 40). Кампанский мятеж имел далеко идущие последствия (Ельницкий, 1964. С. 189–200). Он продемонстрировал высокий накал внутренней напряженности в Риме: впервые римское войско подняло оружие против отечества. После установления мира был принят «священный закон», запрещавший вычеркивать имя воина из цензовых списков без его согласия; эта угроза нависала над кабальными должниками, лишая их тем самым гражданских прав. Народное собрание выступило за то, чтобы уменьшить всадникам, и без того состоятельным, жалованье (ранее они получали в три раза большую плату, чем пехотинцы). Кроме того, было запрещено занимать одну и ту же должность ранее чем через десять лет. Некоторые авторы передают также, что именно тогда плебейский трибун Луций Генуций предложил закон о запрещении ростовщичества (Liv. VII. 42. 1).

Наконец, в 326 г. до н. э. (Liv. VIII. 23. 17; 28) (по другим данным, в 313 г. — Varro. LL. VII. 105) плебеи одержали крупную победу. По закону плебейского трибуна Петелия долговая кабала для римских граждан и членов их семей была отменена. Обращенные в рабство за долги освобождались. С этого времени римский гражданин отвечал за свои долги перед кредитором только своим имуществом, но не телом (Liv. VIII. 28. 8; Dionys. XVI. 5 (9); Val. Max. VI. 1. 9). Это стало главной гарантией прав гражданина. Ведь ранее, попав в долговую кабалу, римлянин терял не только свободу (теоретически он мог ее вернуть, отработав долг), но и свой имущественный ценз и гражданство (см.: Кофанов, 1994. С. 177–184). С тех пор в Риме полным ходом развивается классовое общество.

Важнейшим этапом на пути демократизации строя Рима стали реформы цензора Аппия Клавдия Цека (312–307 гг. до н. э.): передача отправления древнейшего римского культа Геркулеса из рук членов патрицианского рода Поттицев в ведение государственных рабов; допущение сыновей вольноотпущенников, становившихся плебеями, к званию сенаторов и включение права формировать списки сенаторов и всадников в прерогативы цензоров; позволение людям,

не имевшим земельной собственности, записываться в любую из сельских триб, а не только в четыре городские, как раньше (Liv. IX. 29. 5–11). Это усилило влияние растущего слоя ремесленников и торговцев, многие из которых были из вольноотпущенников. Они получили возможность попасть в первый цензовый класс. И совсем уже радикальный шаг — обнародование календаря, где были отмечены дни, в которые по религиозным причинам разрешалось вести судебные тяжбы, а также священных исковых формул, которые ранее находились в ведении понтификов.

* * *

Реформы Аппия Клавдия Цека стоят в одном ряду с преобразованиями Сервия Туллия. Как всегда без суеты и помпы, решая конкретные назревшие вопросы, даже не отменив цензуриатной системы, реформы Аппия Клавдия по сути знаменовали утверждение новой политической конструкции государства — территориально-трибутной. Они обусловили неизбежность реформы цензуриатных комиций во второй половине III в. до н. э., законодательства Гортензия о плебисцитах 287 г. до н. э. и завершение перехода к манипулярной армии, ярко проявившей себя в войнах с самнитами и Пирром. Благодаря им Рим вступил в противоборство с Карфагеном с сильной военной организацией. Именно она позволила выстоять Риму в ходе Первой Пунической войны, в кратчайшие сроки организовать флот. Именно она сумела обеспечить и непрерывное восполнение убыли воинского контингента благодаря налаженному функционированию системы комплектования армий.

Тема 8

Система комплектования цензуриатного войска

Система комплектования воинских сил является важнейшим элементом военной организации общества и государства. Она обуславливает социальный состав армии и вместе с тем детерминирует характер самой армии, всей военной организации. В институте комплектования войска, как в фокусе, отражается уровень развития общества, его конституционные основы, зрелость его государствен-

ных и гражданских институтов, характер и острота внутренних классовых и социальных противоречий.

Механизм набора войск в ранней Республике

Сведения источников о механизме набора воинских контингентов крайне немногочисленны. Известно, что как при царях, так и со времени установления республики воинские призывы производились ежегодно. На их регулярность и величину влияли военная активность римской общины и внешние угрозы. Хотя в ранней Республике война была столь же обыденным явлением, как пахота или сбор урожая, в те редкие годы, когда случалось затишье, войска не набирали. Ливий, к примеру, в таких случаях отмечал, что в такой-то год при таких-то консулах войны не было и вообще не случилось ничего примечательного. Характерно замечание Ливия о провале попытки плебейского трибуна Петелия в 441 г. до н. э. под угрозой запрета воинского набора провести аграрный закон: этот шантаж вызвал насмешку со стороны сенаторов, поскольку в тот год они и не собирались объявлять войну (Liv. IV. 12. 5).

Постановление о наборе войск издавал сенат и одобряло центуриатное собрание (*ex senatusconsulto populusque iussu bellum indictum*) (Liv. IV. 11. 3; 57. 8; VI. 22. 4; X. 12. 3). Обыденная юридическая процедура состояла в том, что сенат поручал консулам отправиться на войну, а консулы по праву магистратов объявляли набор (подробнее см.: Токмаков, 1998 а. С. 162 и след.). Иначе говоря, набор войск оставался прерогативой консулов. На основе своего империя (Маяк, 1998 а. С. 25 и след.) они издавали по этому поводу специальный эдикт, в котором определялись дни призыва и величина воинского контингента, обычно стандартная для каждого консула. Сенат, как правило, вмешивался в случаях экстраординарного набора или превышения численности войск. По оглашении дня набора консулы объявляли о закрытии судов и прекращении слушаний по уголовным делам и имущественным тяжбам, так называемый *iustitium*. Это означало перерыв в действии гражданских законов и норм обычного права — их место занимал империй консула-военачальника.

Сам набор производился на Форуме. Военнообязанный люд сходился туда по зову глашатая-акценза без оружия (Varro. LL. VI. 90), ибо в черте города находиться с оружием запрещалось. Любопытно описание процедуры набора войск в сложном 494 г. до н. э. Ливием

(Liv. II. 28–29) и Дионисием Галикарнасским (Dionys. VI. 23). Распустив сенат после провозглашения войны и призыва, консулы всходят на трибунал на Форуме и поименно выкликают юношей-очередников (*citant nominatim iuniores*) (Liv. II. 29; ср. III. 11. 1). Но никто не отозвался на свое имя, а собравшаяся вокруг толпа принялась, как на сходке, кричать, что больше не удастся обманывать плебеев и гнать их на войну, не решив вопроса о должниках. Более того, плебеи препятствовали ликторам схватить уже поименованных консулами призывников. Процедура, как видим, предполагает существование очередности призыва на военную службу и определенных списков военнообязанных. Однако соблюдение их зависело в первые полвека республики как минимум от воли и желания консулов, опиравшихся на *auctoritas* своего империя. При этом набор проходит при весьма активном и даже временами бурном участии всей массы военнообязанных граждан, прежде всего плебеев. Чтобы сломить их сопротивление призыву, консулы порой прибегали к переносу проведения набора за черту померия, на Марсово поле (о таком случае сообщает Дионисий: *Dionys. VIII. 87. 5*), где гражданские права уступали место военному империи консулов.

После набора потребного количества воинов консул на их сходке (*contio*) объявлял день сбора, обычно следующий. Например, по Ливию, избранный диктатором в 458 г. до н. э. Цинциннат приказал новобранцам явиться на следующий день до захода солнца на Марсово поле, имея при себе пятидневный запас еды и по 12 кольев; тем же, кто был уже стар для войны (т. е. сениорам), он велел приготовить еду для своих соседей-воинов (Liv. III. 27). Отсюда следует, что в снаряжении войска участвовали все, включая сениоров. Марсово поле было прочно связано с войском в V–IV вв. до н. э. Полибий называет Капитолий (Polyb. VI. 19. 6), но учтем, что Капитолий вплоть до времени Суллы также не входил в черту померия. Однако более вероятно, что во времена Полибия на Капитолий сходились командиры войск для вынесения знамен подразделений. Относительно Марсова поля Ливий сообщает, что оно получило свое название в начале республики, будучи ранее собственностью Тарквиния Гордого (Liv. II. 5. 2), хотя он же приписывает проведение первых смотров войска с его люстрацией Сервию Туллию (I. 44. 1). Согласно Плутарху, при Тарквинии поле могло не использоваться и даже было засеяно (Plut. Roml. 8), так как не было нужды проводить центуриатные комиции.

а с изгнанием царей его функции военного плаца были восстановлены. Именно здесь консул Лукреций в 462 г. до н. э. разложил военную добычу (Liv. III. 10. 1). Консулы Валерий и Гораций, возвратясь из похода в 449 г., также призывают сенаторов на Марсово поле для отчета перед ними, что вызвало возмущение последних желанием консулов докладывать о своих подвигах среди воинов с целью внушить страх сенату (III. 63. 6).

Именно на Марсовом поле проходил смотр войск и распределение его по военным центуриям. Там же проводились выборы центурионов (III. 69. 8). Там же консулы с помощью авгуров проводили военную люстрацию войска (см.: Токмаков, 1994 б. С. 129–131). Порядок ее был установлен еще Сервием Туллеем: вокруг войска, в котором всадники были выстроены по турмам, а пехотинцы — по центуриям, проводили кабана, барана и быка, приносимых в жертву Марсу Градиву и Юпитеру во искупление грехов пролития воинами крови (Liv. I. 20. 4; II. 45. 14; Fest. P. 204 L).

Для обозначения набранного войска Ливий употребляет выражение "*exercitus conscriptus armatusque*", т. е. «записанное и вооруженное войско» (Liv. III. 66. 4; VI. 2. 7). Означает ли это, что войско вооружалось самостоятельно? В таком случае лишается всякого основания обвинение патрициями Спурия Мелия в заговоре на основании обнаружения у него в доме склада оружия (IV. 13. 8). В то же время в пользу такой версии может служить сообщение о приказе вышеозначенного Цинцинната молодежи прибыть «с оружием в руках» (*armati*) (I. II. 27. 3); правда уже после проведения набора и распределения по центуриям. А вот Юний Брут еще в 509 г. до н. э., согласно Ливию, «вооружил набранных юниоров» (I. 59. 12).

Множество мелких оговорок в традиции подводят к мнению, что военнообязанные общинники не имели своего оружия. По крайней мере плебеи получали его централизованно из имеющихся арсеналов (вероятно, из эрария) уже после набора, т. е. зачисления общинника в войско, когда были определены и центурии, в которых он должен был служить. Получив из арсенала оружие, призывник шел уже вооруженным на Марсово поле, где занимал место в своей центурии и обрядом общевойсковой люстрации очищал это оружие от скверны убийства. О централизованном хранении вооружения общины свидетельствует и сообщение Ливия о решении сената в 449 г. до н. э. послать оружие и подкрепление в союзный Тускул (Liv. III. 42. 7; Dionys.

XI. 24. 1). Возможно, знатные роды могли хранить оружие дома (Фабии), но упомянутый Спурий Мелий – всадник, вероятно, из плебеев (Liv. IV. 13. 1), а потому на него это право не распространялось.

Однако получал оружие призывник не бесплатно. Как уже говорилось выше, классификацию вооружения по Сервианской реформе следует понимать как право членов того или иного цензового разряда на получение определенного вида оружия в соответствии с суммой цензового взноса в казну для его приобретения (*tributum*) (см. тему 2). Это тем более вероятно, что фаланговый строй требовал более или менее единообразного гоплитского вооружения. Железо же для него было очень труднодоступно. Поэтому мнение А. В. Игнатенко о том, что сервианская пехота «являлась типичным для эпохи военной демократии ополчением самовооружающихся соплеменников-общинников-граждан» (Игнатенко, 1976. С. 29–30), за исключением последнего определения, не находит подтверждения в традиции, тем более что эпоху после реформы Сервия Туллия правомерно относить уже к стадии образования государства.

Для обозначения процедуры набора Ливий всегда употребляет термин *dilectus* (Токмаков, 1998 а. С. 166). Он происходит от глагола *deligo* («отбирать») и этимологически связан с широко известным термином *legio*. Однако в архаический период *legio* обозначал все набранное войско и лексически отражал правовую дефиницию тождества войска и гражданства. Термин же *dilectus* (т. е. «отобранный из целого») выражал процесс обособления войска от гражданской общины. Иначе говоря, в ранней Республике войско уже не совпадало со всем народом.

Дело в том, что на призыв консулов в принципе обязаны были являться все военнообязанные общинники, как патриции, так и плебеи, как юниоры, так и сениоры. Но набиралась, естественно, молодежь (*iuventus*), реже все юниоры. Фест сообщает, что еще Сервий Туллий выделил в списках центурий тех, кто относился к войсковому цензу юниоров (Fest. P. 290 L). Лишь в экстраординарных случаях особой опасности или крупных потерь из сениоров также формировались отряды.

Но и юниоров призывали не всех, а в соответствии с очередностью. Поэтому Ливий характеризует процесс набора выражением "*dilectus scribere*" («записывать набор»), а Дионисий Галикарнасский – "*katagrafein ton stratioton ek tu katalogu*" («набирать войско

по спискам»). Следовательно, перед нами отражение факта не составления списков волонтеров, а призыва рекрутов на основании уже имевшихся списков цензовых разрядов, которые возобновлялись и корректировались периодически — в первой половине V в. до н. э. консулами и достаточно нерегулярно, с перерывами от 5 подчас до 10 лет, но с учреждением магистратуры цензоров в 443 г. до н. э. — каждые пять лет. В идеале каждый гражданин обязан был с 18 по 46 лет прослужить от 16 до 20 военных кампаний (Маяк, 1996. С. 122–127). (Впрочем, цифры в источниках различаются, но порядок этот сохранился вплоть до поздней Республики.)

Сервианская система обеспечила четкое знание общинником своей очереди призыва, потому на практике присутствия на Форуме всех сограждан не требовалось. Впрочем, это не исключало добровольной записи в войско вне очереди. Общинников нередко привлекала надежда на богатую военную добычу, страшили угрозы расправы за неповиновение со стороны консулов или побуждала к спасению отчизны серьезная внешняя опасность. Плебеи проявляли бурную активность в период успехов в борьбе за свои интересы или посулов расположенных к ним военачальников на решение проблем кабального рабства или перераспределение земель *ager publicus*.

Однако срок службы определялся консулами: они могли выкликать общинника ежегодно несколько лет подряд или с длительными перерывами. Такая субъективность в соблюдении очередности цензовых и центуриатных списков провоцировала ответное возмущение плебеев. Поэтому на протяжении V в. до н. э. плебеи нередко отказывались записываться в войско, особенно если война представлялась им невыгодной или затеянной сенатом для отвлечения внимания от внутренних неурядиц. Таковы отказы от записи в войско в канун 1-й сессии 494 г. до н. э. или во время войны с антийцами в 60-е гг. Характерно, что начиная с IV в. до н. э. подобных эксцессов при наборе войск не наблюдается. Это свидетельство окончательного отделения армии от гражданского коллектива и превращения ее в важнейшее звено государственного механизма.

В бурный период становления центуриатной системы *populus* на активность и гладкость проведения набора сильное влияние оказывала позиция плебейских трибунов (подробнее см.: Токмаков, 1998 б. С. 66–77; Кофанов, 1996 б. С. 69–75). Эта чисто плебейская магистратура сыграла столь неопределимую роль в «борьбе сословий» и создании

единого государства, особенно на стадии утверждения центуриатной конституции, что о ней необходимо сказать несколько слов.

Плебейские трибуны избирались с 494 г. до н. э. сроком на один год сначала центуриатными, а с середины V в. до н. э. — трибутными комициями, т. е. стали общегражданской магистратурой. Их должность была священной, а личность — неприкосновенной. Плебейские трибуны вошли в историю как пламенные борцы за права плебеев, несгибаемые защитники обиженных и угнетенных. Власть плебейских трибунов была очень велика, но ограничена только территорией города Рима и его окрестностями не далее полутора миль. В войске во время похода она не действовала. Трибуны могли созывать трибутные комиции, вносить законопроекты в другие виды народных собраний. Трибуны не подчинялись ни консулам, ни сенаторам. Они могли даже арестовать консулов и опротестовать решение сената (право интерцессии, т. е. «вмешательства»). Они обладали правом вето в отношении решений магистратов. Трибуны имели большую судебную власть. Они могли вызвать к себе любого гражданина и подвергнуть аресту или денежному штрафу всех, кто им противодействовал. Но главное право плебейских трибунов заключалось в том, что они оказывали помощь и покровительство каждому обращающемуся к ним плебею, а впоследствии и каждому гражданину.

Наряду с этим плебейские трибуны имели право прекращать следствие, освобождать из тюрем должников и брать под защиту уклонявшихся от обременительной военной службы. В случае ущемления прав плебеев или для давления на патрициев и сенат во время перипетий аграрной борьбы плебейские трибуны активно использовали свое право вето, запрещая проведение набора или призывая плебеев не записываться в войско, обещая им неприкосновенность и защиту. Так как в распоряжении консулов имелось всего 12 ликторов, которые часто оказывались бессильны перед толпой, то набор войск в ранней Республике превращался в *арену лобового противостояния патрициев и плебеев*, в инструмент борьбы за контроль над военной организацией *civitas*.

Базис комплектования войска в ранней Республике: от центурий к трибам

Контингентом комплектования войска и резервом его пополнения с первых десятилетий республики выступали все члены центури-

атной организации, т. е. весь римский народ — *populus* (см. тему 5). Каждый год из его состава заново набиралась вооруженная часть для ведения войны от лица всей общины. Можно сказать, каждый год это было новое войско, но со старой структурой, постоянное и профессиональное. Ибо каждый гражданин был воином, готовым к службе. Такой тип войска, характерный для стадии образования классов и государства, называют милиционным.

В Риме оно сложилось в ходе реформы Сервия Туллия. Дионисий Галикарнасский передает, что для набора необходимого количества воинов царь-реформатор разделил их число между 193 центуриями и требовал от каждой столько людей, сколько приходилось на ее долю (Dionys. IV. 19. 1). Иными словами, именно центурии выступали базой комплектования войска. По ним распределялись принимаемые в гражданство новые переселенцы, по ним распределяют раненых воинов.

Однако в историографии доминирует иная точка зрения: базой набора войск в ранней Республике выступали территориальные трибы, также учрежденные Сервием Туллием. Еще Б. Нибур считал, что каждая из 30 триб выставляла определенное количество человек в каждую центурию (Niebuhr, 1873. Bd. I. S. 386 u. folg.). Шведский археолог Эйнар Гьёрстад признает вслед за традицией наличие всего лишь 17 триб в начале республики (Gjerstad, 1972. S. 176). Сопоставляя их с 170 центуриями пехоты всех пяти цензовых разрядов, он делает оригинальный вывод о том, что каждая триба формировала по 10 центурий всех разрядов. К. Белох также полагал, что число центурий и триб изначально координировалось между собой, но затем порядок был нарушен вплоть до реформы центуриатного устройства в III в. до н. э. (Beloch, 1926. S. 270, 290 u. folg.). Умберто Коли идет еще дальше, утверждая, что количество триб всегда координировалось с постепенно возрастающим числом центурий (Coli, 1955. P. 181–222) (хотя это требовало бы постоянных сложных перерасчетов всякий раз, как возникала новая триба, что верно отметила Л.-Р. Тейлор; см.: Taylor, 1966. P. 337–354). В том или ином виде эта идея витает в литературе и сегодня (Palmer, 1970. P. 138 ff. 154 ff. Bleicken, 1975. S. 98 u. folg.). Солидную опору ей создает Полибий, описывавший набор римской армии именно по трибам (Polyb. VI. 20).

И вроде бы неважно, что Ливий четко оговаривает: учрежденные Сервием трибы не имеют никакого отношения к делению на центурии и к числу их (Liv. I. 43. 13), что количество триб по мере

расширения территории и роста населения Рима возрастало до 35 в начале IV в. до н. э., да на этом числе и остановилось вплоть до конца республики. И лишь за этим последовала реформа центуриатных комиций, которая привела к взаимной координации центурий и триб. Полибий же верно определил базис комплектования римской армии, но манипулярной и применительно к III–II вв. до н. э.

Однако в эпоху развития центуриатного строя сервианские трибы и центурии являлись категориями разного порядка, потому и представляли различные направления реформ. Трибы — это территориальные объединения всех свободных жителей данной местности независимо от величины имущества и сословной принадлежности. Они предназначались для учета всех граждан. Центурии — это объединения военно-политические. Они консолидировали военнообязанный народ в гражданство с четким распределением прав и обязанностей их членов в соответствии с цензом.

Взглянем в этом контексте на сообщение Дионисия Галикарнасского от 496 г. до н. э. Он пишет, что после проведения ценза по трибам диктатор Ларций «отделил имеющих призывной возраст от стариков (т. е. юниоров от сениоров) и, распределив по центуриям, разделил пеших и всадников на четыре части». Лучшую часть он взял под командование себе, остальные поручил своим помощникам (Dionys. V. 75. 4). 450 г. до н. э. Дионисий датирует набор в каждой трибе способных носить оружие и отправку их для пополнения уже действующих центурий (XI. 24. 1).

Как видим, прослеживается четкая последовательность: ценз по трибам (среди всех военнообязанных граждан) — распределение на разряды и возрасты — формирование из всех отобранных в каждый разряд надлежащего числа центурий — выборы командиров военных подразделений, центурионов, — присяга войска под священными инсигниями центурий.

Таким образом, цензовые центурии являлись структурными единицами сервианского *populus*, но не постоянными по составу подразделениями. В зависимости от переоценки своего имущества с каждым новым цензом любой общинник мог оказаться в другом цензовом разряде. Например, есть данные Псевдо-Аскония, что при утрате гражданства и переводе человека в эрарии, самый низший разряд, плебеи исключались из именного списка своей центурий (Ps.-Ascon. P. 103. Beiter). Они теряли право участия в комициях.

получали поражение в правах (*ignomia*) и обязаны платить особо обременительный подушный налог. Тем самым состав центурии сохранялся только в течение действия ценза (пять лет), но в этот срок каждый общинник твердо знал свое место в центурии и очередность несения службы. Поэтому разорение плебеев и рост кабального рабства не только больно ударили по хозяйственному и общественному положению плебеев. Эти процессы резко ухудшали их политический статус, вплоть до исключения их из центуриатной организации, а значит, и из числа граждан (*cives*). Отсюда следует, что борьба плебеев против ростовщичества и закабаления объективно была борьбой за гражданское полноправие в рамках центуриатной конституции.

Итак, сервианские сельские трибы служили основой не набора войск, а определения ценза всех общинников, которые в ней проживали или имели земельные владения. Учитывались как плебеи, так и патриции с клиентами, которые владели землей на территории пагов, входящих в трибы. В соответствии с величиной ценза общинник уплачивал трибут (также от трибы) на приобретение (централизованно) вооружения соответствующего имущественного разряда. Ценз являлся посредующим звеном между трибутной и центуриатной организациями. С его помощью общинники как бы отрывались от своего места жительства и консолидировались в единую политическую и военную организацию.

На следующем этапе на основе ценза из всех членов данного разряда, а не только конкретной трибы, формировались поровну в отведенное им по реформе Сервия Туллия количество центурии. Списки членов центурий служили как избирательным, так и военным целям. В соответствии с ними граждане группировались в центуриатных комициях. Из их же числа, исходя из потребностей войны, отбирались рекруты для военных подразделений строго унифицированного состава, но далеко не совпадавшего с хрестоматийной «сотней». Недаром Варрон, Авл Геллий и Фест обозначают центуриатные комиции термином *exercitus urbanus centuriatus* (Gell. XV. 27; Varro. LL. V. 93; Fest. P. 249 L; Liv. VI. 2. 7).

Словная принадлежность значения не имела. Не случайно во время 1-й сецессии плебеев в 494 г. до н. э. оставшиеся в Риме патриции (очевидно, 1-го разряда — *classis*) заняли со своими клиентами места в центуриатных комициях, оставленные плебейми, и без

затруднений избрали консулов. Плебеи же в центуриатных комициях оказались разъединены и сосредоточены в основном во 2–5-м имущественных разрядах (*infra classem*). Отсюда их стремление к созданию такой избирательной организации, где бы они были представлены компактно и пропорционально численности, а не цензу. Такой организацией со временем стали трибутные комиции.

Центурии являлись действовавшими военно-политическими объединениями военнообязанных граждан. Именно в них преодолевался местный партикуляризм и происходила переплавка различных слоев и категорий населения в единый военно-политический организм — *populus Romanus*. В центуриях общинник трансформировался в гражданина, земледelec и ремесленник — в воина. Обеспечивалась тесная взаимосвязь между службой в войске и общественным состоянием гражданина. Это позволяло держать весь гражданский коллектив *civitas* в состоянии перманентной готовности к войне.

Сбои в функционировании центуриатной системы комплектования войск начались лишь в IV в. до н. э. Первым «звонком» стало продление срока службы более года и введение платы воинам в ходе войны с Вейями (406–396 гг. до н. э.) (Liv. IV. 59. 11; V. 2; 7. 12–13). Это подрывало основополагающий принцип центуриатной системы — право-обязанность гражданина на несение безвозмездной военной службы, ограниченной рамками одной военной кампании (весна–лето), без отрыва от сельскохозяйственного цикла. Отчуждение воина от гражданской жизни отразило процесс превращения военного милиционного ополчения в инструмент государства, отчужденный от общества. Внутренняя коррозия центуриатной системы, выдвижение на первые роли трибутной организации в связи с успехами плебеев в сословной борьбе закономерно привели и к изменениям в военной сфере — на этот раз в обратном направлении. В IV в. до н. э. начинается переход на трибутную основу комплектования войск.

Катализатором процесса стало принятие римской армии легионной структуры, унифицированного вооружения легионеров и популярной тактики (см. тему 9). Но лишь к 275 г. до н. э. относятся первые прямые сведения источников (Валерий Максим и Ноний) о наборе войск консулом-плебеем Манием Курием Дентатом (Val. Max. VI. 3. 4; Nonius. 1. P. 28 L). С тех пор списки военнообязанных стали составлять по трибам, к которым приписывали и новых гражд-

н из получивших римское гражданство латинов и италиков, а так-
же из жителей римских колоний в Этрурии, Умбрии и Лукании.

После покорения Римом Италии по договору с римлянами итали-
обязаны были предоставлять ему свои войска в качестве «союзни-
в» (*socii*). Как правило, они были равны по численности легионам
огорты) и имели сходную структуру и вооружение, но под командо-
нием римских военных трибунов. Со II в. до н. э. в состав римской
мии стали включать вспомогательные войска (*auxilii*) из италий-
их, а затем обычно неиталийских племен, которые заключали с Ри-
м неравноправные договоры. Они сохраняли свои военные отряды,
оружие и выступали под командованием своих военачальников.
иболее прославились пращники с Балеарских островов, лучники
Крита, конница из Нумидии в Африке. Обычно численность вспо-
гательных войск равнялась численности римских легионов, а рас-
лагались они на флангах, поэтому назывались алариями. Но в
личие от легионеров «союзники» и аларии не получали жалованья,
и доставалось и в несколько раз меньше военной добычи.

* * *

Центуриатная система комплектования доказала свою жизнеспособность и эффективность в течение всего V – начале IV в. до н. э. Благодаря простоте набора воинских сил она позволяла мгновенно реагировать на внешнюю угрозу. Это проявилось как в постоянной готовности Рима перед лицом враждебного окружения и в крупных военных успехах, так и в способности обеспечивать Рим полноценными боееспособными воинскими контингентами любой численности в ловнях ожесточенных непрекращающихся внутренних конфликтов трибун и плебеев; причем ареной споров и камнем преткновения этих конфликтах выступала именно военная организация.

Тема 9

Боевые порядки центуриатной фаланги ранней Республики

принципах формирования, композиционном устройстве, боевом строении раннеримского войска и путях его совершенствования

до III в. до н. э. нам известно чрезвычайно мало. Видимо, поэтому в историографии до сих пор доминирует мнение либо о крайней примитивности военной организации ранней Республики, либо о ее качественной и структурной идентичности манипулярной армии.

Тактическое деление римского войска

Долгое время считалось, что сведения римской традиции о разделении царем Сервием Туллем римского гражданства на пять цензовых разрядов, а войска соответственно вооружению на 193 центурии являются позднейшей ученой реконструкцией анналистов и не имеют никакого отношения к реальной структуре воинских сил (см. тему 3). Это заблуждение было остроумно разрушено в ряде работ П. Фраккаро (Fraccaro, 1930; 1931. Р. 91–97; 1934. Р. 57–71; 1957). По его версии, Сервий Туллий удвоил сохранившийся с Ромуловых времен «легион» из 3 тыс. чел. Справедливо предположив, что в полевом войске служили только юниоры (40 центурий 1-го разряда по 100 чел. в каждой). Фраккаро добавил к ним по 10 центурий юниоров 2–3-го разрядов, также имевших тяжелое вооружение, и получил «сервианский легион» из 60 центурий (6 тыс. чел.). С тех пор, полагал Фраккаро, эта структура легиона сохранялась и после его разделения на две части для предоставления командования каждому консулу. Более того, она стала классической, хотя численный состав центурий уменьшился. В дальнейшем, по мнению Фраккаро, в легионы включаются 24 центурии юниоров 4–5-го разрядов, т. е. по 1200 велитов на легион. Следовательно, состав легиона доводится в IV в. до н. э. до 4200 пехотинцев и остался неизменным в дальнейшем.

Отличаясь стройностью и тщательностью построения при солидной опоре на данные источников, теория Фраккаро резко стимулировала в историографии интерес к исследованию Сервианской конституции вообще и ее военной организации в частности. Большинство исследователей либо полностью разделяют ее, либо принимают за основу (назову лишь Х. Лэста (Last, 1945. Р. 42 ff), Т. Дж. Корнелла (Cornell, 1988. Р. 91), Э. С. Стэвли (Staveley, 1953. Р. 32 ff.), Ж.-Кл. Ришара (Richard, 1977. Р. 229–236), П. Де Франчиши (De Francisci, 1959. Р. 360 ff., 691–694), Ж. Эргона (Heurgon, 1969 а. Р. 151) и др.). Другие исследователи, однако, сомневаются в делении войска на два легиона в начале республики и относят его ко времени

восстановления консульского правления в 367 г. до н. э. (Г. Де Санктис (De Sanctis, 1933. P. 289–298), А. Бернарди (Bernardi, 1952. P. 50)).

Возвращаясь к теории П. Фраккаро, отметим, что она также вызывает возражения. Во-первых, малоубедительны ссылки на цифровые данные. Плутарх и Дионисий уже к царскому периоду относят удвоение военных сил до 6 тыс. во время синойкизма ромуловой и сабинской общин (Plut. Rom. 13; Dionys. II. 35. 6; Zonar. VII. 13). Ливий явно указывает на пополнение войска и создание новых турм всадников за счет покоренных альбанцев и других племен в VII в. до н. э. (Liv. I. 29–30). Современные исследователи определяют количество военнообязанных в Риме в начале V в. до н. э. в 17–20 тыс. человек (De Martino, 1979. P. 173; Botsford, 1909. P. 83), хотя реальное полевое войско было, естественно, меньше.

Далее, П. Фраккаро редуцирует реформу Сервия к количественному изменению легиона и не вполне учитывает качественное различие старого, куриатно-родового, и нового, цензового, принципов комплектования и организации войска, которые не исчерпываются изменением способа его набора. Тактическим звеном войска у Фраккаро и его последователей остается легион, воспроизводящий свою структуру.

В самом деле, богатый военными событиями V в. дает нам немало примеров самостоятельных действий консулов в разных местностях против различных племен и народов. Но отметим, что первое деление войска на две части Дионисий Галикарнасский относит ко времени Тарквиния Древнего (Dionys. III. 57. 3). Он же сообщает, что набранное в 487 г. до н. э. войско было разделено на три части, две из которых консулы повели против разных народов, а третья часть, также из воинов призывного возраста, осталась для защиты ближайшей к Риму округи (VIII. 59. 3). Их нельзя путать с сениорами, из которых была сформирована 4-я часть под своими значками (центуриями) для охраны стен.

Аналогичных конкретных причин вынужденного деления военных сил бесчисленное множество. В период ранней Республики при отсутствии особой необходимости на войну или в набег отправлялся один консул, который мог достаточно произвольно делить свою армию.

Еще более красноречив другой пассаж Дионисия о набранном децемвирами в 450 г. до н. э. войске в 10 легионов. Казалось бы, каждому децемвиру досталось по собственному «легиону». Тем более что, по обоснованному мнению В. В. Дементьевой, децемвиры обладали

империем (Дементьева, 2004. С. 164 и след.). Но все войско было разделено лишь на три части: 2 «легиона» остались в Городе, 3 были выведены на сабинян и еще 5 — на эквов (Dionys. XI. 23. 1).

Примечательно, что в тексте Ливия о событиях ранней Республики чаще всего фигурируют названия не «легионы», а *exercitus* (или *consularis exercitus*), *acies*, *copiae*. Дионисий и Диодор называют их *dunamis* и чрезвычайно редко *tagma*, что лишь в III–I вв. до н. э. переводится обычно как «легион». Особо впечатляет, что Ливий употребляет этот термин только во множественном числе и практически никогда не указывает их конкретного количества. Так, под 487 г. до н. э. читаем, что консулы «...делали смотр легионам и расставляли сторожевые посты по стенам» (Liv. II. 39. 9). Складывается впечатление, что название *legiones* в традиции использовалось для определения самого факта многочисленности войска, его общей массы (фигура гендиадиса) и синонимично понятию *consulares exercitus*.

Многие ученые относят время разделения так называемого «легиона Фраккаро» на два ко второй половине V или началу IV в. до н. э., времени введения военного трибуната с консульской властью, а оформление 4 легионов помещают во вторую половину IV в. до н. э., в эпоху Самнитских войн. Например, Дж. Самнер, выражая распространенную точку зрения, полагает, что каждый трибун, подобно консулам, возглавлял один легион. Следовательно, увеличение числа трибунских магистратур должно отражать возрастание количества легионов (Sumner, 1970. P. 72–75). Согласившись с данной теорией, мы вынуждены будем признать и наличие в Риме того времени 5 и даже 8 легионов соответственно колебаниям числа консулярных трибунов, а традиция не дает нам таких доказательств.

Впервые четкое описание легиона с манипулярными признаками встречается у Ливия под 348 г. до н. э. с нехарактерной для него оговоркой о точной численности состава (10 легионов по 4200 пеших и 300 всадников в каждом) (Liv. VII. 25. 8): явно новое введение. Лишь под 340 г. до н. э. он подробно излагает построение манипулярного легиона (VIII. 8. 8–10). Причем в это время военнообязанные приписывались уже не к центуриям, а к легиону (*ex legione Romana scripta*).

Итак, источники не позволяют выявить в Риме, по крайней мере в V в. до н. э., не только стабильного войска из двух легионов, но и вообще легионов как таковых. Однако такой вывод отнюдь не опровергает тезиса о едином войске, состоявшем из 60 центурий.

В связи с этим необходимо остановиться на определении происхождения слова “*legio*” и названии раннереспубликанского центуриатного войска. Этимология *legio* от *legere* (или от *eligere*) («отбирать») (Veget. II. 1) представляется вполне очевидной, поэтому можно согласиться с мнением Ф. Гшнитцера, который полагал, что первоначально в царский период *legio* обозначал сам процесс набора войска (Gschnitzer, 1968. P. 182, 190). Примечательную этимологию дает Варрон: «Легион, которым называются воины во время набора» (LL. V. 88).

Со времени реформы Сервия появляется термин *classis* (Gell. VI (VII). 13), который можно отнести к *собранному войску, распределенному по центуриям*. Фест определяет: «классис называется подпоясанным, т. е. готовым к бою множеством воинов...» — P. 295 L). Ливий применяет аналогичное определение — *exercitus armatus paratusque* (VI. 6. 13) или *exercitus conscriptus armatusque* (V. 2. 7). И. В. Нетушил полагал, что *exercitus* было общим, отвлеченным названием войска, а *classis* обозначал строй тяжеловооруженной фаланги (Нетушил, 1916. С. 29). Четкое определение дает поздний историк Вегетий: «Название *exercitus* оно получило от самого своего основного занятия, именно упражнения (*exercitum*), чтобы оно никогда не забывало, почему оно носит такое название» (Veget. II. 1). Ф. Гшнитцер справедливо отметил, что в источниках центуриатное собрание нередко именуется *exercitus*, но никогда *legio* (Gschnitzer, 1968. P. 180). Следовательно, последнее название было связано с более древним способом набора ополчения и перенесено в новую социально-политическую организацию. В раннереспубликанский период «легион» стал техническим обозначением полевого войска — *exercitus*. Так как оно набиралось ежегодно и каждый раз было новым, то каждый раз на войну отправлялся новый «набор» (*legio*).

Итак, «легион» в V — начале IV в. до н. э. представлял собой набранное центуриатное войско вне зависимости от его численности и количества составляющих его частей. Лишь в первой половине IV в. до н. э., как показывает анализ источников, с усложнением военной организации, необходимостью вести продолжительные войны на разных театрах боевых действий начинает формироваться иная, манипулярная структура воинских соединений, которой можно было легко управлять и обеспечивать высокий уровень дисциплины. В связи с этим происходит упорядочение набора войск, а само обозначение набранного контингента сохраняется и в боевых условиях,

в частности, с целью отличить его от союзных частей (*auxilarii*) обычно такой же численности. Набирается уже не аморфная масса людей, а строго фиксированные войсковые соединения с идентичной друг другу внутренней структурой. Со второй половины IV в. до н. э. с переходом к манипулярной тактике и упорядочением структуры войска легионы превращаются в базовые соединения новой, манипулярной армии.

Боевое построение центуриатной фаланги

Как уже было сказано в теме 4, первоначально все военнообязанные разделялись на *classis* и *infra classem*. Причем, Геллий отождествляет *classis procincta* со всем полевым войском. Спрашивается: входили ли в этот классис юниоры 2–3-го разрядов или они оставались *infra classem*? С точки зрения Дж. Самнера, в V в. до н. э. классис состоял из 40 центурий тяжеловооруженной пехоты 1-го разряда, а 2–3-й разряды были добавлены в войско не ранее осады Вей в конце V в., когда произошла смена щитов *clipeus* на *scutum* (Sumner, 1970. P. 73–74; ср. Momigliano, 1963. P. 120).

Однако смена типов щитов никак не может служить подтверждением включения 2–3-го разрядов в войско (не в фалангу!) именно в 406 г., ибо воины этих разрядов изначально по реформе Сервия Туллия были вооружены таким щитом. Напротив, речь может идти о смене фаланговых щитов *clipeus* на *scutum* у воинов 1-го разряда.

Учтем также, что для фаланговой тактики боя и в Греции VI–V вв. до н. э., и в Риме применялся круглый щит (диаметром от 90 см до 1 м), продолговатый же щит *scutum* (в некоторых вариантах овальный) высотой от 1,2 до 1,5 м (здесь версии и археологические материалы различны) предназначался для индивидуального боя или для сражения в небольших отрядах (манипулах), где воины располагались по фронту более широко (до полутора метров) и не мешали друг другу в рукопашной схватке (Connolly, 1981. P. 131). Но именно это обстоятельство и не позволяет совместить клипеатов и skutатов в тесных боевых порядках фаланги. Добавим, что для задних рядов фаланги, создающих главным образом массу для натиска, не требовались не только поножи, но и *scutum*.

Логично предположить, что skutаты 2–3-го разрядов, и тем более легковооруженные из 4–5-го разрядов, будучи постепенно включены в войско (*exercitus*), составили в нем если не отдельные отряды, то во всяком случае отдельную боевую линию. Хотя они остались,

строго говоря, *infra classem*, т. е. вне фаланги из 40 центурий клипеатов, но уже не вне войска (*exercitus*), будучи — с образованием в первой половине V в. под давлением сословной борьбы плебеев новых четырех разрядов — включены в войсковую структуру (подробнее см. темы 4, 6). Если учесть, что многие сражения, как явствует из традиции, велись не в регулярных порядках, где задействовалась фаланга, а в мелких стычках, то основная тяжесть боевых действий должна была падать именно на воинов 2–3-го разрядов (преимущественно плебеев).

Для обозначения боевых порядков Ливий обычно употребляет сочетания: *acies instructa*, *acies processissent* (Liv. III. 2. 7–12; 60. 3–5; 68. 6; IV. 32. 10; 37. 8; V. 32. 3; 36. 7; 38. 1; 49. 2; VI. 7. 3; 23. 2–12; 24. 7; VII. 10. 9; 17. 5). Очевидно, что под «рядами» (*acies*) источники понимали собственно фалангу, которая располагалась в центре боевых порядков и прикрывалась с флангов конницей и более легкими формированиями, скорее всего skutатами. Поэтому упоминаемые в традиции в V в. до н. э. деления консульских или диктаторских войск на три части отражают классическое трехчленное построение фаланговых формирований, где каждый военачальник командовал центром или флангами.

Дионисий вообще расположенную в центре боевых порядков фалангу называет именно этим греческим термином (Dionys. IV. 22. 1; V. 14. 2; 22. 4; VI. 5. 4; 10–12; VIII. 18. 1; IX. 11. 3; XVI. 33; ср. App. Celt. III. 1). Более того, уже при описании смотра войск Сервием Туллием он говорит о построении всадников по отрядам (соответствующим римским турмам), пеших — в фаланге, а легковооруженных — по своим центуриям (лохам) (IV. 22. 1). Тем самым он отделяет фалангу тяжеловооруженного *classis* от центурий *infra classem*. Вегеций также называет боевым строем (*acies*) «выстроенное для сражения войско, чей фронт (заметим, сомкнутый! — В. Т.) обращен против врага» (Veget. III. 14). Кстати, когда мы говорим о фаланге, то перед нашим взором возникает образ знаменитой македонской фаланги глубиной в 16 рядов. На самом же деле даже в Греции в архаические времена фаланга — это всего лишь 4–6 шеренг воинов-общинников, главным элементом вооружения которых был круглый гоплитский щит *clipeus*.

Наличие в Риме ранней Республики фаланги еще Моммзенем не ставилось под сомнение. Считалось очевидным, что фаланга

пришла в Рим из Этрурии. Именно оттуда, по Диодору, заимствовали римляне «меднокруглые щиты и фаланговое построение» (Diod. XXIII. 2). По Вергилию (Aen. X. 16. 6), этрусски сражались копейщиками в фаланге, что, по признанию источников, было главной причиной их превосходства над римлянами, которые сумели одержать победу над этрусками лишь после того, как приняли у себя фалангу.

Но, например, А. М. Снодграсс и А. Момильяно признают на основании археологических данных принятие этрусками гоплитского вооружения в конце VII – начале VI в. до н. э. (Snodgrass, 1987. P. 116–121; Momigliano, 1963. P. 119). Однако они отрицают быстрое введение вслед за этим гоплитской тактики, не находя в Этрурии соответствующего класса свободных собственников-гоплитов. А именно эти полноправные и относительно равные по состоянию граждане полисов и стали условием введения и базой фалангового строя. В ответ можно провести аналогии с Аттикой, где в VI в. до н. э. политически преобладали родовые группы аристократии, в то время как остальное население в военном отношении группировалось в фаланге.

Схожая социально-политическая ситуация сложилась в Этрурии и в Риме к середине VI в. до н. э. (D'Agostino, 1990. P. 81–82). Там уже сформировался в экономическом плане достаточно обширный «средний слой» собственников (Kienast, 1975. P. 91–93), которые составили «средний класс» гоплитов созданной Сервием Туллием фаланги-классиса, причем аналогии с Грецией окончательно убеждают, что клиенты входили в центурии своих патронов-патрициев.

Когда же и от кого заимствовали римляне фалангу? Появление в Риме царского периода между 725 и 625 гг. до н. э. находок гоплитских доспехов этрусского типа доказывает, что уже ко времени правления Сервия Туллия римляне были хорошо знакомы с таким вооружением не менее полувека. Кроме того, сами этрусски испытали сильнейшее воздействие греческого вооружения и, соответственно, гоплитской тактики. В исследованиях последнего времени прямому греческому влиянию уделяется особое внимание. Так, Эмилио Перуцци выдвигает точку зрения о возможности непосредственного греческого влияния на Рим через Кампанию, начиная с VIII в. до н. э. (Peruzzi, 1973. Vol. VII. P. 77). Поэтому наиболее вероятно, что Рим испытал двойное мощное воздействие греческой фаланговой системы: через греческие

колонии напрямую и опосредованно через этрусков, с которыми Сервий Туллий вел длительные и успешные войны. Первоначально была заимствована структура войска из двух боевых линий. Первую линию занимали, как и в Этрурии, полноправные граждане, способные вооружить себя металлическими доспехами, а вторая была резервной и комплектовалась из неполноправных людей, носивших только шлем и овальный щит *scutum*, древнейшего италийского происхождения.

Особо отметим, что фаланга в Риме возникла как одна из форм войсковой организации. Она отличалась большей многовариантностью, в отличие от Греции, и не стала стержнем полисной структуры, не в последнюю очередь из-за борьбы плебса против своего неравноправного положения в ней (как и во всей центуриатной системе). Не исключено, что римское боевое построение долгое время сохраняло реликтовые черты догоплитской военной организации. Сохранение старой куриатной организации патрициев в Сервианской конституции привело к ее внутренней раздвоенности. Это отразилось в военной центуриатной структуре и послужило причиной консолидации общества с IV в. до н. э. уже на новой основе, а в военной сфере позволило также перейти к более прогрессивной манипулярной системе.

Характерно, что еще до времени Ромула римляне употребляли круглые щиты, называемые Плутархом «арголийскими». После же синонимизма с сабинской общиной, римляне стали применять *scutum*, вполне возможно, заимствованный именно у сабинян (Plut. Rom. 21; Dionys. II. 40. 1). С введением сервианской фаланги древний италийский *scutum* вновь заменяется круглым щитом — гоплитским *clipeus*, но только для личного состава фаланги. А с заменой центуриатной фаланги манипулярным строем в течение IV в. до н. э. *scutum* окончательно восстанавливается в вооружении как более соответствующий новой тактике. Не исключено, что усовершенствованный его вариант был действительно заимствован из Самния (Flor. II. 8. 6; Sall. Cat. 51. 37–38).

Мы не имеем определенных сведений относительно структуры римской фаланги и количества ее рядов. 40 центурий юниоров классиса наводят на мысль о первоначальных четырех рядах (см.: Fest. P. 71 L). По другим данным, можно предположить не менее шести рядов из 60 центурий (Dionys. IX. 10. 2), что соответствует реконструкции П. Фраккаро, по которой классис занимал четыре ряда, а 2–3-й разряды — по одному. Это вполне компенсировало

неравное число людей в центуриях разных разрядов. Обратим внимание на обозначение Дионисием первых трех разрядов как «сютнаксис» (сомкнутый боевой порядок), а последних двух — как «мойры» (часть, отдельный отряд).

Однако известно, что члены 2–3-го разрядов, первоначально стоявшие *infra classem*, оказались включенными в войско только после 1-й сецессии плебеев, а их вооружение щитами *scutum* не позволяет причислить их к фалангитам классиса. Они могли составить вторую линию боевых порядков (*acies*) единого войска (*exercitus*) и строиться отдельными отрядами. Представители низших разрядов, служившие легковооруженными, составляли вспомогательные части и были инкорпорированы в политическую систему цензовых разрядов, вероятно, в середине V в. до н. э.

Чрезвычайно мало сведений мы имеем о каком-либо тактическом делении центуриатного войска. Например, название *manipulus*, изредка встречающееся у Ливия, обозначает у него не строевые единицы, а скорее, резервные отряды. Аутентичное значение они приобретают у Ливия для времени после середины IV в. до н. э. с переходом армии к манипулярному строю. Остается дискуссионным также вопрос о центуриях. Сведения о них в источниках для V–IV вв. редки в отличие от упоминаний о центурионах. В фаланге центурии имели чисто структурное значение, сливаясь в «тысячи», из которых состояли ряды фаланги, и в когорты skutатов. Именно этим и можно объяснить редкость упоминаний о них в традиции.

Привычнее для Ливия слово “*cohors*”, что едва ли правомерно списывать на простой анахронизм. Построение римских союзников когортами было характерно и во времена манипулярной тактики. Как известно, они не возникли в ходе реформ Мария и даже не во Вторую Пуническую войну, а принадлежат к древнеиталийскому типу войсковой структуры. Численность когорт значительно варьируется, как и их количество. Они могли насчитывать по 400 чел., что сближает их с позднеримскими. Но Дионисий упоминает о когортах («спейра») в 600, 800 и даже в 1 тыс. человек (Dionys. VIII. 65. 2; IX. 63. 5; 71. 1; X. 43. 3; XI. 25. 2). Все это не позволяет видеть в них структурные подразделения фаланги.

Именно по когортам строились воины 2–3-го разрядов со щитами *scutum*. Не исключено, что их символами были вексиллы. Они представляли собой соединения ряда центурий под командованием

военного трибуна или примипила, либо временного командира из наиболее уважаемых воинов и в бою действовали как мини-фаланга, но в более разомкнутых рядах, нежели классис клипеатов, поэтому и не могли слиться с последним в единую боевую линию. Как правило, они примыкали к фаланге в качестве ударной массы для поддержки ее наступления. Кроме того, благодаря большей маневренности и индивидуальной значимости каждого воина они могли действовать самостоятельно вне боевой линии (*acies*) или выполнять отдельные задачи. Таким образом, можно проследить параллельное сосуществование в Риме VI–V вв. до н. э. двух типов боевого построения пешего войска: фаланги-классис из клипеатов 1-го разряда и когорт skutатов 2–3-го разрядов.

Тема 10 **От центуриатной фаланги** **к манипулярному легиону**

В свое время Т. Моммзен сокрушенно заметил: «Во время войны с Пирром (280 г. до н. э. — В. Т.) манипулярный легион уже является в полном развитии; но когда и при каких обстоятельствах совершилось это развитие и совершилось ли оно разом или мало-помалу, уже нет возможности решить» (Моммзен, 1936. С. 416). Да и современные историки предпочитают изучать изумительно совершенный классический римский легион времен Мария и Цезаря, снисходительно третируя долгий и тяжкий путь его становления. Попытаемся же восполнить этот досадный пробел.

Манипулярный легион

Согласно Полибию (Polyb. VI. 19. 7), основу структуры воинских сил Рима в III–II вв. до н. э. составляли 4 легиона по 4200 пехотинцев и 200 всадников в каждом (VI. 20. 8). Он отмечает характерное деление пехоты на 4 категории: велитов, гастатов, принципов (по 1200 человек в каждой) и триариев (600). Каждая категория состояла из 10 манипулов; правда, велиты отдельных отрядов никогда не создавали и придавались каждому манипулу и даже всадническим турмам (Veget. III. 16; 24). Характерные черты «Полибиева» войскового устройства

состоят в том, что различия между категориями воинов определялись исключительно возрастным принципом и опытом. Принцип этот сохранился до времен Вегеция (I, 20); вооружение же у всех них было в основном одинаковым: это шлем, панцирь, длинный щит *scutum*, меч *gladius* и два пилума; только триарии носили не пилумы, а гасты. Легковооруженные велиты кроме кожаных щлемов и нагрудников были вооружены только дротиками и пращами.

Гастой (*hasta*) называли применявшееся в раннем Риме копье длиной до двух метров с наконечником в виде трапеции или листа дерева. Обычно перед боем его метали в противника, но могли использовать его и в ближнем бою. С IV в. до н. э. гастами вооружались лишь триарии, остальные легионеры носили по два пилума. Это было уникальное римское метательное копье от 1,7 до 2 м длиной. Около половины его составлял наконечник из мягкого железа с маленьким острием. Древко соединялось с наконечником железным кольцом или раструбом. Пилумом редко наносили рану противнику, целили главным образом в его щит. При этом пилум вонзался так глубоко, что его невозможно было выдернуть, а согнувшийся железный наконечник лишал врага возможности обрубить его мечом; приходилось бросать щит и вступать в рукопашную с римскими воинами без защиты.

Итак, Полибий описывал войско, структуру которого принято называть манипулярной. Оно состояло из строго фиксированных автономных соединений — легионов. Они в свою очередь базировались на основных тактических единицах — манипулах, состав которых мог меняться, но число их в легионе оставалось неизменным (30), определяя его структурную композицию и боевую тактику. Очевидно, что войсковая структура практически никак не соотносится с общественно-политическими институтами II в. до н. э. А военная организация, формально сохраняя черты гражданского ополчения, уже реально отделилась от общественной структуры.

Данное обстоятельство породило, с одной стороны, кризис общинного милиционного комплектования военных сил (о котором уже упоминалось в прошлой теме), а с другой — снижение уровня военной тактики. Все это вызвало к жизни политические реформы братьев Гракхов, направленные на сохранение и расширение традиционного воинского контингента — свободного крестьянства (Апп. В. С. I. 11. 1) — и военную реформу Гая Мария (конец II в. до н. э.). Согласно

последней, армия становилась профессиональной и комплектовалась из всех слоев общества независимо от наличия главного имущества гражданина — земельного надела. Воины, а точнее уже солдаты, стали получать постоянную плату, служили в течение многих лет, рассчитывая по выходе в отставку на ветеранский надел земли. Но главное, легионы армии были разделены теперь на когорты, более крупные войсковые подразделения из трех манипулов, действовавших в сомкнутом строю как мини-фаланга.

Возвращаясь к Полибию, обнаруживаем, что греческий историк заметил и добросовестно отразил в своем сочинении ряд особенностей современного ему римского войска. Те из граждан, чей ценз превышал 10 тыс. драхм (100 тыс. ассов), прибавляли к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу (Polyb. VI. 23. 15). Но эта сумма считалась цензом 1-го разряда по реформе Сервия Туллия, следовательно, некоторые пережитки центуриатной системы оставались и в манипулярном войске.

В науке давно отмечена двойная структура манипула, который, таким образом, не мог быть первичной структурной единицей. По Варрону (Varro. LL. V. 88), формально таковыми были две составлявшие его центурии. Каждая центурия имела своего знаменосца, центуриона и опциона, которые обладали одинаковой властью, хотя на практике манипулом командовал центурион первой центурии.

Примечательно, что и Авл Геллий (Gell. XV. 4. 6) начинает описание вертикальной структуры легиона именно с центурий. Он замечает о том, что в легионе насчитывается центурий — 60, манипулов — 30, когорт — 10. Тем самым подчеркивается, что в войске любого времени центурии занимали определенное, освященное традицией, стабильное место и оставались его основной структурной единицей.

Чтобы прояснить этот вопрос, рассмотрим единственное полное описание войска, точнее, легиона, помещенное Ливием под 340 г. до н. э. в период 2-й Латинской войны (Liv. VIII. 8). Ливий начинает с того, что «прежде войска строились фалангой» наподобие македонской, но «впоследствии были образованы боевые линии из манипулов». Войско было разделено на множество отрядов — *ordines*. Каждый отряд насчитывал 60 воинов, двух центурионов (!) и одного знаменосца *vexillarius* (а не *signifer*, как обычно). Первую линию занимали 15 манипулов гастатов, причем по 20 чел. из каждого манипула были легковоруженными (*leves milites*), т. е. имели только два

копья — *hasta* и *gaesa*, а остальные носили длинные щиты (*scutati*). За ними следовали 15 манипулов принципов, все со щитами и тяжелым вооружением.

Эти 30 манипулов в целом Ливий называет *antepilani*, так как тотчас же вслед за их значками (*sub signis*) располагались другие 15 отрядов (*ordines*), которые в свою очередь были поделены на три части, состоящие уже не из манипулов, а из «знамен» — *vexillum*. Первую vexillum из отборных ветеранов Ливий называет триариями; вторую — рорариями. Она была составлена из людей менее сильных и более молодых. Третья — акцензы — наименее надежный отряд (неясно только, по возрасту или по храбрости). Они занимали последнюю линию (*acies*).

Далее Ливий описывает тактику этого войска: битву начинают гастаты, в случае неудачи они отходят назад через интервалы между отрядами. Поскольку Ливий применяет здесь слово “*ordo*”, а не «манипул», то логично видеть в них отдельные отряды, а не сплошные ряды, которые обозначаются *acies*. Последней надеждой легиона, как известно, были триарии, которые во время боя ожидали своей очереди «под vexillum», стоя на одном колене. Всего в набранном для войны с латинами в 340 г. до н. э. войске Ливий насчитывает четыре легиона по 5 тыс. пехоты (по Полибию, это полный легион) и 300 всадников в каждом, не говоря уже о союзниках.

Действительно, пять линий этого легиона можно было бы отнести с пятью разрядами Сервиевой конституции. Но следует учесть, что легковооруженные воины 4–5-го разрядов никогда не сражались в боевых рядах, а акцензы принадлежали к 5-му разряду и придавались центуриям первых имущественных классов. Ясно, что они едва ли могли занимать отдельный ряд, тем более даже не в комициях, а в боевых порядках.

Фест, как и Ливий и Варрон, ничего не сообщает о вооружении рорариев, подчеркивая только их способ сражения — до рукопашного боя в мелких стычках: «Адскриптициями назывались те, кто был приписан для пополнения легионов. Называли так и акцензов, потому что они сопровождали войско безоружными. А некоторые — велатов, так как они сопровождали войско безоружными. А иные — и ферентариев, ибо они выступали для сражения таким способом с пращами и камнями, которые метали во врагов. Другие — рорариев, потому что этот род людей, прежде чем боевые ряды

сомкнуться, сражался наподобие льющегося ливня» (Fest. P. 13 L; пер. мой. — В. Т.). По Варрону, рорарии «скорее просачиваются, чем обрушиваются» (Varro. LL. VII. 58). Не исключено, что он подразумевал «просачивание» рорариев через интервалы между манипулами из задних рядов перед атакой.

Едва ли оправдано отождествление их с еще одной трудноопределимой категорией — ферентариями. Если ферентарии мечут камни с какого-то расстояния, то рорарии ввязываются в рукопашные схватки явно рассыпным строем. Ливий передает, что они либо выбегали вперед между антепиланами, поддерживая часть гастатов, либо же быстро отходили за триариев (Liv. VIII. 9. 14). Последнее более характерно для фаланги, сквозь тесные ряды которой рорарии не могли отступать. Но действовали они как самостоятельный род войск, что в корне отличает их от велитов. Правда, по сведениям источников, велиты появились только в 218 г. до н. э.

Интересны сообщения Ливия и Фронтин. Так как римляне не могли равняться с кампанскими всадниками, то центурион Квинт Невий в войске консула Фульвия Флакка придумал следующее: он выбрал из всей армии наиболее сильных, легких и проворных юношей, снабдил их круглыми щитами меньшего размера, чем пармы конников, и по семи дротиков длиной в 4 фута с железными наконечниками. При нападении вражеской конницы велиты прыгивали внезапно с лошадей позади всадников и осыпали противника градом дротиков, обеспечивая победу римской коннице. Впоследствии было решено иметь таких легковооруженных велитов и в составе легионов (Frontin. IV. 7. 29; Liv. XXXVI. 4. 4–10; Val. Max. II. 3. 3; Veget. III. 24). Велиты входили в манипулы пехоты и сражались лишь против таких же легковооруженных воинов противника и были вооружены лишь дротиками и щитами, а на голове — кожаная шапка или волчья шкура.

Немалые затруднения вызывают приведенные Ливием термины. Вспомним, что словом “*ordo*” обычно обозначаются как «ряд», «шеренга», так и «отряд» и еще конкретнее «центурия», но никогда «манипул». Состав в 60 чел. характерен именно для центурии. Кстати, Полибий перечисляет соподчинение таких войсковых единиц, как: *ordo*, *manipulus*, *vexillum* (Liv. VI. 24. 5). Оно аналогично Геллию, у которого на первом месте стоит именно центурия, а на последнем, кстати, когорта, идентичная вексилле Полибия. Таким образом, 60 центурий гастатов и принципов образуют контингент в 3600 чел.

Как видим, при описании войска 340 г. до н. э. Ливий соединял разные этапы перехода от центуриатного войска к манипулярному. Строй триариев был явно сколком старого боевого порядка, еще сохранявшего военное значение, как в свое время всадники в рамках Сервианской конституции.

Вероятно, врага атаковали сомкнутым строем центурий, а не разомкнутыми манипулами. Характерна оговорка Ливия о том, что гастаты в первом ряду строились почти вплотную друг к другу (до 90 см). По смыслу ее можно отнести и к манипулам, и к гастатам в манипулах. Такое построение было характерно для фалангового строя. Первое понимание подтверждает реконструкцию манипулярной тактики английским исследователем П. Коннолли (Connolly, 1981. P. 128–131), которую можно принять без особых возражений.

Суть ее проста: перед боем в манипуле центурии *prior* и *posterior* строились одна в затылок другой, чтобы дать проход из тыла через интервалы велитам; затем, в начале сближения с противником линии гастатов, центурия *posterior* поворотом по команде «налево-направо» выдвигалась вперед в один ряд с первой центурией и закрывала интервал с соседним манипулом. Тем самым образовывался сплошной фронт; при провале атаки центурия *posterior* по команде центуриона совершала поворот «кругом и налево» и занимала позицию позади первой центурии, вновь открывая интервалы. И таким вот порядком весь манипул втягивался в тыл сквозь интервалы манипулов принципов, выстроенных аналогичным образом, после чего центурии принципов совершали тот же самый маневр.

Этот вариант реконструкции предполагает обеспечение полного управления частями легиона с помощью четких команд военачальника, трибунов и центурионов каждого манипула и путем несложных маневров. Не будем забывать и ту существенную роль в управлении войском и выполнении им команд, которую играли горнисты и трубачи (*cornicines et tubicines*), подавая соответствующие сигналы. Не случайно по реформе Сервия они выделены в отдельные цензовые центурии и приданы 5-му разряду (Liv. I. 43. 7).

Существование вексилл вполне объяснимо: они представляли собой переходное звено в формировании войска между центуриатным и манипулярным типами построения. Они могли объединять по три и более центурии и, таким образом, быть протяженнее по фронту, чем

чипулы, а сражались, скорее, в сомкнутом, но не в тесном строю. Это уже была структура более гибкая, чем нерасчлененная фаланга. Полагают, что окончательное утверждение манипулярного строя произошло во время 2-й и 3-й Самнитских войн (327–290 гг. н. э.) и под влиянием тактики самнитов и особенностей сражения сильно пересеченной гористой местности (Paribeni, 1954. P. 329; Пнел, 1970. P. 107). Подчеркнем: именно после изложения реформ пия Клавдия Цека 312 г. до н. э. Ливий повторяет характеристику манипулярного строя и его отличия от фалангового: «Македоня- были вооружены круглым щитом *clupeus* и сариссой; у римлян : продолговатый (*scutum*), лучше защищающий тело, и пилум, ету поражающий сильнее, чем копьё (*hasta*). Оба войска состояли тяжеловооруженных и соблюдали ряды, но если фаланга македо- неповоротлива и однородна, то римский боевой порядок подви- н, ибо составлен из многих частей и может при необходимости без да и разомкнуться, и снова сомкнуться» (Liv. IX. 19. 8).

С III в. до н. э. легионы превращаются в основные воинские со- инения, включающие разные рода войск. В бою легион обычно оился в три боевые линии (*acies triplex*) гастатов, принципов и ариев шириной фронта от 240 до 400 метров. Манипул с IV в. н. э. окончательно стал тактическим подразделением пехоты в ионе. Его боевым значком (*signum*) было изображение ладони, епленное на древке (отсюда и название: *manus* — «рука»).

Членение легиона на самостоятельные отряды-манипулы поло- ло начало внедрению манипулярной тактики. В бою центр или авый фланг римской армии занимали римские легионы, по бокам мешались вспомогательные войска, на флангах — римская конни- и конница союзников. Сражение начинали римские велиты или ковооруженные когорты союзников. Конница либо наносила пер- й удар с целью расстроить ряды противника, либо обходила врага с ангов вместе со вспомогательными частями. Гастаты одновременно гали в противника пилумы, а затем, обнажив мечи, устремлялись укопашную схватку. Их поддерживал второй натиск принципов.

Основным преимуществом манипулярного строя являлось ве- тие боя отдельными разомкнутыми манипулами, что увеличива- гибкость и маневренность боевых порядков. При разомкнутом строении каждый манипул действовал самостоятельно, не было аности нарушения всего строя, что было смертельно для фаланги.

Сближаясь с противником, манипулы могли смыкать строй, предвзительно пропустив в тыл сквозь свои интервалы велитов. Каждая боевая линия получала тактическое назначение, поддерживая или заменяя первую и наращивая удар из глубины боевых порядков.

Во II в. до н. э. римские полководцы научились применять обходной маневр и удар во фланг противника. Так, во время битвы при Заме (202 г. до н. э.) впервые было осуществлено эшелонирование боевого порядка. Иными словами, вторая линия (принципы) построилась поодаль от первой линии (гастатов) и выполнила самостоятельную боевую задачу: обошла фалангу карфагенян с флангов, что решило исход битвы. Сходный прием — удар во фланг противника третьей линией триариев — привел к оглушительным победам Рима при Киноскефалах (197 г. до н. э.) и Пидне (167 г. до н. э.) в войнах с Македонией.

В походе римский легион выстраивался в колонну из трех рядов: гастаты — справа, принципы — в центре, триарии — слева. Одна половина войск союзников двигалась впереди, другая — позади. Авангард и арьергард составляла конница. Таким образом армия была готова поворотом направо мгновенно развернуться к бою в регулярные боевые линии.

Емкую итоговую характеристику организации легиона, пронесенной римлянами через века, дал Вегетий Ренат: «Легион же, имея полное число своих когорт (10) в тяжелом вооружении, т. е. принципов, гастатов, триариев и передовые отборные отряды (антесигнанов), равно и отряды легковооруженной пехоты, т. е. метателей дротиков, стрелков, пращников, баллистариев, имея своих собственных, включенных в свой состав, легионарных всадников, держась одних и тех же предписаний, дружно и согласно укрепляя лагерь, выстраивая боевой строй и ведя сражение, будучи во всех отношениях целостным, не нуждаясь ни в какой внешней помощи, — такой легион обычно может победить какую угодно толпу врагов» (Veget. II, 1; пер. С. П. Кондратьева).

Виды и категории воинов

Еще Й. Марквардт высказывал мнение о делении фаланги — аналогично построению манипулярного войска — на гастатов, принципов и триариев, не объясняя, правда, их соотношения с ценовой основой комплектования (Marquardt, 1876. P. 317). Ф. Альтхайм огрешно проводил прямые аналогии структуры «центуриатной фа-

ланги» с греческой. Он называл воинов 1-го разряда — гоплитами, 2–3-го — пельтастами, а 4–5-го — гимнетами (Altheim, 1951. P. 90).

Любопытно, что даже столь поздний автор как Вегетий, описывая стандартное боевое построение, в первом ряду помещает принципов, во втором — гастатов, в третьем — триариев (Veget. I. 20). Ливий характеризует «правильное боевое построение» первой половины III в. до н. э. как составленное из трех линий — принципов, гастатов и триариев (Liv. Epit. XI. 5; XXII. 5. 7)). Вероятно, выдвигание гастатов на первую линию произошло к концу III в. до н. э.

Но оправданно и предположение, что само разделение воинов на гастатов и принципов произошло также в эпоху Пунических войн. Именно тогда они составили отдельные линии нового боевого порядка в три линии (*acies triplex*). В IV же веке из состава «манипулярной фаланги» выделяется категория наиболее молодых и неопытных воинов, вооруженных гастами (Plut. Cam. 40) (в то время как принципы перешли на пилумы). Занимая последние ряды манипулов или когорт, они поддерживали в рукопашной схватке принципов, которые лишались своих пилумов после метания их в противника (Flor. XIII. 18. 7; Frontin. II. 4. 2). С развитием манипулярного строя они могли выделиться в самостоятельную категорию и образовать отдельную боевую линию, сменив гасты на пилумы. Причем их место в «триплексе» до начала II в. до н. э. не было строго определено (окончательно это произошло уже в период Македонских войн).

В источниках встречаются упоминания для V в. до н. э. о триариях (в отличие от других категорий воинов), хотя и очень редко. Впервые они названы так Дионисием, употребившим латинский термин, под 508 г. до н. э. в качестве защитников лагеря, старых и опытных по многим войнам воинов, которые «использовались последними в самых решающих схватках, когда потеряна всякая надежда» (Dionys. V. 15. 4). Таким образом, не приходится сомневаться, что из гастатов, принципов и триариев именно последние существовали в центуриатном войске, но не как особая возрастная группа, а как резерв. И хотя они сражались в фаланговом строю, в состав действующей фаланги-классиса они не входили.

В традиции первое точное упоминание о категориях воинов встречается под 350 г. до н. э. Ливий передает, что перед битвой укрепления возводили триарии, а гастаты и принципы приняли бой (VII. 23. 7). Следует проследить изменение тактики войска в данном

описании Ливия. Оно атакует уже не сплошным строем, а клиньюми — *cuneus* (Liv. VII. 24. 7). Этот термин Тацит применял к отрядам германцев (Tac. Germ. 6–7). У Цезаря он сопоставляется с «фалангой» (Caes. B. G. I. 52), поэтому возможно, что в Риме Ливий с его помощью зафиксировал переходный этап от построения сплошной фалангой к манипулярному строю, а именно период формирования вексилл и тактику их ударов в наиболее уязвимые участки фронта противника.

Как можно совместить возрастное деление манипулярного войска с имущественным принципом комплектования воинских сил по Сервиевой реформе? Но учтем, что возрастное деление проходило на уровне юниоров (от 18 до 45 лет) и сениоров (от 46 до 60). При этом первые занимали место в строю в соответствии с имущественным разрядом, от которого зависело их вооружение, а не возрастом. Сениоры же могли привлекаться к гарнизонной службе; они охраняли стены и служили резервом, т. е. выступали в роли триариев (сениоры 1–3-го разрядов).

Возрастное деление манипулярного войска напоминает скорее принцип построения куриатного ополчения царской эпохи. Именно в нем равноправные куриатные отряды размещались рядом друг с другом по фронту. Внутри них единообразно вооруженные (ибо оружием их снабжали род и курия) воины строились по старшинству (подобно гастатам, принципам и отцам семейства — триариям, которых оберегали). Ведь в сражении большое значение придавалось личной силе и опытности, которые в центуриатной фаланге растворялись в сплоченности и сокрушительной мощи гоплитского войска как единого нерасчлененного целого. Менее состоятельные общинники, так называемые младшие члены родов, или клиенты, которые не могли себя полностью вооружить, в качестве легковооруженных занимали последние ряды куриатных отрядов, чтобы создать ударную массу.

В определенном смысле в манипулярном легионе с середины IV в. до н. э. на новой, трибутной основе возродились не только древние щиты типа *scutum* царского куриатного ополчения, но и некоторые черты куриатного строя, в первую очередь, принцип построения по возрастам и отдельными самостоятельными отрядами. Поэтому самнитская тактика представляла собой закономерный этап в развитии древнеиталийского строя, через который прошел и Рим со

времен Ромула, и была перенесена в него на уже подготовленную почву.

* * *

Итак, опираясь на анализ данных традиции, можно прийти к заключению, что Сервиева центуриатная реформа породила качественно новую организационную структуру войска. Его базой становятся центурии, прекрасно приспособленные к действию в монолитной фаланге-классисе. Они позволяли разделять ее, исходя из военных потребностей, на необходимое количество соединений, воспроизводящих фаланговую структуру. Это производилось с целью предоставления военачальникам потребных им контингентов, различающихся по численности и составу, для ведения войн на разных театрах боевых действий. Центуриатная фаланга, численность которой широко варьировалась, составляла в Риме ранней Республики (конец VI — середина IV в. до н. э.) основную ударную силу римского войска, что обеспечило на определенном этапе нарастание военной мощи и активную внешнюю политику римской *civitas*.

Эволюция центуриатного войска теснейшим образом была связана с социальным и политическим развитием Рима. В первой половине V в. до н. э. отряды воинов *infra classem* (2–3-го цензовых разрядов) были включены в боевые порядки и образовали в них вторую линию «скутатов», поддерживавшую фалангу или действовавшую самостоятельно. В войске, но вне боевых порядков, находились также отдельные отряды легковооруженных, обозначаемых по-разному: акцензы, ферентарии, рорарии — комплектуемые из плебейской бедноты 4–5-го разрядов.

С начала IV в. до н. э. постепенная консолидация патрицианско-плебейского общества в единый гражданский коллектив привела к повышению роли триб и падению значения центурий как войсковых единиц. Снижение роли ценза привело к унификации вооружения, что неизбежно влекло за собой изменение тактики, а следовательно, и боевого построения. Это развитие завершилось окончательной трансформацией манипулярного легиона в основное структурное соединение римской армии и принятием манипулярной тактики боевых действий отдельными самостоятельными маневренными отрядами. Однако все эти кардинальные изменения совершались на базе пронесенного через столетия центуриатного принципа формирования римского войска, заложенного еще реформой Сервия Туллия.

Гибкая система набора воинских сил, постоянное совершенствование тактики, создание уникального вида войскового соединения — легиона, как бы войска в миниатюре, — все это позволило римлянам поднять воинское искусство на недостижимую для античности высоту, укрепить дисциплину и слаженность действий войска в бою. Закономерным следствием развития военной организации стало распространение власти и могущества римлян на многие народы.

Тема 11

Военная организация Рима в сакрально-правовом аспекте

Подготовка к военным действиям занимала важнейшее место в жизни римлян с древнейших времен. Как известно, война была регулярным, обыденным занятием римлян в период разложения родоплеменного строя и генезиса государства. Ежегодно весной набиралось войско из полноправных общинников, которое выходило в поход с целью грабежа добычи у соседних общин и народов или защиты собственной территории. В период ранней Республики кроме этих причин войн постепенно на первый план выдвигается стремление к расширению земельных владений Рима (*ager publicus*) и установлению его гегемонии в Лации и Центральной Италии. Летняя кампания завершалась осенью, когда возвратившееся войско с надлежащими обрядами распускалось.

Огромную роль во всех связанных с войной действиях играло их сакрально-правовое оформление. Войско воплощало собой суверенитет и залог благополучия и безопасности общины, олицетворяло ее мощь как единого целого перед лицом враждебного мира. Следовательно, его функционирование и результаты деятельности обязаны были рассматриваться как справедливые и законные, что оправдывало неизбежную жестокость в глазах не только окружающих племен, но и богов, дарующих римлянам свое благорасположение. Поэтому с ранних этапов развития римской общины формировалось понятие «законной войны» (*bellum iustum*), т. е. такой, которая произошла с соблюдением всех необходимых правовых процедур (Barnes, 1986. P. 40–59; Sini, 1991. P. 189–199), а поскольку

грань между сакральным и публичным правом была еще слишком размыта, то не удивительно, что упомянутые процедуры объективно принимали форму сакральных ритуалов и обрядов. К ним относятся и порядок объявления войны, соблюдением которого ведала специальная коллегия фециалов (Sabatucci, 1988; Penella, 1987. P. 233–237; Майорова, 2001. С. 142–179), учрежденная еще Нумой Помпилием, и организация воинского набора, важнейшую роль в которой играло проведение люстрации (см.: Мельничук, 2002 б), и сакральные церемонии, связанные с пробуждением божественных сил и вверением им набранного войска, и многое другое.

На протяжении столетий складывалась система правовых взаимоотношений римской военной организации с гражданской общиной. С одной стороны, войско являлось как бы продолжением политической и социальной системы, а воинская служба как минимум до реформы Гая Мария в конце II в. до н. э. была правом-обязанностью всех полноправных граждан (см. Маяк, 1996; 1998 б). С другой — войско в качестве вооруженной силы противостояло гражданскому коллективу тем, что оно подчинялось не праву, а воинской дисциплине.

Еще Т. Моммзен высказывал мнение о коренном различии гражданского и военного права. Моммзен считал, что в гражданском праве действовал закон, а в военном — топор и фасции, т. е. единоличная и неограниченная власть военачальника (Моммзен, 1936. P. 246 и след.). Тем самым Моммзен, а вслед за ним и современные исследователи базировали римскую воинскую дисциплину преимущественно на страхе и принуждении.

Развитие военного права и эпоха архаики

Как правило, в историографии воинская дисциплина рассматривается как некая универсальная данность, не зависящая от уровня развития военной организации и отделенная от эволюции римской конституции. Поэтому нередко историки проводят параллели между взаимоотношениями воинов и командиров, войска и гражданской общины в период ранней Республики вплоть до реформ Гая Мария и высокой дисциплиной профессиональной армии поздней Республики. Но учтем, что в основе последней лежали четкие правовые нормы, а солдат рассматривался как своего рода объект права. Еще

Полибий описывает взаимоотношения солдат и командиров в римской армии первой половины II в. до н. э. как основанные на юридических принципах с достаточно четким определением обязанностей солдат и прерогатив начальников, а также с полной номенклатурой проступков и соответствующих им наказаний, порядок применения которых был практически идентичен гражданскому уголовному процессу с поправкой на военную специфику.

В период империи активно разрабатывал теорию военного права историк и правовед Луций Цинций, оставивший труд как минимум в шести книгах под названием *“De re militari”*. К сожалению, он не сохранился, и до нас дошли только многочисленные, но скудные цитаты у Геллия, Феста и Макробия. В законченном виде правовая система взаимосвязи государства и воина, командующего и солдата сложилась в эпоху империи в законах Траяна, Септимия Севера и была сведена воедино в 16-м титуле раздела XLIX «Дигест», известном также как *“De re militari”*. Однако истоки воинской дисциплины кроются в периоде архаики.

Например, в «Дигестах» зафиксировано, что «совершивший что-либо запрещенное полководцем или не выполнивший его распоряжение карается смертью даже в том случае, если его действие имело благоприятные последствия» (D. 49. 16. 3. 15). Но подобные санкции находят отражение еще в сообщениях письменной традиции о случаях казни в V–IV вв. до н. э. консулами даже своих сыновей за нарушение теми запрета покидать боевой строй и вступать в бой без приказа. В 432 г. до н. э. диктатор Авл Постумий приказал сечь розгами и обезглавить перед строем своего сына-победителя за то, что тот без приказа «оставил свое место, увлеченный случаем отличиться в сражении» (Liv. IV. 29). В 340 г. до н. э. аналогичный поступок совершил консул Тит Манлий Империз (Liv. VIII. 7). Он повелел обезглавить перед строем воинов своего сына за конный поединок с начальником тускуланских всадников Геминном Месцием, который был убит, а его доспехи брошены победителем к ногам отца-консула. Причем в обоих случаях речь шла о наказании командиров за успешные сражения, но совершенные без приказа высшего военачальника.

Бросается в глаза замечание Ливия, произнесенное Титом Манлием о том, что его сын, «не почитая ни *консульского империя*, ни *отчий власти*, вопреки запрету, без приказа, сразился с врагом и тем... по-

дорвал в войске послушание, на котором зиждилось донныне римское государство, а меня поставил перед выбором: забыть либо о государстве, либо о себе и своих близких, то пусть лучше мы будем наказаны за наш поступок (у Ливия: «проступок», *delictum*. — В. Т.), чем государство станет дорогой ценою искупать наши прегрешения...» (Liv. VIII. 7. 15–17). И далее Ливий вкладывает в уста консула Манлия характерную сентенцию о том, что надо было либо смертью сына «скрепить священную власть (империй) консула на войне, либо навсегда подорвать ее, оставив... безнаказанным». Кстати, «Манлиев правож» хоть и вызвал шок и проклятия среди воинов, но, по словам того же Ливия, «столь жестокая кара сделала войско более послушным вождю; везде тщательней стали справлять сторожевую и дозорную службу и менять часовых, а в решающей битве, когда сошлись лицом к лицу с неприятелем, суровость Манлия эта тоже оказалась на пользу» (Liv. VIII. 8). Таким образом, в этих пассажах обнаруживаются два аспекта, которые выходят за рамки собственно воинской дисциплины, но оказываются ее базой. Это демонстрация «отчей власти» и поддержание полновластия империя консула в качестве важнейшего инструмента регулирования воинской дисциплины.

Однако приведенные выше примеры казни полководцами своих сыновей-командиров свидетельствуют, на мой взгляд, не о жестокости дисциплины в войске ранней Республики, а, напротив, о ее правовой неразвитости (см.: Скрипилев, 1949. С. 178 и след.). Ведь, несмотря на суровую расправу Тита Манлия над сыном Марком вскоре другой глава конного отряда вновь сразился без разрешения. Речь идет о начальнике конницы Марке Фабии. По сообщению Ливия, в 325 г. до н. э., когда диктатор Луций Папирий Курсор отсутствовал в войске по случаю совершения государственных ауспиций, Фабий вступил в сражение с самнитами и блестяще выиграл его, захватив огромную добычу и множество трофеев (Liv. VIII. 30–35). И здесь в основу обвинения его диктатором легло не столько нарушение дисциплины как таковой, сколько посягательство на империй диктатора и волю богов, определявшую иерархию магистратов.

Данное положение четко сформулировано Ливием в обличительной речи Постумия (Liv. VIII. 32. 4–7): «Если я знал, что отправился в поход при *сомнительных ауспициях*, то надо ли было мне при неясности в знаменях подвергать опасности государство или мне

следовало повторить птицегадания, дабы ничего не делать, не уверясь в воле богов?.. А ты, поправ мою власть, при недостоверных гаданиях, при неясности в знамениях имел дерзость вопреки воинскому обычаю, завещанному нам от предков, вопреки воле богов сразиться с врагом!» Тем самым диктатор апеллирует к нарушению: а) своего империя; б) государственных священных ауспий; а следовательно, в) к оскорблению богов, воля которых определяла все действия военачальников и войск. Как видим, на первом месте в воинской дисциплине стоит, безусловно, империй, затем ауспии, и все это покоится на прочной сакральной основе *mores maiorum*. Иначе говоря, в архаическом правовом менталитете римлян воинская дисциплина оказывается в тесной связи с сакральными и конституционными основами *civitas*.

Это подтверждает и следующая сентенция диктатора Постумия в изложении Ливия: «Стоит раз нарушить воинскую дисциплину, как уже воин не подчиняется приказу центуриона, центурион — трибуну, трибун — легату, легат — консулу, начальник конницы — диктатору, как исчезает почтение к людям и почитание богов, как не повинуются ни указам вождя, ни наказам жреца; воины самовольно бродят и по замиренным, и по враждебным землям; забыв о присяге (*sacramentum*), по своему произволу, они оставляют службу, когда захотят; они покидают осиротелые знамена и не сбегаются, когда им велят; и не разбирают, днем ли они сражаются или ночью, в том ли месте или не в том, по приказу военачальника или без оногo, они не ждут знака, не соблюдают рядов, и на месте военной службы, освященной обычаем и присягой (*pro sollemni et sacrata militia*), оказывают подобие разбоя, слепого и беспорядочного» (Liv. VIII. 7–10).

Перед нами своего рода манифест римской воинской дисциплины, которая приобретает черты сакрального служения и наводит на мысль, что под дисциплиной римляне понимали не только воинское искусство как таковое и не столько распорядок действий воина в строю. Сущностью, сердцевиной воинской дисциплины в архаический период было определение и освящение взаимосвязи воина с обществом в целом, подчинение его правовым и сакральным институтам общины и, прежде всего, империи военачальника.

Военный империй и власть военачальника

Цицерон придает империи универсальную и космическую силу, сопоставляя его с высшим законом (*fas*) (Cic. Leg. III. 1. 2–3). Д. Козн

небезосновательно прослеживает связь империя с первобытной «мана», верой в то, что она наделяет человека сверхъестественной силой (Cohen, 1957. P. 307, 316 f.; Palmer, 1970. P. 210).

Исходя из этого римский империй (*imperium*, от *impero* — «повелевать») можно трактовать как магическую силу, которая передается от богов вождю, чтобы тот с ее помощью мог вести свой народ к благополучию, а войско — к победам (Meyer Ernst. 1948. S. 109; Mazzarino, 1945. P. 63 f.). В ней воплощалась мощь всей общины, ее процветание.

После свержения царей изменились форма и содержание полномочий магистратов (*potestas*), но не суть и качество империя. Лишь его действие ограничивалось одним годом (Cic. Resp. II. 31. 53; D. 1. 2. 16). Вторым по значению ограничением империя в эпоху республики стало право провокации по законам Валерия Попликолы 509 г. до н. э. и Валерия-Горация 449 г. до н. э. (D. 48. 6. 7; Ulp. De off. procons. VIII. 2202). Но действовало оно только в черте города. Отсюда столь страстное стремление консулов и сената поскорее вывести войска из города. Заметим, что диктаторы были свободны от подчинения провокации даже в самом Риме (Liv. II. 18. 8; Zonar. VII. 13; D. 1. 2. 18). В отличие от консулов диктаторы в традиции никогда не подвергаются после сложения империя судебным преследованиям за плохое командование, что подчеркивает сакральный характер их власти.

Империй считался достоянием всех граждан и лишь на время переходил к магистрату. Единый и неделимый империй, как известно, вручался особым куриатным законом об империи (*lex curiata de imperio*) только царям и высшим магистратам — консулам и диктаторам, а также консулярным трибунам, иначе говоря, — военачальникам (Cic. Leg. III. 3. 6–9; см. подробнее: Сморгчов, 2003. С. 24–39). Причем, если властью (*potestas*) консулы обладали равной, то высший империй (*imperium summum*) в каждый данный момент находился в руках лишь одного из консулов. Цицерон резюмировал сферу действия империя: «Носители империя, носители власти (*potestas*) и легаты — после постановления сената и повеления народа — да покидают Город, справедливо ведут справедливые войны, оберегают союзников, будут воздержаны сами и сдерживают своих; да возвеличивают они славу народа и возвращаются домой с честью. Все магистраты да обладают правом ауспий и судебной властью и да составляют они сенат» (Cic. Leg. III. 3. 9).

Военный империй включал следующие права: производить набор войск, назначать военных командиров, вести войну, заключать перемирие, распределять добычу, получать триумф, а также совершать военные ауспиции (*ius auspicandi*) (подробнее см.: Токмаков, 1997. С. 47–48; 2000. С. 139 и след.). И это, пожалуй, считалось главным. Ведь формально военное командование осуществлялось волей божеств, а консул выступал лишь посредником и реализатором этой воли.

Ауспиции состояли в наблюдении за полетом птиц и гаданиям по внутренностям животных. При этом следовало тщательно соблюдать раз и навсегда установившийся ритуал, даже если он со временем становился непонятым самим исполнителям. Могли забыться сокровенное значение обрядов, смысл вербальных формул, имена неперсонифицированных или хтонических божеств, но традиция обязана была соблюдаться, ибо любое отступление от нее влекло опасность недовольства или гнева со стороны пропущенных богов.

Сами ауспиции в сакрально-правовых воззрениях римлян являлись публичными актами передачи воли богов через наделенного соответствующим откровением носителя империя (Сморчков, 2003. С. 24–26). В какой-то мере они освобождали магистрата от ответственности за исход мероприятия, но в то же время повышали требования к его компетентности в вопросах истолкования знамений. Поэтому нередки были случаи, когда огрешно проведенные ауспиции грозили переизбранием консулов или влияли на ход военной кампании (как у того же Постумия). А такой компетенцией, по мнению римлян, вплоть до IV в. до н. э. обладали только члены исконной, сакральной куриатной организации, т. е. патриции.

Часть прав консул уступал своим подчиненным, но только с соблюдением всех сакральных процедур, которые в архаический период выступали как разновидность правовых актов. Следовательно, нарушение приказа, по воззрениям римлян, рассматривалось не просто как правонарушение, но как посягательство на священный империй консула и на божественные ауспиции, иными словами, на толкование воли богов, которая проявлялась в сакральных знамениях.

Итак, проведение даже успешного сражения командиром, который не имел права ауспиций, без совершения ауспиций, при неблагоприятных ауспициях или вопреки основанному на высших ауспициях приказу лица, наделенного империем, означало в сакрально-правовой традиции римлян неповиновение верховным предводителям воин-

ских сил — богам. Становится понятным, что для представителя божественных сил в войске, т. е. для военачальника *cum imperio*, было необходимо как можно скорее искупить совершенное святотатство, не дожидаясь божьей кары. А результат святотатства, возможно, выгодный для римлян, или родственные чувства роли уже не играли.

С развитием публичного права эта сакрально-правовая архаическая норма модифицировалась в чисто юридическую. Причем о сакральных аспектах нарушения уже не упоминается. Заметим, что этот сугубо римский принцип (в Греции мы не находим подобного) лег в основу военного права и воинских регламентов в Европе на две тысячи лет вперед.

Империй наделял его носителя высшей силой и властью над жизнью и смертью подчиненных (право *coercio et iudicatio*) (Cic. Leg. III. 3. 6; D. 1. 2. 18). Свое внешнее выражение это право находило в ликторских фасциях с топориками. В своем универсальном виде его можно обнаружить в тех же «Дигестах». В них сказано, что «тот, кто покинул передовой пост (*exploratione emanet*) или оставил ров перед лицом наступающего врага (т. е. в боевой обстановке), должен быть подвергнут смертной казни» (D. 49. 16. 3. 4); а в другом месте аналогичное прегрешение трактуется уже более мягко: «Покинувший строй подвергается или наказанию палками, или переводу в другую часть, смотря по обстоятельствам» (Ibid. 3. 16). Но и за два столетия до составления «Дигест» Ливий также формулирует в виде правовой нормы, вполне вероятно, уже реально существовавшей в архаическую эпоху, что «избиения палками до смерти (!) заслуживает тот, кто бежит с поля битвы или покидает пост» (Liv. V. 6. 4).

Полибий описывает процедуру такого наказания для II в. до н. э. Виновных в снe на посту при охране лагеря подвергали наказанию палками по решению совета трибунов легиона. Любопытно, что при расследовании соблюдается своего рода судебная процедура: свои показания дают и обвиняемые стражники, и центурион проверяющего дозора, который призывает в свидетели своих спутников (Polyb. VI. 36. 8–9). Решение, как видим, выносится коллегиально советом трибунов, а не единолично полководцем, как в ранней Республике. Наказание, сообщает Полибий (VI. 37. 2–4), проводится так: трибун берет палку и как бы только касается ею осужденного, а вслед за этим все легионеры бьют его палками и камнями (чем-то «до боли» напоминает наказание шпицрутенами в российской

армии XIX в.). Если кто-либо из наказанных остается в живых, то он лишается огня и воды; ему запрещено возвращение домой, а родственникам — принимать его к себе в дом. Иными словами, санкции идентичны гражданскому судебному приговору. Система поддержания дисциплины в описании Полибия строится на персональной ответственности начальника каждого ранга за проступки подчиненных (VI. 37. 5–6).

Одним из крайних проявлений права наказания воинов стали децимации, или казни каждого десятого воина по жребию в случае позорного бегства воинов с поля боя. Полибий говорит о беспощадном наказании палками тех, на кого выпал жребий, и о штрафных санкциях против остальных в виде замены в рациионе питания пшеницы на ячмень и выносе их палаток за вал лагеря (Polyb. VI. 38. 2–4). Но децимация восходит еще к эпохе ранней Республики. Первую из них, по данным традиции, произвел в 471 г. до н. э. консул Аппий Клавдий (Liv. II. 59; Dionys. IX. 50). Причем Фронтин (Frontin. IV. 1. 33) уточняет, что Клавдий лично убил каждого десятого дубиной. Следовательно, децимации архаической эпохи предстают скорее расправой необузданных вождей по древним обычаям, нежели правовым актом. Так же в начале IV в. до н. э. Марк Фурий Камилл казнил воинов, бежавших из-под стен города Вейи (Liv. V. 19. 4).

Децимация, несомненно, имела истоком уже упомянутые сакральные нормы и табу: таким своего рода жертвоприношением воинов, оскверненных нарушением воли богов, стремились искупить позор поражения и восстановить силу войска. Поэтому проводить такую децимацию изначально мог только полководец, наделенный империем. Лишь со временем этот произвол был оформлен в публичном праве как право вызова провинившегося (*ius prensionis*) и право ареста (*ius vocationis*). В этом отличие архаической сакральной децимации от светской правовой процедуры наказания времен Полибия, которой руководит военный трибун, совмещающий функции судьи и экзекутора. Замечу, что суровость и исключительность наказаний в период ранней Республики (что и вызвало фиксацию их в анналах истории) свидетельствует скорее о слабости в то время собственно воинской дисциплины и о том, что процесс юридического оформления принципов взаимоотношений воинов и военачальника как субъектов или сторон права еще только начинался вместе с генезис-

сом римской *civitas*, в период, когда понятия «воин» и «гражданин» практически совпадали.

Отмеченное выше столь полное и безусловное подчинение воинов власти военачальника в раннем Риме имело своим истоком то, что, с юридической точки зрения, воин в полевой армии как бы отчуждался от гражданских прав, переставал быть членом общины и полностью подпадал под власть патрона-командующего. В качестве члена общины гражданин находился под защитой законов, народного собрания, полноправным участником которого он был, а также под покровительством обычного права и сакральных культов. Свидетельством тому служит упомянутое право провокации. Но, отправляясь в поход, римляне пересекали границу Рима, и это знаменовало их превращение из законопослушных и благочестивых граждан, которыми они предполагались внутри померия, в исполненных злобы грабителей, насильников и убийц. И в этом смысле воины как бы табуировались, а гражданская община отстранялась от действий своих членов, запятнанных кровью, четко противопоставляя себя военной организации. А связующим звеном между ними оставался только магистрат, наделенный империем.

Ограничение гражданских прав подтверждается закрытием на время военной кампании судов, отсутствием в войске собраний, права провокации (Cic. Leg. III. 6; Liv. III. 20. 7) и случаями перехода на сторону противника воинов, высланных в дальние гарнизоны, которые уже переставали ассоциировать себя с римской общиной. Добавим сюда и регулярные сравнения в источниках воинской службы с рабством (Liv. II. 23. 2; IV. 5. 2; V. 2. 4–12). Не потому ли в первые два века республики в войсках так часто вспыхивали бунты и восстания (см. тему 7, п. 3)?

Все это было характерно для периода формирования римского патрицианско-плебейского государства, когда мы не находим в сообщениях источников ни полной покорности, ни высокой воинской дисциплины как осознанного и опосредованного юридическими нормами поведения воинов и командиров (см. тему 12).

Ритуалы подготовки к войне в раннем Риме

Несомненно, переход граждан-общинников в состояние воинов-«неграждан», тем более происходящий ежегодно, не мог обходиться без сакрального очищения (люстрации). Само слово происходит от глагола *luo* («очищать, освобождать, искуплять»). Иными словами,

она представляла собой очищение воинов от скверны кровопролития и одновременно искупала нарушение «божеского мира» (см. также: Мельничук, 2002. С. 73–87). Со времени Сервия Туллия люстрации с принесением в жертву кабана, барана и быка (Liv. I. 44. 2; Dionys. IV. 22. 1–2) и совершением ауспий проводились после каждого ценза и ежегодно после смотра набранных войск на Марсовом поле перед их выходом в поход.

В комплекс обрядов военизированной люстрации входили также многочисленные религиозные праздники, идущие из глубины веков и связанные с куриатно-родовым строем. Начинались они с конского ристания 28 февраля, посвященного Марсу Градиву — Эквирии. Сам Марс на колеснице возглавляет эти скачки (Ovid. Fast. II. 860–861), что свидетельствует о глубокой древности ритуала обожествления коня и всадника (Маяк, 1983. С. 116; Штаерман, 1978. С. 58). Остальные празднества, открывающие март — месяц подготовки к военной кампании, — также связаны в основном с Марсом и одной из древнейших жреческих коллегий — салиев (подробнее см.: Токмаков, 1997 а; 2001).

Салии называются в источниках хранителями и стражами священного щита Марса Градива, который, по преданию, упал с неба в правление Нумы Помпилия (конец VIII в. до н. э.). В ознаменование чуда по приказу царя легендарный кузнец Ветурий Мамурий выковал еще 11 щитов, идентичных упавшему с неба формой и всем внешним видом, чтобы спрятать среди них настоящий и тем самым уберечь его от опасности похищения. Щиты округло изогнутой формы (вроде цифры 8) назывались анцилиями. За это Ветурия Мамурия салии чествовали в своих песнях (Dionys. II. 70. Plut. Numa. 13. 11; Ovid. Fast. III. 389–392). Среди объектов культа салиев можно встретить и Януса, и Юпитера, и Минерву, а также Ларов, Пенатов и целый ряд хтонических божеств, впоследствии заглохших и ставших архаическими и непонятными даже самим античным авторам.

Сакральные ритуалы салиев состояли из торжественных шествий членов этой коллегии через весь город. Первое шествие отмечается в источниках 1 марта, через день после Эквирий. По данным Иоанна Лида (Ioan. Lyd. Mens. IV. 49), 15 марта вновь происходило шествие и пляски салиев. Совершали эти пляски салии с оружием, которое состояло из медного нагрудника поверх вышитой пурпуром туники, медного пояса на бедрах, медного же шлема, меча и копья в правой

руке (Plut. Numa. 13; Dionys. II. 70. 2; Liv. I. 20. 4). По другим сведениям, это был жезл или палка, подобная копью, с набалдашниками на обоих концах. Во время шествий салии ударяли ею по священным щитам анцилиям, которые были важнейшим атрибутом их ритуалов. Тем самым они наглядно демонстрировали сохранность щитов, готовность общины возобновить договор с Марсом и побудить его возглавить преданное войско. Да и сами пляски салиев относятся к ритуалам пробуждения связанных с войной божественных сил. С той же целью привлечения внимания божеств перед салиями выступали «священные трубачи» (*tubicines sacrorum*).

Салии отправляли ритуалы в течение всего марта (Polyb. XXI. 13. 12). Так, во время празднеств 9, 14 (Мамуралии) и 17 марта (Агоналии) салии с оружием и в сопровождении хора спускались процессией с плясками и песнями с Палатина на Форум, а затем обходили Рим по периметру древнейшего померия. Причем это было не просто шествие. Сервий сообщает, что они обходили алтари (Serv. Ad Aen. VIII. 285). Одним из них можно считать алтарь Геркулеса *Ara Maxima* около Форума, другим — алтарь Януса. Несомненно, были и алтари других древнейших родоплеменных богов, которые знаменовали сакральные границы города времен Септимонтия. Такой обход представлял собой разновидность магического круга. На пути следования салиев устраивались роскошные пиры, обильность которых со временем вошла у римлян в поговорку.

19 марта салии участвовали в празднике *Quinquatrus* (Fest. P. 305 L; Ovid. III. 809–847), посвященном Минерве. Во время этого праздника на Комиции в присутствии Великого понтифика и трибуна целеров салии совершали свои ритуальные прыжки (как явствует из «Фаст»). Тогда же производилось сакральное очищение оружия, но, возможно, только анцилий. 23 марта салии были главными действующими лицами в завершающем март сакральном обряде «очищения труб» (*Tubilustrum*) (Varro. LL. VI. 14; Fest. P. 480 L; Ovid. Fast. III. 849–850), который знаменовал окончательную подготовку римской общины к войне, а ее набранного к тому времени войска к выступлению в поход. Зафиксировано также присутствие салиев (и непременно с анцилиями) во время обязательной люстрации войска. Есть также косвенные данные, что салии принимали участие в церемониях и культах и по истечении мартовского срока, в частности, в обряде Регифугий 24 февраля и в культах Арвальских братьев.

Во время военного смотра на Марсовом поле воины по центуриям возносили торжественные клятвы и обеты богам. Адресатом этих клятв выступают опять-таки Марс Градив (Liv. II. 45. 14), покровительница молодежи призывного возраста Юнона Сорория (Liv. I. 20. 4) и Юпитер Феретрий (Fest. P. 204 L), а также Янус как бог римских рубежей и покровитель их защитников. Судя по всему, именно Марс символизировал военный империй военачальника. Недаром перед отправкой в поход царь (а затем консул) входил в Регию, где хранились священное копьё Марса (Cic. De div. I. 17; Plut. Rom. 29. 1; Clem. Alex. Protr. IV. 4. P. 35, 23 st.) и щиты-анцилии, и приводил их в движение со словами: «Марс, бди!» (Serv. Ad Aen. VIII. 3). (Кстати, самопроизвольное колебание копья Марса считалось предзнаменованием войны или стихийных бедствий – Liv. XXII. 1. 11; XL. 19. 2.) Сами обряды люстрации с вынесением квесторами из Регии щитов-анцилий и священных знамен вексилл знаменовали выход Марса в поход вместе с войском. Это повышало значение обрядовой стороны этих процедур и требования к лицу, ответственному за их правильность.

Верховными руководителями войска выступают Юпитер и Марс (Liv. II. 45. 14). Еще Ромул (который сам считался сыном Марса и был обожествлен под именем «мирного Марса» – Квирина, см.: Serv. Ad Aen. III. 35; VI. 895), по преданию, учредил на Капитолии на месте древнейшего убежища святилище Юпитеру Феретрию («Несущему победу») (Liv. I. 10. 6–7). Однако выдвижение Юпитера на первый план происходит все же в поздний царский период, в правление так называемой «этрусской» династии, когда на Капитолии при Тарквинии Гордом Юпитеру, Юноне и Минерве сооружается храм (Liv. I. 53. 3; Dionys. IV. 43. 2).

Изначальным покровителем воинов и символом могущества общины выступал именно Марс, особенно в ипостаси Марса Градива («Шествующего [в бой]»). Сперва это был бог всего живого, производительных сил природы с ярко выраженным мужским, творящим началом, что объясняет поклонение ему в земледельческом культе архаической коллегии Арвальских братьев (Штаерман, 1987. С. 65–67). Со времени республики Марс выступал в роли покровителя воинов, хранителя границ общины и символа ее военного могущества (Сморчков, 2001. С. 232 и след.; Sini, 1991. P. 215).

Характерно, что и заканчивался ежегодный круг военных ритуалов в октябре по завершении кампании принесением в жертву Марсу головы коня после конских игр (*October equus*) (Ovid. Fast. IV. 231–234; Fest. P. 190 L). Обратное превращение отданных под власть богов и консульского империя воинов также обставлялось религиозными церемониями. Они были воплощены в обряде очищения оружия — *Armilustrum* (19 октября) (Varro. LL. VI. 22; V. 153; Fest. P. 17L; Ioan. Lyd. Mens. IV. 34). В тот день возвращавшиеся в город оскверненные пролитой кровью воины проходили мимо алтаря Януса и под «Сестриным брусом», где очишались от скверны убийства и вновь возвращались в лоно мирного гражданства.

Согласно легенде, в правление Тулла Гостилия и войны с Альба Лонгой победивший в поединке Гораций по возвращении в Рим заколот мечом свою сестру, помолвленную с одним из Куриациев и посмевшую выразить свою скорбь. Во искупление вины Горация при входе в Рим и был установлен «Сестрин брус» (*Sorum tigillum*). Р. Палмер справедливо связывает этот обычай с периодом господства еще куриатного строя (Palmer, 1970. P. 137, 185). Алтарь Януса Куриация помещался недалеко от святилища Юноны Сорории (Dionys. III. 22. 5). Очень рано его культ был объединен с культом Квирина (*Ianus Quirinus* — Serv. Ad Aen. VII. 610). В гимне салиев Янус именуется «богом богов» и «добрым создателем» (Macrobius. Sat. I. 9. 14–18). Характерно включение Януса в формулу объявления войны фециалами наряду с Юпитером (Liv. I. 32. 6–7; 10).

* * *

Итак, в Риме сложился целый комплекс ритуалов, обрядов и религиозных табу, связанный с приготовлениями общины к ежегодным военным действиям и уходящий корнями в глубины первобытности и родоплеменного строя. Вся жизнь римлянина была пронизана сакральными нормами, даже тогда, когда божественное право (*fas*) стало вытесняться из общественно-политической практики правом человеческим (*ius*). Римляне относились к своей военной организации с безмерным трепетом и пиететом, рассматривая ее не только как залог могущества и процветания *civitas*, но и как божественное установление, находящееся под пристальным покровительством богов и их непосредственным руководством. Поэтому всё, связанное с устройством, функционированием и управлением воинскими

силами, приобретало яркую религиозную окраску, а люди выступали не столько творцами побед, сколько исполнителями высшей воли богов. Отсюда такое повышенное внимание к ритуальной стороне подготовки войска, его организации, поддержания дисциплины и ведения военной кампании.

Тема 12

Воинская дисциплина и политическая роль войска

В архаическом Риме воины подчинялись военачальникам не как магистратам и даже не как командующим, а именно как лицам, наделенным империем, т. е. правом осуществлять волю богов. Иными словами в архаический период дисциплина базировалась на религиозной, а не на правовой почве, на вере в покровительство богов и в определенном смысле в их командование войском. Но при этом надо учесть и то, что сами взаимоотношения с богами у римлян приобретали характер правовых актов, которые регулировались строгими процедурами, прежде всего ауспигиями. Именно они с развитием государственных структур и изменением характера войска постепенно теряли сакральную основу и превращались в нормы публичного права.

В то же время подчинение воинов магистрату-полководцу означало в сущности продолжение их подчинения правовым нормам общины. И это также способствовало поддержанию воинской дисциплины. На практике обязательства воинов перед общиной и магистратом проявлялись в институте присяги. Именно она в период формирования римской *civitas* определяла основные принципы и методы поддержания дисциплины в воинских силах и осуществляла духовную (а в примитивных обществах прежде всего религиозную) связь вооруженного индивида и гражданского коллектива, превращая в правовые нормы как ответственность воина, так и его права.

Воинская присяга и проблема взаимосвязи воинов и гражданской общины

Ливий передает, что в 216 г. до н. э. «военные трибуны привели воинов к присяге (*ius iurandum*), чего раньше никогда не бывало

Ведь до того времени, пишет Ливий, воины давали лишь клятву (*sacramentum*), что по приказу консула соберутся и без приказа не разойдутся. А потом в собравшемся уже войске они — всадники по декуриям, пехотинцы по центуриям — добровольно клялись друг перед другом в том, что страх не заставит их ни уйти, ни бежать, что они не покинут строй, разве только для того, чтобы взять оружие, чтобы поразить врага или спасти гражданина. Этот договор (*foedus*), которым они сами себя добровольно связывали, и превратился в законенную (*sic!*) присягу (*ius iurandum*), которую давали перед трибунами» (Liv. II. 38. 2). Аналогичную формулу приводит Фронтин, добавляя, что в ходе Второй Пунической войны «воины впервые обязались клятвой» (IV. 1. 4).

Заметим четкое различие между официальной присягой (*ius iurandum*) и клятвами воинов (*sacramentum*). И первая, и вторые были обетами повиновения полководцу. Но первая была связана с публично-правовыми нормами (*ius*) и регулировала взаимные обязательства солдат и государства, почему и приносилась трибунам как государственным служащим (Gell. XVI. 4. 2), а вторая (*sacramentum*) — более ранняя по времени возникновения, апеллировала к сакральным нормам и обрекала воинов на подчинение приказам лично военачальника. Оправданно предположить, что она была генетически связана с *leges sacratae*, принятыми после сецессии плебеев в 494 г. до н. э. Согласно Ливию, после сложения полномочий диктатором Манием Велерием сенат во избежание беспорядков со стороны плебеев в случае роспуска войска повелел вновь вывести его из города. Правовым предлогом послужило то, что войско диктатора приносило присягу еще ранее, во время выборов консулов, и по закону продолжает считаться связанным присягой. В ответ воины-плебеи даже намеревались убить консулов (!). Но они узнали, по словам Ливия, что «никакое преступление не освобождает от святости обязательства, а потому удалились на Священную гору» (Liv. II. 32. 2).

Традиция свидетельствует, что в основе присяги лежал закон, который имел силу на время действия империя магистрата. По данным Дионисия Галикарнасского, «военную присягу римляне соблюдают наиболее сурово из всех клятв, и она заставляла воинов следовать за своим военачальником, куда бы он ни повел, но также был закон, который давал право командующим приговаривать к смерти без суда тех, кто не подчиняется, либо оставляет свои знамена» (Dionys. XI. 43. 2).

Таким образом, древнейшая сакральная присяга (*sacramentum*) представляла собой торжественный обет повиновения воинскому империи. Она связывала войско и его командира незримыми нитями божественной воли, страха перед карой со стороны богов, которая отражалась в ауспигиях. Эта присяга налагала на войско ответственность за поддержание достоинства *civitas* и увеличение ее мощи. Тем самым она обеспечивала на ранних стадиях соблюдение воинской дисциплины и повиновение войска из «не-граждан» единой воле и интересам общины.

С формированием в ранней Республике государства и его политико-правовых институтов эта сакральная ипостась присяги была дополнена правовыми формулами, которые устанавливали юридическую связь воина с государством. Уклонение от военной службы или нарушение воинской дисциплины начинает постепенно рассматриваться как нарушение не только высших законов (*fas*), но и вполне земных гражданских установлений (*ius*). Это была уже в определенном смысле измена общине (*perduellio*). В законченном виде этот смысл отразил юрист Аррий Менандер (D. 49. 16. 4. 10. Men. 1. De re mil.): «Более тяжким преступлением является уклонение от воинской повинности, чем домогательство ее: ведь, в древности уклонявшиеся от призыва (в ополчение) отдавались в рабство, как предатели свободы. Но теперь с изменением состава армии отказались от применения смертной казни, потому что ряды армии большею частью пополняются добровольцами».

Поэтому нарушение присяги каралось не только в силу империя магистрата, но и государственными мерами принуждения: штрафами, телесными наказаниями, заключением в тюрьму (Liv. III. 27. 4–5; 63. 6–7; IV. 26. 11; VII. 4. 2; VIII. 20. 3; Dionys. IX. 87. 5; XI. 3, 4). Отсюда проистекает отмеченное традицией стремление консулов поскорее приводить народ к присяге, чтобы избежать социальных волнений. Так, Ливий неоднократно воспроизводит ситуацию в V–III вв. до н. э., когда тот или иной консул штрафами и угрозами наказаний приводит военнообязанных граждан к присяге (Liv. IV. 43. 7; 53. 4–8; VI. 38. 8). Ливий передает сетования плебеев на то, что сенаторы «повсюду, уже без разбора, ищут войн: гоняют легионы от Анция к Сатрику, от Сатрика к Велитрам, оттуда в Тускул. Уже латинам, герникам, пренестинцам грозят войной из ненависти скорей к гражданам, чем к врагам; лишь бы держать плебеев в войске, не дать им передохнуть в Городе».

не дать им на досуге вспомнить о свободе, побывать на сходках, где они могли бы иногда слышать голос трибунов, стремящихся облегчить долги и покончить с прочими несправедливостями» (VI. 27. 7).

При этом Ливий замечает, что римляне неистовствовали при наборе, но в военном походе покорялись вождям (Liv. II. 44. 10). Причина в том, что, принимая присягу, воины, как я уже сказал, утрачивали гарантии свободного гражданина и как бы обрекали себя головой (*capite*) милости богов. Наказание же за нарушение присяги исходило не от юридического лица, как в поздней Республике, а от богов.

Войско как субъект политической борьбы и жизнедеятельности в раннем Риме

Духовной и идейной основой римской общины еще со времен царской эпохи были понятия *pietas* (благочестие), *fides* (добросовестность) и *virtus* (доблесть). Идущие из глубин родоплеменного строя и оформленные в эпоху господства патрицианской куриатной общины, эти понятия были сохранены в ранней Республике (подробнее см.: Маяк, 1996). Тогда носителями исконных римских добродетелей заявляли себя исключительно патриции в антагонизме с плебеями, которые хоть и не устаивались подобных характеристик от поздних римских историков, но на деле не посягали на эти основы и лишь стремились причислить к ним себя. В итоге длительной «борьбы сословий» понятия *pietas*, *fides* и, прежде всего, *virtus*, как бы обнимавшее все перечисленные и многие другие аспекты менталитета римлян, были восприняты в качестве базовых установок общественного и политического поведения новым правящим слоем — нобилитетом — после завершения в IV–III вв. до н. э. складывания патрицианско-плебейского государства.

Формирование полноценного гражданина, т. е. добродетельного и разделяющего все традиционные ценности общины и государства, почиталось римлянами ранней Республики как важнейшее общественное дело, ибо в этом справедливо усматривали залог единства общества (несмотря на внутренние распри), его процветания и могущества. Поэтому общество ревностно следило не только за воспитанием молодого поколения, но и за его следованием суровым «обычаям предков» (*mores maiorum*) в дальнейшей жизни.

В ряду имманентных обязанностей римлянина стояла воинская служба, которая рассматривалась как неотъемлемое для него качество доблести (*virtus*). Воинская служба превращала его в гражданина и включала в единый военно-политический коллектив, спаянный общими интересами и единомыслием, на чем зиждилась мощь римской общины (Маяк, 1998 б. С. 24 и след.; Маяк, 1993. С. 25–58). По достижении 17 лет юношу заносили в воинские списки, и он должен был отслужить не менее десяти лет (тем более если рассчитывал на занятие магистратур). Первые годы из юношей формировали специальные отряды, которые упражнялись близ Рима в специальных тренировочных лагерях, но «под знаменами», т. е. в качестве вспомогательного войска. Там они проходили школу военного мастерства, приучались повиновению командирам и соблюдению сакральных процедур, прежде всего ауспий, которые пронизывали всю деятельность войска, а также приносили присягу военачальникам, которая потом возобновлялась при каждом новом наборе. Недаром Саллюстий с ностальгией вспоминает времена, когда «...юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу...» (Sall. Cat. 7. 4).

Вся система воспитания, особенно в среде патрициев, была нацелена на формирование в гражданине чувств любви к своей общине, необходимости и почета защиты ее интересов и усиления могущества. Согласно Полибию, в Риме «занять государственную должность никто не может прежде, чем совершит десять годовых походов» (Polyb. VI. 2–3). Смерть на поле боя была почетной, а гибель полководца удостаивалась погребения за государственный счет. Поэт Энний в III в. до н. э. с гордостью пишет от лица Аппия Клавдия Цека: «Храбро за римский народ я с оружием сражался разумно...» (Enn. Ann. 201).

Уже с V в. до н. э. формируется система поощрений отличившихся воинов и командиров — от дополнительной добычи до почетных военных венков. А демонстрация рубцов от ран на груди кандидатами в магистраты значительно облегчала их избрание (что послужило причиной введения для них обязательной *toga candida* — «белой тоги», дабы скрыть шрамы — Liv. IV. 25. 13; ср. Fest. P. 15, 20L; Paul. P. 5, 15; Varro. LL. V. 28; Cic. Mur. 35. 72), а подчас спасала обвиненных в серьезных проступках знатных лиц от заслуженного наказания.

Римская историография, особенно конца республики и правления Августа, богата примерами блистательных деяний и ратных подвигов суровых мужей на поле брани во славу римской общины в эпоху ранней Республики для восхваления традиционных полисных ценностей, возрождения суровых «нравов предков» (*mores maiorum*) и воспитания гражданственных чувств патриотизма и служения отчизне. Но если мы обратимся от героизированных описаний воинских деяний римлян (заметим, исключительно патрициев) к анализу конкретной информации античных источников, то картина представит в совсем ином свете. Мы обнаруживаем, что значительная часть римлян в период ранней Республики отнюдь не рвалась отдавать жизнь за интересы вскормившего их отечества и вообще вела себя, прямо скажем, с точки зрения современного человека, весьма антипатриотично.

Дело в том, что если верен был принцип: каждый гражданин — это воин, то он имел и обратную сторону: каждый воин — автоматически гражданин. В Риме же ранней Республики складывалась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. Основной воинский и военнообязанный контингент постепенно стали составлять плебеи, но главных выгод от воинской службы — гражданского равноправия и равной доли в распределении военной добычи (основную часть которой составляла земля) — они не получили (см. подробнее темы 5 и 6).

Данное положение обусловило резкую раздвоенность раннеримского общества и его военной организации, породив, с одной стороны, факт «военной эксплуатации» плебеев как сословия, а с другой — острую и упорную сословную борьбу плебеев за свое равноправие с патрициями в гражданской общине (*civitas*) и войске. Причем ареной и инструментом этой борьбы стало именно военное общинное ополчение, так как участие в нем делало требования плебеев полностью правомерными.

Например, накануне 1-й сессии плебеев в 495 г. до н. э. военнообязанные плебеи отказывались записываться в войско, упирая на то, что война затеяна в интересах патрициев, к тому же не пожелавших решать вопрос о смягчении долгового бремени: «Сенаторы пусть воюют, — заявляли они, — сенаторы пусть берутся за оружие, чтобы опасности войны пришлось бы на долю тех, на чью и добыча» (Liv. II. 24. 2). Во время проведения набора никто не отозвался на свое имя, а собравшаяся толпа, по словам Ливия (II. 28. 6–7), стала

«как на сходке, кричать, что больше не удастся обмануть плебеев: ни одного воина консулы не получают, пока не исполнят всенародно обещанное; пусть каждому сначала вернут свободу, а затем уж дадут оружие, чтобы он сражался за свое отечество и сограждан, а не за своих господ». Как видим, плебеи отнюдь не отказывались сражаться, но за общие, а не узкосословные интересы патрицианского сената. В этом смысле их позиция была более гражданской и патриотичной. Спротивление плебеев достигло такого накала, что они силой препятствовали ликторам хватать призывников, и сенаторы, поняв, что «борьба с плебеями предстоит жестокая» (Ibid. 28. 8), предпочли назначить диктатора с абсолютной властью.

Военачальникам, для того чтобы провести набор и удержать набранное войско в повиновении, нередко (особенно во время крайнего обострения внутренних противоречий) приходилось прибегать к уступкам плебеям. Так, в том же 495 г. до н. э. консул и диктатор дали торжественное обещание от лица сената простить долги записавшимся в войско и никого из воинов и членов их семейств на время кампании не арестовывать за долги и не обращать в кабальных рабов. После Кампанского мятежа 342 г. до н. э. был принят *lex sacrata* о запрете вычеркивать воинов из цензовых списков (т. е. обращать в кабальных рабов) иначе как с его согласия (Liv. VII. 41. 4).

В самом лагере воины весьма активно обсуждают (и зачастую открыто осуждают) те или иные действия полководцев. И главным лейтмотивом отношения к военачальнику становится его способ распределения военной добычи. В ранней Республике не существовало установленного порядка на этот счет, и вопрос о добыче оставался на усмотрение полководца. Он мог раздать ее воинам (или позволить им самим награть ее) или отдать централизованно в казну (эрарий), ведал которой сенат, либо распродать с торгов. В последнем случае воинам приходилось выкупать уже приобретенное оружием, да и львиная доля за бесценнок попадала в руки патрициев, даже не участвующих в военной кампании.

В первом случае воины благоволили и охотно подчинялись полководцу. Даже суровый диктатор Цинциннат, противник прав плебеев, удостоился золотого венка от воинов за то, что после разгрома эквов в 458 г. до н. э. всю добычу отдал воинам (Liv. III. 29. 1), а в 357 г. до н. э. консул Гай Марций «добычей ублажил воинов». Как сообщает Ливий (VII. 16. 3), «богатую добычу он приумножил своею

щедростью, ибо ничего не отбирал в казну, давая обогащаться самим воинам», за что заслужил их расположение и поднял ратный дух. Но лишение воинов-плебеев законной добычи (напомним, она была зачастую главной мотивацией участия плебеев в походах и единственным средством поддержания хозяйства многих из них, ибо земли *ager publicus* они не получали) вызывало их ненависть. Ее жертвою пал консул 485 г. до н. э. Квинт Фабий, который добычу продал, а все деньги отдал в казну (Liv. II. 42. 1–3). В результате вскоре войско отказалось сражаться с эквами и, «оставив знамена, покинув полководца на поле боя, самовольно вернулось в лагерь» (II. 44. 11).

В случае неодобрения поведения военачальника, прежде всего по отношению к самим воинам, они устраивают войсковые сходки. Приведем характерный пример: в 471 г. до н. э. избранный консулом вождь аристократии и ненавистник плебеев, уже упоминавшийся Аппий Клавдий, был послан в поход против вольсков. Как передает Ливий, «в походе Аппий был так же крут, как и дома, чувствуя себя вольнее без трибунских ограничений... Гнев и негодование побуждали его жестокую душу мучить войско своей свирепой властью. Но никакой силой не мог он его смирить, так впиталась в души вражда. Все выполнялось лениво, небрежно, нехотя, с упрямством; не действовали ни стыд, ни страх. Если приказывал он ускорить шаг, нарочно шагали медленнее; если являлся он поощрить работы, все ослабляли проявленное без него усердие; он приходил — от него отворачивались; он мимо шел — тихо проклинали. (...) Исчерпав, наконец, свою суровость, он уже ничего не приказывал воинам, говорил, что войско развращено центурионами, и порой, насмехаясь, звал их плебейскими трибунами» (Liv. II. 58. 4–9). Нетрудно заметить, что воины устроили Аппию своего рода «итальянскую забастовку», которая вылилась в конце концов в их прямое бегство из-под знамен с поля боя.

Аналогично изображает Ливий и расправу воинов с консулярным трибуном Марком Постумием Регилльским в 414 г. до н. э. Он возбудил ненависть воинов тем, что в разгар приступа города Болы обещал воинам добычу (кстати, пример вынужденного поощрения воинского пыла), но после взятия города не сдержал слова, напротив, грозил воинам карами, если они не утихомятся (Liv. IV. 49. 9–11). Подобное обращение с воинами, как с рабами, вызвало мятеж в войске. Постумий же, по словам Ливия, «еще более ожесточил всех

безжалостными пытками и жестокими наказаниями», приказывая казнить зачинщиков, заваливая их камнями. В ответ камни полетели в самого военачальника, и он был убит собственными воинами, причем заплатились за это немногие — так велик был страх сената перед возмущенным войском (Ibid. 50. 4–6; 51. 3).

Как видим, войско отнюдь не остается пассивной массой, послушной всем приказам командиров и безучастной к собственным интересам. Как уже говорилось, нередко были случаи прямого отказа воинов вступать в бой, если они считали войну невыгодной для себя или ненавидели своего военачальника. Доходило до того, что, скажем, в 449 г. до н. э. воины, не желавшие сражаться под предводительством вторых децемвиров, терпели поражения, позоря себя и полководцев (они были рассеяны сабинянами и эквами) (Liv. III. 42. 1–5). Тем самым плебеи готовы были подвергать себя риску гибели во время бегства или расправы со стороны военачальника согласно присяге *sacramentum* (Dionys. IX. 3–4), нежели жертвовать жизнями за интересы патрициев и сената.

Для поддержания дисциплины командующим приходилось не только прибегать к задабриванию воинов обещанием раздачи им добычи или особых пожалований, а также выполнения их политических требований после завершения кампании (прежде всего решения долгового и аграрного вопросов), но и применять «нетрадиционные» методы возбуждения воинского духа. К примеру, в 431 г. консул Марк Геганий во время приступа лагеря вольсков даже перебросил через вал знамя, чтобы воины устремились туда с большим рвением (Liv. IV. 29. 3), а знаменитый Марк Фурий Камилл в 387 г. также приказал бросить знамя в гущу вражеской рати антийцев, чтобы знаменный ряд поспешил его отбить (Liv. VI. 8. 3). Дело в том, что военные значки считались священными символами богов, и их утрата расценивалась как величайший позор, могущий навлечь на воинов гнев божества. Но тем самым мы сталкиваемся с силой сакральных норм и табу, а не с воинским послушанием приказу военачальника. Все это опровергает мнение о строгой дисциплине, свойственной римской военной организации ранней Республики.

Но было бы ошибкой полагать, что плебеи-воины совсем не заботились о благе государства и руководствовались лишь некими низменными, корыстными соображениями, хотя именно такой образ исподволь навязывает пропатрицианская историография. Как уже

говорилось, именно плебеи полнее выступали за общие интересы *civitas* в целом, против своекорыстной и узкословной политики сената. Нередко на их военное рвение оказывал влияние личный авторитет того или иного полководца, благожелательно настроенного в отношении плебса. Так, плебеи были настолько благодарны диктатору Манию Валерию за его отчаянные попытки исполнить данное народу обещание простить долги, что в 494 г. до н. э., несмотря на их провал, устроили ему благодарственную оvation, как если бы он исполнил обещанное (Liv. II. 31. 7–11).

Кроме того, как только плебеи обрели в ходе борьбы искомые права (в том числе право быть избранными консулами), они явили себя истовыми ревнителями верховенства Рима и образцы служения отчизне. Скажем, в 356 г. до н. э. первый диктатор из плебеев Гай Марций Рутул, несмотря на противодействие патрициев своим приготовлениям, легко набрал многочисленное войско, в которое охотно записывались плебеи, полностью одобрявшие все приготовления диктатора, стремительно разбил противника и «без согласия сената, но по велению народа справил триумф» (Liv. VII. 17. 7–9). Вспомним также подвиги консулов-плебеев Курия Дентата и Деция Муса.

Нередки в традиции сведения о ненависти воинов к полководцу за упущенную выгоду, о требованиях не затягивать войну сверх меры или начать сражение. В 480 г. до н. э. консул Квинт Фабий отсиживался в лагере ввиду насмешек врагов, это настолько возмутило воинов, что они толпой собрались к палатке консула, прося битвы и буквально требуя дать знак к бою (Liv. II. 45. 6). Но консулы из страха мятежа медлят, а враги окончательно распясаются. Тогда, по словам Ливия (II. 45. 11), «по всему лагерю с разных сторон бегут воины к консулам, подступают к ним уже не с осторожностью, не через центурионов, как раньше, а все наперебой с громкими криками». Иными словами, имеет место грубое нарушение субординации. Характерна реплика, вложенная Ливием в уста Фабия, предложившего войску принести священную присягу: «Римского консула воины раз обманули в битве, но богов никогда не обманут». И лишь после того как воины во главе с центурионом Марком Флаволем дали клятву именем отца-Юпитера, Марса Градива и других богов не отступить, следует сигнал к битве (Ibid. 45. 14). Данный пассаж четко выявляет, что взаимоотношения воинов и полководца в раннем

Риме строились не на основе правовых норм государства, а на основе религиозных табу, закрепленных в империи военачальника.

Более того, несмотря на бурный генезис государства во второй половине V – середине IV в. до н. э. войско продолжает проявлять свою самостоятельность. Когда назначенный для борьбы с галлами в 358 г. до н. э. диктатор Гай Сульпиций затянул войну, опасаясь риска поражения от более сильного врага, недовольные этим воины сначала между собой бранили диктатора в дозорах и на страже, а затем стали открыто угрожать самовольно начать сражение или всем войском двинуться на Рим. «И не только в тесных кружках шумели они, но уже в главных проходах и перед шатром полководца в общий гул сливался ропот, и уже толпа была велика, как на сходке...» (Liv. VII. 12. 12. 14). К диктатору отправляют представителя воинов центуриона Секста Туллия, который высказывает полководцу-императору целый ряд попреков в безволии, неверии в силы войска и даже в сговоре сенаторов держать воинов вдали от Города. Туллий бросает в лицо диктатору слова, невысказанные в регулярной армии государства: «Мы воины, а не рабы ваши и посланы были на войну, а не в изгнание. Если нам подадут знак и поведут в бой, мы будем драться, как подобает мужам и римлянам; но если для наших мечей не находится дела, то досуг мы предпочтем проводить в Риме, а не в лагере» (Liv. VII. 13. 9).

Как видим, войско в ранней Республике вело себя по отношению к своим командующим достаточно самостоятельно и четко осознавало свои интересы и рамки подчинения. Будучи милиционным ополчением граждан, римское войско стало фокусом общественных конфликтов, что оказало определяющее влияние на общественную психологию военнообязанных граждан, прежде всего плебеев. Не отрицая мощного влияния религиозно-моральных аспектов поведения воинов-плебеев, следует подчеркнуть осознание ими своих прав и обязанностей. Ущемление первых толкало плебеев на выработку самостоятельного кодекса взаимоотношений с верховным командованием и настаивание на соблюдении своих гражданских прав и военных интересов. С другой стороны, растущее убеждение в значимости своей роли в укреплении могущества Рима и росте его процветания повышали психологическую зрелость плебеев на политической арене. Не только надежда на военную добычу, но и стремление полнее включиться в социально-политическую структуру римской *civitas*, стать полноправными участниками процессов

формирования единого гражданского коллектива двигало плебеев на участие в воинских силах. Зачастую их позиция (подвергавшаяся грубым искажениям в интерпретации источников) как раз отвечала коренным интересам римской общины и накладывала сильнейший отпечаток на течение глубинных процессов генезиса патрицианско-плебейского государства.

* * *

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что воинская дисциплина развивалась на протяжении нескольких столетий вместе с генезисом римского государства. На ранних стадиях она предстает сложным комплексом сакральных ритуалов, правовых актов, политических отношений и индивидуальных обязательств. Они все вместе символизировали вверение войска в целом и каждого воина в отдельности покровительству божественных сил. Далее они регулировали взаимные обязательства гражданского коллектива, магистрата-военачальника с империем и самих воинов друг перед другом. На протяжении нескольких столетий высшим арбитром выступали боги – покровители войска. Поэтому до III в. до н. э. в основе влияния римской *civitas* на военную организацию и на поддержание ее боеспособности лежали прежде всего религиозные культы и ауспиции. И над всеми ними довлела мистическая сила империя военачальника. Но с постепенным отделением военной организации от гражданства и превращением войска в орудие государства сакральная основа воинской дисциплины стала уже недостаточной и начала дополняться системой государственного принуждения. В целом, можно сказать, что именно в ранней Республике закладываются основы публично-правового регулирования отношений *civitas* и воинских сил.

Тема 13

Комиции в рамках центуриатной военной организации

В Риме на протяжении семи столетий носителем верховного суверенитета выступал весь коллектив полноправных общинников-граждан – *Populus Romanus Quiritium*. Он обладал верховной

собственностью над общинными землями (*ager publicus*), был хранителем исконных сакральных культов и религиозных установлений, являлся источником права и имел высшую власть в решении общественных дел (*Res publica*), включая право распоряжения воинскими силами и сношения с другими народами. На практике верховный суверенитет воплощался в функционировании народных собраний.

Центуриатные комиции как политическое зеркало военной организации

Со времени реформы Сервия Туллия основным типом народного собрания стали учрежденные царем центуриатные комиции. Поэтому определение их военной роли в ранний республиканский период поможет лучше понять характер римской армии, механизм ее взаимосвязи с гражданской общиной, а следовательно, уточнить степень демократичности *civitas* и особенности эволюции политических институтов. В науке прочно утвердилось мнение о том, что основой центуриатных комиций было созданное по реформе Сервия Туллия в середине VI в. до н. э. цензовое центуриатное войско (Altheim, 1941. Bd. II. S. 170; Magdelain, 1971. P. 103–127; Staveley, 1972. P. 150; Gjerstad, 1972. S. 173; Fugmann, 1990. S. 273; Scullard, 1976. P. 53). В отечественной историографии также доминирует точка зрения А. И. Немировского о том, что народное собрание Рима напоминало скорее сходку воинов, чем регулярное собрание греческого демократического типа (Немировский, 1962. С. 261). Наиболее полно эту точку зрения выразила А. В. Игнатенко: «...в представлении римлянина эпохи военной демократии войско и комиции — сходки граждан-воинов — столь привычно слились, что новая войсковая организация, едва родившись, приобрела право на решение важнейших политических вопросов, превратившись в нового вида народные собрания» (Игнатенко, 1976. С. 63–64).

Впрочем, если некоторые авторы рассматривали комиции как непосредственно разделенный на военные отряды *populus* (Ihne, 1970. S. 85, 128–129; Gschnitzer, 1968. S. 183 u. folg.; Kienast, 1975. S. 91–93; Ussani, 1996. P. 76), то ряд других видят в сервианском войске лишь основу, базис, из которого в результате длительного развития сформировались центуриатные политические комиции (Abbot, 1901. P. 21–28; Botsford, 1909. P. 203 ff.; Bleicken, 1975. S. 61; 1988. S. 122;

Guarino, 1988. P. 297–299). Поэтому вначале вкратце уточним принципы и особенности функционирования и организации центуриатных комиций после установления республиканского строя.

Геллий (Gell. XV. 27. 4) дает определение типа народного собрания по принципу его созыва: «Если голосование проводится по родам людей, то это куриатные комиции, если по цензу и возрастам — это центуриатные, если по регионам и местностям — это трибутные». Но тот же Геллий и Варрон (Varro LL. VI. 93) характеризуют центуриатные комиции и как *exercitus urbanus*, а созыв собрания передают формулой *centuriatus convocare* или *imperare*. Последний термин явно относится к военным приказаниям и подтверждает известное мнение о подчинении комиций магистрату, обладавшему военным империем. Как мы знаем, правом созыва комиций источники наделяют того, кто имел право командовать войском (Varro. LL. VI. 93–95; Cic. Leg. III. 4. 10), т. е. прежде всего консула и диктатора. Правда, кроме них называют еще интеррекса и диктатора. Упомянутый Варроном интеррекс обладал правом созыва комиций для выбора магистратов, что и было его прямой обязанностью, и мог обращаться к народу с речью. Это позволяет разделить интересное мнение В. В. Дементьевой о наличии у интеррексов империя, даже в военной сфере (Дементьева, 1998. С. 88–90). Цензор же, по Варрону, созывал народ раз в пять лет, что было первоначальным сроком его полномочий, который в 434 г. до н. э. был ограничен полутора годами (Liv. IV. 3–6). Должность цензоров считалась самой почетной, вершиной карьеры магистрата. В 339 г. до н. э. по закону Публилия Филона один из цензоров обязательно должен был избираться из плебеев. Заметим, что у Варрона (Varro. LL. VI. 93) цензор прежде всего распределяет войско по классовым классам и центуриям (ср. Cic. Leg. III. 3. 7).

Важной функцией цензоров Варрон называет люстрацию войска, которая проводилась после каждого ценза, начиная со времени правления Сервия Туллия. Можно согласиться с мнением Дж. Лобрано, что у римских авторов термин “*populus*” употреблялся в двух смыслах: как синоним «государства» и как «комиции» (Lobrano, 1982), добавим — прежде всего центуриатные. Учтем, что закон об ограничении срока цензорства был принят *consensu populi* (Liv. IV. 24. 6). Исходя из этого, можно принять точку зрения, что термин “*populus*” наравне с *exercitus* обозначал центуриатные комиции. Недаром только постановление *populus* становилось законом (*lex*) (см. также тему 5).

Кстати, и место проведения центуриатных комиций на Марсовом поле, вне священного померия, подчеркивает их военный характер. Тацит называет их просто *campus comitia* (Ann. I. 15), а Дионисий Галикарнасский сообщает, что первых консулов избрали, созвав народ («демос») «на поле, где ранее царей избирали» (Dionys. V. 12. 3). Объясняется это тем известным обстоятельством, что вооруженное войско не имело права вступать в город и подчинялось присяге. С этим связана и традиция, согласно которой фламмин Юпитера не мог наблюдать вне померия *classis procincta*, т. е. *exercitus armatus* (Gell. X. 15. 3; Fest. P. 295 L). Так как фламмин Юпитера считался жрецом, который своим присутствием должен был гарантировать благополучие Города, то ему запрещалось покидать его даже на день и видеть мертвых или вооруженных людей (Тас. Ann. III. 58. 7), в том числе и сошедшихся на центуриатные комиции.

Рассмотрим некоторые особенности процедуры проведения комиций в ранней Республике по данным традиции. За месяц до их созыва над крепостью Капитолия (*arx*) вывешивали красный флаг (Macrob. Sat. I. 16. 15), что означало извещение о времени начала собрания. Но накануне собрания флаг переносили на Яникул, где он оставался под охраной (*praesidium*) все время проведения комиций. Яникул являлся форпостом Рима со стороны Этрурии, где Город не имел оборонительных стен. В случае нападения врагов войско с Марсова поля было готово сразу же занять этот стратегически важный пункт (Dio Cass. XXXVII. 27).

Перед началом комиций авгурами проводились ауспиции, как перед выходом в поход, и совершались жертвоприношения (Varro. LL. VI. 95; Gell. LL. XII. 15; Cic. Leg. III. 4. 11). Сакрализация деятельности центуриатного собрания, несомненно, восходит к глубокой древности, когда собрания войска проходили по куриям (см. ниже). После реформы Сервия Туллия войсковые ауспиции были закономерно перенесены на центуриатное собрание.

Сошедшиеся по зову трубы (*classicum*), звучащей со стен, на Марсово поле граждане группировались вокруг своих центурионов и значков центурий. Долгое время они являлись туда вооруженными. Это объяснялась тем, что Город покидали все военнообязанные. Вероятно, в эпоху республики постепенно утвердился обычай приходить на собрание без оружия (Н. Н. Трухина относит укоренение этого обычая лишь ко II в. до н. э. — Трухина, 1986. С. 27).

Характерно, что выражение *exercitus urbanus* встречается у сравнительно поздних авторов (не считая Варрона), но практически отсутствует у Ливия. Он знает только формы *ad populum* (для обозначения комиций вообще), *contio* и *suffragium*. Причем давно замечено, что Ливий различает два последних термина. Первым этапом центуриатных комиций служила, как известно, *contio* («сходка»), где обсуждались законопроекты и кандидатуры без голосования (Gell. XIII. 16. 3), причем между нею и голосованием мог иметься временной промежуток.

Второй частью собрания являлось непосредственно голосование (*suffragium*), которое обычно авторы и называют комициями. Процедуру голосования весьма подробно описывает Дионисий: «Население было созвано на собрание на Марсовом поле около города, выстроившись вокруг центурионов и значков, как на войне. Они не голосовали все одновременно, но каждый в соответствующих центуриях, когда они вызывались консулом» (Dionys. VII. 59; ср.: Cic. Leg. III. 17, 38). Само название *suffragium* обычно производится от *fragor* («шум, восклицание», хотя, возможно, и стук мечами о щиты), что может отражать первоначальный способ выкликать свое мнение. Голосование в центуриатных комициях начиналось с 18 центурий всадников как прерогативных, или привилегированных центурий (*centuriae praerogativae*), затем для подачи голосов вызывались 80 центурий 1-го разряда. В случае разделения голосов внутри их поровну приглашали голосовать следующие разряды. Мы уже отмечали, что число центурий всадников и первого класса (классис) (98) превышало количество центурий во всех остальных разрядах (95), что обеспечивало зажиточной части общества, прежде всего патрициям, превосходство в политической системе.

Необходимо подчеркнуть еще раз особенность римской избирательной системы, в которой, в отличие от греческой, существовало только коллективное голосование, а индивидуальные голоса суммировались в едином голосе избирательной единицы — центурии. Тем самым голоса, поданные «против» в каждой центурии, нивелировались, хотя вкуче во всех классах они могли набрать большинство. Этот принцип из центуриатных комиций был воспринят и трибутными. Но при всей схожести способов голосования отсутствие в трибутных комициях цензовой структуры позволяло более адекватно отражать в каждой трибе социальную стратификацию римского общества.

Однако было бы некорректно усматривать в этом вслед за Т. Моммзенем (Моммзен, 1936. С. 242) всего лишь меньшую демократичность римского полиса по сравнению с греческим. Скорее коллективный принцип отражал более высокую степень военизованности римской общины. Ее члены мыслились не отдельными гражданами-индивидами, а бойцами, спаянными в воинские контингенты, где просто немыслимы были разномыслие и расчлененность мнений, которые гасились на уровне первичной военно-политической единицы. Поэтому до времени реформы центуриатных комиций в середине III в. до н. э. вообще сложно говорить о римлянах как о гражданах в сугубо политическом смысле. Не случайно также, что с резким усилением роли трибутного собрания в IV в. до н. э. римское войско синхронно (если не сказать автоматически) перешло на трибутную систему комплектования и соответствующую ей манипулярную тактику — и здесь сказалось единство воина и гражданина (см. подробнее тему 9).

Применительно к ранней Республике мы имеем множество данных традиции об избрании патрициями вкупе со своими клиентами магистратов или о проведении нужных «отцам» решений в центуриатных комициях, невзирая на сопротивление плебеев или даже на их коллективный уход с Марсова поля. Так, Ливий под 354 г. до н. э. передает, что по поводу стремления «отцов» избрать двух патрицианских консулов (дело было после законов Лициния–Секстия) народ «несколько раз без толку собирался на Марсовом поле и потом много дней собрания проходили в раздорах; наконец, победила непоколебимая твердость консулов, а негодование плебса вылилось в том, что он мрачной толпой ушел следом за трибунами, которые кричали... что пора уже покинуть не только поле, но и самый Рим, плененный и поработанный самовластием патрициев. Консулы, *хоть и покинутые частью народа*, с прежней твердостью, несмотря на сильно поредевшее собрание, довели выборы до конца» (курсив мой. — В. Т.) (Liv. VII. 18. 9–10). Иными словами, архаический военизированный характер центуриатных комиций, где к тому же отсутствовало понятие кворума и центурии заполнялись произвольным количеством участников, позволял патрициям даже при их уменьшающемся удельном весе в IV в. до н. э. поддерживать свое доминирующее положение в политической системе. Подтверждает это и известный пассаж Ливия о том, что плебеям удалось в 366 г. до н. э. избрать плебейского консула лишь благодаря закону Лициния–Секстия о таком обяза-

тельном избрании, а *patres* получили претуру и курульный эдилитет для представителей своего сословия «благодаря своему влиянию на Марсовом поле» (*gratia campestri*) (Liv. VII. 1. 2).

Возникает закономерный вопрос: когда же собрание центуриатного войска превратилось в стержень раннереспубликанской *civitas*? Известно, что впервые они зафиксированы в данной ипостаси в Законах XII таблиц под названием *comitiatus maximus* (Tab. IX; Cic. Leg. III. 4. 11; ср. Resp. II. 36. 61). М. Леви вслед за итальянским романистом Э. Габба рассматривает этот термин как обозначение наиболее многочисленного собрания народа, объединяющего патрициев и плебеев (Levy, 1992. P. 90; Ferenczy, 1976. P. 18). Ж. Эргон справедливо подчеркивал, что центуриатные комиции прошли длительный путь развития, прежде чем превратились в общегражданское собрание (Heurgon, 1969 а. P. 149 ff.; ср. Saulnier, 1980. P. 104; De Francisci, 1953. P. 31).

С этой точкой зрения можно было бы согласиться, но с существенной оговоркой о том, что присущее римскому менталитету совпадение военной службы с членством в общине автоматически вело к конституированию реформированного войска в качестве субъекта управления общиной. Другое дело, что на ранних стадиях правового развития центуриатного строя, когда существовал пожизненно правивший царь, данные политические функции центуриатного войска были латентны, завуалированы и не могли проявиться в достаточной мере.

В традиции нет конкретных сведений о том, спрашивал ли царь согласия центуриатного (как и ранее куриатного) войска на объявление войны или назначение военных командиров, или же это входило в компетенцию царя. Правомочно мнение Т. Моммзена, что царь обязан был испрашивать согласия центурий на наступательную войну, в чем проявились первые притязания центурий на участие в собственных делах (Моммзен, 1936. С. 91). В любом случае, данная процедура носила по всей вероятности консультационный или даже информативный характер оглашения приказа. Пожизненность правления царей лишала центуриатные комиции объекта политического воздействия и контроля, но не отменяла его суверенных прав в качестве олицетворения военной мощи общины.

Можно предположить, что первоначально чисто военное центуриатное собрание постепенно приняло на себя значительную часть прежних политических функций, выполняемых при царях куриатными комициями. Причем произошло это главным образом

под влиянием требований плебеев, для которых было абсурдным служить под началом вождя, ими не выбранного, или участвовать в войне, начатой без их согласия. Но можно ли относить период подобной трансформации лишь к середине V в. до н. э. (мнение финского исследователя У. Паанена, который склонен в ключе гиперкритики принижать роль центуриатных комиций; см.: Raanen, 1993. P. 9–96)?

Конкретные данные традиции свидетельствуют о достаточной активности центуриатных комиций (сиречь *populus*) в первой половине V столетия до н. э. К их числу относятся сообщения о принятии именно ими «священных законов» (*leges sacrae*) в 494 г. до н. э. (Liv. II. 33 1; Dionys. X. 32. 1; Gell. XVII. 21. 11; Cic. Tull. 49), закона о штрафах и денежной пене в 50-е гг. V в. до н. э. (Cic. Resp. II. 35. 60). Там же проводятся законы о разделе земли на Авентине (Dionys. X. 31–32; Liv. III. 32. 1), о переносе выборов плебейских трибунов из центуриатного в трибутное собрание в 471 г. до н. э. (Dionys. IX. 41. 2), закон Валерия–Горация 449 г. до н. э. о плебисцитах (Liv. III. 55. 3; Dionys. XI. 45). Любопытно, что последним законом центуриатное собрание (вопреки эпитету «величайшее») сразу же принижало свое законодательное положение.

К важнейшим прерогативам центуриатных комиций непосредственное отношение имеет и право провокации общинника, исследованию которого посвящена обширная литература. Традиция относит принятие *lex Valeria de provocatione* к 509 г. до н. э. и приписывает консулу Валерию Попликоле (Liv. II. 8. 1; Pompon. D. 1. 2. 2. 4. 16; Dionys. V. 19. 4; 70. 2; Plut. Popl. 11; Val. Max. IV. 1. 1). Цицерон (Resp. II. 1. 53) прямо указывает на его принятие именно центуриатными комициями. Действие закона распространялось только на полноправных граждан, иными словами, на членов центуриатного собрания и войска. Долговые рабы из плебеев и, по всей вероятности, плебеи *infra classem* не подлежали его юрисдикции, что вызвало недееспособность этого закона и привело к созданию должности плебейских трибунов. В 449 г. до н. э. после 2-й сессии плебеев закон был принят вновь (Liv. III. 55. 4–5; Cic. Resp. II. 31. 54). Теперь он распространялся на всех военнообязанных граждан всех пяти цензовых разрядов. Тем самым право провокации стало краеугольным камнем правового суверенитета римского народа. Отнесение вопроса о провокации к компетенции именно центуриатных комиций свидетельствует о том, что он затрагивал жизненные интересы *civitas*, прежде всего ее сплоченность и обороноспособность, поскольку

большинство преступлений, предусматривавших возникновение провокации, лежали в военно-политической сфере (измена, уклонение от исполнения воинского долга, оставление боевого строя и т. д.).

Сомнения, что комиции едва ли могли действовать как суд провокации, некорректны, ведь судебное разбирательство, без сомнения, по форме отличалось от собственно комиций и проходило в форме *contio*, где стороны излагали свои аргументы, а последующее *suffragium* определяло приговор всего коллектива граждан своему члену. Право выносить решения по провокации превратило центуриатные комиции в высшую судебную инстанцию, обеспечивавшую гарантии прав гражданина и ставящую магистратов под формальный контроль народа.

Выборные прерогативы и место центуриатных комиций в системе народовластия

В литературе доминирует точка зрения на центуриатные комиции как на верховный орган власти в *civitas*, осуществлявший выборы всех высших магистратов: консулов, цензоров и с 366 г. до н. э. преторов (Утченко, 1969. С. 18; Игнатенко, 1988. С. 18). Относительно же консулярных трибунов существуют разногласия. Некоторые исследователи приписывают эту процедуру трибутному собранию (Staveley, 1953. P. 30–34; 1955. P. 8; Meyer Ernst, 1948. S. 81; Grieve, 1985. P. 287), основываясь главным образом на соблазнительной ассоциации трибунов с трибами и на допущении к этой должности плебеев, и даже куриатному (Bernardi, 1952. P. 41; Palmer, 1970. P. 224 ff.). Характерно, что при обосновании первой гипотезы ее сторонники игнорируют красноречивые данные Ливия об избрании консулярных трибунов именно центуриями (Liv. V. 13. 3 etc.). Это убедительно доказала В. В. Дементьева (Дементьева, 2000). Более того, центуриатные комиции с 311 г. до н. э. выбирали и обычных военных трибунов числом 16 (Liv. IX. 30. 3), в то время как ранее избиралось только несколько трибунов, а остальные назначались консулом (Liv. VII. 5. 9).

Интересно, что избрание цензоров (Liv. IV. 8. 7; D. 1. 2. 2. 17) не требовало одобрения их куриатным законом. Напротив, сами центурии принимали *lex centuriata de potestate censoribus*. Как метко подметил Р. Палмер (Palmer, 1970. P. 223), выборы центуриями консулов и цензоров представляют собой явления разного порядка, ибо первых избирали как предводителей всей общины, а не только войска, и потому квириты давали им империй по куриям, в то время

как цензоры требовались прежде всего центуриям для проведения ценза. Однако уточним, что почетный и патрицианский характер этой должности свидетельствует о важной роли, которую цензура играла в развитии социально-политической стратификации раннеримского общества.

Как уже отмечалось, в компетенцию центуриатных комиций до 471 г. до н. э. входили также выборы плебейских трибунов, а с 447 г. — и квесторов (Cic. Pro Plancio. XI. 28; Tac. Ann. XI. 22). Последняя магистратура вызывает разногласия. Так, Э. С. Стэвли доказывает, что их с самого начала избирало трибутное собрание (Staveley, 1972. P. 128; Gjerstad, 1966. P. 27). Его аргументация сводится к тому, что во времена поздней Республики младших командиров и магистратов выбирали трибы, а квесторы были именно таковыми. Однако источники не говорят о типе собрания. Ливий в пассаже о борьбе за удвоение должности квесторов в 421 г. до н. э. замечает, что «в те времена в квесторы избирались только патриции» (Liv. IV. 43. 3–4). Но в плебейско-патрицианском трибутном собрании, в отличие от центуриатного, такого ограничения не было.

Ливий обычно обозначает выборы квесторов просто *comitia quaestorum*. Согласно тому же Ливию (Liv. IV. 43. 12), в 421 г. до н. э. было решено, чтобы назначали четырех квесторов на основании свободного голосования *populus* из патрициев и плебеев, где термин “*populus*” явно указывает на центуриатное собрание. Заметим, что при осуществлении этого замысла в 420 г. плебейским претендентам, включая отпрысков уважаемых плебейских трибунов, имевшим поддержку при голосовании, ничто не помогло при избрании квесторов (Ibid. IV. 44. 2). Лишь открытое третирование сенатом интересов воинов-плебеев привело к неожиданному избранию в 409 г. квесторами плебеев (Ibid. 54. 3). А ликование плебеев по поводу того, что победа их представителей на квесторских выборах откроет им дорогу к консульству и триумфам, может, хотя и косвенно, намекать на однотипность квесторских комиций с центуриатными.

Наконец, сам характер должности квесторов, которые распоряжались в войске военной добычей и выполняли функции судебного расследования, связанные главным образом с наказаниями за уклонение от воинской службы или нарушением воинского долга, выявляет их непосредственную связь с войском и военной организацией. Как видим, все выборные магистратуры, подлежавшие

ведению центуриатных комиций, выросли из военных командных должностей.

В то же время бросается в глаза, что конкретных сроков созыва центуриатных комиций, очевидно, не существовало. Для проведения выборов магистратов они созывались осенью, но лишь по решению консула, который издавал специальный эдикт (Liv. III. 35. 1; IV. 57. 9; V. 29. 2; XXIII. 31. 8; XXVI. 18. 4; Gell. XIII. 15. 1; Dionys. VI. 40. 1; 43. 2; VII. 16. 4; 17. 1). Но этому предшествовало обсуждение и постановление сената (Токмаков, 1994. С. 45 и след.). Для остальных вопросов существовали «комициальные дни», но они предполагали лишь возможность созыва собрания в эти дни. Как известно, выборы проводил магистрат рангом не ниже избираемых (Cic. Att. IX. 9. 3; 15. 2). Для этого сенат мог отозвать с театра боевых действий консула или оставить его в Городе *ad comitia habenda*. Упоминание Ливия о настоянии сената лишить полномочий консулярных трибунов, якобы избранных с огрешными ауспигиями, и назначить интеррекса для новых выборов (Liv. V. 17. 3) обнаруживает право сената на вмешательство в результаты голосования. Впрочем, и консул обладал таким правом (Liv. XLV. 36). Итак, центуриатные комиции не выступали самодовлеющим постоянно действующим институтом. Напротив, они целиком зависели от воли магистрата, ограниченной только обычным правом и сакральной практикой.

Не менее пассивной предстает в традиции и роль комиций в выдвижении и даже отборе кандидатов на высшие должности. Лишь со второй половины V в. до н. э. и с учреждением консулярного трибуната появляются некоторые намеки на выдвижение нескольких кандидатов и конкурентную политическую борьбу, которая велась все же вне Марсова поля (Staveley, 1972. P. 128). При этом ведущая роль в подборе кандидатов оставалась за сенатом, который обладал правом утверждать кандидатуры до голосования и блокировать негодных (см. тему 12). Именно поэтому, несмотря на выдвижение даже достойнейших плебеев, консулярными трибунами до 401 г. до н. э. становились патриции.

Любопытно, что Ливий в рассказе о выборах комициями в 450 г. до н. э. под председательством Аппия Клавдия децемвиров на второй срок употребляет глагол в действительном залоге *creat* («избирает» — Liv. III. 35. 9). Такую же оговорку об избрании себе коллеги Валерием Попликолой допускает Дионисий (Dionys. V. 19. 2; ср. Plut.

Рopl. 12. 3; Liv. III. 8. 2). Поэтому можно согласиться с мнением Т. Моммзена, что консул, как ранее и царь, имел право назначать себе преемника (добавим, по согласованию с сенатом), хотя и должен был испрашивать на то согласия у общины в лице комиций (Моммзен, 1936. С. 253). Таким образом, хотя цензуриатные комиции с установлением республики и получили больше прав в утверждении или отклонении предложенных кандидатур, одновременно возобладал принцип *magistratus creat magistratus*.

Однако было бы несправедливо усматривать в таком положении дел исключительно засилье сенатской аристократии или тимократичность цензового цензуриатного устройства (см. тему 2). Но так как само это устройство выросло, насколько известно, из военных структур, то оно неизбежно определялось очевидными принципами военной организации, где беспрекословное повиновение воинских контингентов своим военачальникам органично сочетается с поддержанием преемственности компетентного командования. С переходом большинства законодательных прерогатив к трибутному собранию (где господствовал, казалось бы, аналогичный принцип коллективного голосования по трибам, воспринятый от цензурий) данные военные принципы претерпели коренные изменения, что выразилось в частности в большей открытости трибутных и реформированных в III в. до н. э. цензуриатных комиций для избрания магистратами «новых людей».

Отсюда кажущееся недемократичным, но тем не менее нерушимое повиновение общины, включая и плебеев, магистрату с империем, носителем которого мыслился в ранней Республике исключительно патриций. Не случайно интеррекс Л. Папирий Мугиллан восклицает у Ливия по поводу затяжки с избранием консулярных трибунов: «Может, они (плебеи) хотят, чтобы государство, не обеспеченное властью патрициев, чуть грянет первая гроза, было уничтожено? Может, не надо набирать войско, а набранному войску не нужен полководец?» (Liv. IV. 43. 10).

Поэтому источники фиксируют столь пристальное внимание римлян не только к знатности полководца, но и к его личным воинским заслугам, а также к наличию у него в роду предков — курульных магистратов, что предполагало передачу из поколения в поколение военного опыта и божественного покровительства. Именно этим объясняется неожиданное для самих плебеев избрание консулом ненавидимого ими Цинцинната (Liv. III. 19. 2–3) или Аппия Клавдия

(Dionys. XI. 43. 1). Красноречиво и получение Валерием и Горацием консульства в 449 г. до н. э. не только за личные заслуги, но и как бы по наследству, ибо их предки были консулами и отцами-основателями республики (Dionys. XI. 45. 1). А Ливий даже оправдывает прегрешения Спурия Кассия и децемвира Аппия Клавдия тем, что их предки занимали высшее положение и сами они отправляли курьельные магистратуры (Liv. IV. 15. 5).

Становится понятным успешное сохранение патрициями высших магистратур в своих руках вплоть до законов Лициния–Секстия (Liv. VI. 42. 9–11). Ведь их наследственное отправление предками накладывало на потомков ауру удачливости и компетентности. Да и сами плебеи предпочитали сражаться под началом полководца, не только опытного в военном деле, но и обладающего правом на совершение священных ауспий.

Итак, мы видим, что на протяжении ранней Республики, в том числе и после серьезных уступок плебеям в середине V в. до н. э. и повышения роли центуриатных комиций, они остаются пассивным политическим органом, подконтрольным *auctoritas patrum* сената (Ussani, 1996. P. 74). Комиции не имели рычагов воздействия на власть, не могли сами определять время выборов, а исход голосования в очень малой степени зависел от позиции рядовых плебеев. Тем не менее сам факт испрашивания согласия народа на назначение магистрата означал акт проявления высшего суверенитета гражданской общины (практически совпадавшей с военной организацией) и ставил магистрата под ее контроль — низводил, как верно подметил Т. Моммзен, до уровня исполнительной власти (Моммзен, 1936. С. 241 и след.) и вынуждал приноравливаться к меняющимся позициям различных политических сил, особенно в условиях достаточно высокой политической активности самого войска. Обычай склонять консульские фасции перед центуриатными комициями, введенный Валерием Попликолой на заре республики (Liv. II. 7. 7; Cic. Resp. II. 31. 55), отразил качественное изменение их роли как суверена.

Центуриатные комиции и военные дела

Одной из важнейших функций центуриатных комиций было право объявления войны (*lex de bello indicendo* — Liv. VI. 21. 3). Всего известно 29 случаев принятия этого закона однозначно центуриатными

комициями (Токмаков, 2002 а. С. 153). Так, Ливий сообщает под 427 г. до н. э.: «...возник спор, объявлять ли войну от имени народа или достаточно будет сенатского постановления. Верх взяли трибуны (плебейские. — В. Т.), угрожавшие воспротивиться набору, и консул внес предложение о войне в народное собрание. Все центурии высказались за войну» (Liv. IV. 30. 15). Здесь явно видны различные правовые механизмы объявления войны: постановлением сената или решением центуриатного собрания.

Однако у того же Ливия встречаем фразу о том, что в 383 г. до н. э. «все трибы объявляют войну» (Liv. VI. 21. 5), при том что перед этим решение передавалось на рассмотрение народа (*ad populum ferretur de bello indicendo*). Но дело в том, что *patrum auctoritas* распространялась только на куриатные и центуриатные комиции, но не на трибутные (Cic. De Domo. 38; Cic. Resp. II. 32. 56; Dionys. IX. 41. 3–4). Кроме того, бросается в глаза идентичность юридической формулы с изложенной выше, что наводит на мысль о текстовой ошибке Ливия или о мнении плебейских трибунов, роль которых в процедурах, связанных с формированием войск, была весьма значительна. Кстати, даже Э. С. Стэвли, отстаивающий мнение о ранней активности трибутных комиций, в данном случае предполагает анахронизм Ливия или перенесение на раннюю эпоху реформы центуриатных комиций в тесной привязке к трибам (Staveley, 1955. P. 9 ff.). Также уязвима версия итальянского романиста Л. Фашионе, который вообще отрицает возможность участия центурий в объявлении войны, так как к моменту объявления они, дескать, уже бывали сформированы в войско, а трибы представляли гражданский орган (Fascione, 1981. P. 242–246). Но это утверждение базируется на ошибочном убеждении, что трибы служили базой комплектования воинских сил, о чем уже говорилось выше (см. тему 8, п. 2). Так что мнения о возможности объявления войны в период ранней Республики не центуриатными, а иными видами комиций неосновательны. Остается добавить, что и в более поздние времена Пунических и Македонских войн (III–II вв. до н. э.) прерогатива объявления войны оставалась у центуриатных комиций (Liv. XL. 6. 3; XLII. 30. 10 etc.).

Представляют интерес варианты правовых формул объявления войны. Например, Ливий передает (Liv. VI. 21. 3–5): «...отцы постановили в скорейшем времени предложить народу объявить войну»;

«...затем уж было предложено народу принять решение о войне». Так же в 362 г. с проведением всех положенных ритуалов — отправки к герникам фециалов, заседания сената — «решено было... предложить народу объявить войну герникам, и многолюдное собрание приказало быть войне (*ad populum de bello indicendo (...) censuit, populusque id bellum frequens iussit*)» (Liv. VII. 6. 7). Тем самым центуриатные комиции все же не сами объявляют войну, а только приказывают объявить — практически, как мы знаем, эдикт о войне издавал консул или диктатор, а сакральные ритуалы исполняли фециалы.

Регулярно формулировка объявления войны *iussu populi* начинает встречаться у Ливия со второй половины V в. до н. э., когда после реформ Валерия–Горация роль центуриатных комиций неизмеримо возросла и они окончательно вошли в римскую политическую систему. Как видим, с развитием в Риме центуриатной политической системы и правовых норм государственного регулирования, идущих на смену обычному праву, центуриатные комиции превращаются в выразителя воли всей гражданской общины, вручая магистрату право действовать от ее лица. А объявление войны становится неотъемлемой частью *ius publicum*, законодательным актом волеизъявления гражданского коллектива.

Еще Моммзен сформулировал точку зрения, что согласие собрания требовалось только для ведения наступательной войны, война же оборонительная не нуждалась в подобной санкции и входила в компетенцию сената и магистратов (Моммзен, 1936. С. 73, 91). С этим можно согласиться с оговоркой, что оборонительные войны вспыхивали, как правило, уже после вступления консулов в должность и проведения ими весной ежегодного набора войск с принесением присяги. Крупный русский историк И. В. Нетушил полагал, что решение о войне принималось комициями в том случае, если сенат не мог или не желал принять ответственность на себя (Нетушил, 1894. Вып. 1. С. 341). Однако конкретные данные традиции являют противоположную картину — сенат вынужден был обращаться к комициям, если ему не удавалось объявить войну самочинно.

Источники сообщают, что центуриатные комиции в ряде случаев решали вопрос о предоставлении триумфа военачальникам. Но за два века ранней Республики такой факт отмечен только четыре раза: триумф Валерию Попликоле в 509 г. (Dionys. VI. 43. 1), консулам

Валерию и Горацию в 449 г. (Liv. III. 85. 8–11: *per populum*), первому плебейскому диктатору Гаю Марцию Рутилу в 356 г. (Liv. VII. 17. 9: *sine auctoritate patrum populi iussu*) и консулу Постумию в 295 г. до н. э. (Liv. X. 37. 10–12: *iactata res ad populum est*). Причем все они принимались в пику сенату, в ведении которого находилось присуждение триумфа. Наконец, именно центуриатные комиции приняли Законы XII таблиц, ставшие, по выражению Ливия, «источком публичного и частного права» (Liv. III. 34. 6; 37. 4).

Роль куриатных комиций в Сервианской военной организации

После реформы Сервия Туллия и окончательного утверждения центуриатной организации с изгнанием царей куриатная отнюдь не исчезла, а стала частью нового *populus*. В литературе преобладает мнение, что собрания курий — куриатные комиции — потеряли свое прежнее значение, а в конце республики выродились в собрания 30 ликторов, представителей курий (Cic. Leg. Agr. II. 12, 31; Serrao, 1974. P. 21, 62; Neurgon, 1969 б. P. 213–219). Однако причины стойкого бытования, казалось бы, анахроничного института в республиканской конституции наводят на мысль о сохранении им важных общественно-политических функций — прежде всего сакральных и родовых (Palmer, 1970. P. 153 f., 191, 216–217, 278).

В ранней Республике участвовать в собрании курий могли только патриции. По верному замечанию И. Л. Маяк, курии были закрыты для плебеев. Как уже говорилось выше, только с IV в. до н. э. «двери куриатных собраний» открываются для них (Маяк, 1993. С. 77). Это связано с доступом плебеев к «общественному полю» и курульным магистратурам, в том числе постепенно и в жреческие коллегии, а также практикой браков между патрициями и плебеями, что приводит на протяжении IV–III вв. до н. э. к образованию нобилитета. Наконец, в 209 г. до н. э. плебей достигает должности *Curio Maximus* и встает во главе куриатных комиций (Liv. XXVII. 8. 1). Однако роль последних к тому времени неизмеримо снижается.

Архаический характер наглядно проявляется в способе проведения куриатных комиций. Все члены патрицианских родов со своими клиентами собирались вокруг знака своей курии. Каждая курия имела один голос. Все действие было проникнуто религиозным смыслом и сопровождалось обрядами и клятвами богам.

Руководил процедурой проведения комиций Великий понтифик при помощи авгуров и консул. В любой момент собрание могли прекратить, если авгуры обнаруживали в небе знаки божественного нерасположения.

Куриатные комиции продолжали решать вопросы семейного права: усыновления и завещаний, отправления родовых и государственных культов, религиозные дела, представлявшие весьма существенный сегмент жизнедеятельности гражданина и общества (Gell. XV. 27. 3; Macrobian. Sat. I. 15. 9). Решения принимались в виде торжественной «священной клятвы», что все члены родов и всего народа римского дают согласие и будут неукоснительно выполнять решенное. Такую клятву вынуждены были принести патриции в 494 г. до н. э. после 1-й плебейской сессии и учреждения плебейского трибуната. Клятва (*lex sacrata*) устанавливала его священный характер и неприкосновенность личности трибунов, за нарушение которой виновные обрекались смертной казни (*caput*) (Токмаков, 1998 б). Такая разновидность религиозно-родовых куриатных собраний на Капитолии имела особое название — калатные комиции, поскольку день их проведения по воле богов выкликал (*calare*) Великий понтифик (Gell. V. 19. 9).

Вторым местом сбора уже избирательных куриатных собраний со времени царей был Комиций на Форуме (Ps.-Ascon. P. 338). Там участники сходки выслушивали предложения сената, который имел право заранее обсуждать и предлагать вопросы и кандидатуры. Затем выражали свое одобрение или негодование голосованием по головам. Но голоса считали в каждой курии, а полученное большинство и становилось общим мнением всей курии. Поскольку далеко не все сородичи, особенно бедные сельчане, могли присутствовать на собрании, то решение зачастую принимались голосами наиболее знатных родов.

Закранный характер и право скреплять (или нет) сакральной клятвой решения центуриатных комиций превращал куриатные собрания периода ранней Республики в орудие политического и религиозно-идеологического господства патрициев. Именно это обстоятельство породило стремление плебеев эмансипироваться от опеки курий, в том числе путем создания собственной организации, не подконтрольной власти курий и сената.

Некоторые исследователи римского права обосновывают мнение об изначальном избрании плебейских трибунов куриями (Покровский,

1999. С. 93; Кофанов, 1994. С. 133 и след.). В подтверждение приводятся данные Дионисия Галикарнасского о выборах трибунов первоначально во фратриях, «которые римляне называют куриями» (Dionys. VI. 89. 1), и Аскония Педиана в комментарии к несохранившейся речи Цицерона. Но если все-таки плебеи входили в курии и изначально являлись частью единого *populus*, то зададимся вопросом: в чем заключались смысл и необходимость переноса выборов плебейских трибунов в 471 г. до н. э. в трибутные комиции по законопроекту трибуна Публилия Волерона (Liv. II. 58. 1–2; 60. 4)? Ведь это неизбежно означало не только понижение статуса самих трибунов, но и еще большее дистанцирование плебса от патрицианской части общины! Однако Асконий (*Cic. (Apud Ascon.) Pro Corn. I. Fr. 23*) сообщает лишь о том, что «плебейские трибуны были учреждены куриатными комициями» (*tribuni plebis comitiis curiatis creati sunt*). Иными словами, само существование и легитимность магистратуры было освящено *lex sacrata* куриатных комиций в 494 г. до н. э.

Заметим, по версии Ливия, Волерон вносит свою судьбоносную рогацію в центуриатное собрание (*ad populum*) (Liv. II. 56. 2): «...дабы магистраты плебеев избирались в трибутных комициях» (*ut plebei magistratus tributis comitiis fierant*). Ливий оговаривает, что смысл заключался в том, чтобы «отобрать у патрициев возможность через посредство своих клиентов добиваться избрания удобных себе трибунов» (Liv. II. 56. 3). (Характерно употребление здесь Ливием довольно редкого у него термина *patricii*.) Но именно в центуриатном собрании патриции благодаря своим клиентам и численному перевесу центурий 1-го цензового разряда доминировали над плебеями.

Поэтому если принять точку зрения на выборы плебейских трибунов изначально в центуриатных комициях (об этом прямо говорит Дионисий Галикарнасский — VII. 16–17), то снимаются все противоречия. А разобранные выше сообщения Дионисия отражали известное обстоятельство, что решения центуриатного собрания обязательно утверждались куриатными комициями, о необходимости чего упоминают Дионисий (IX. 41. 1–4) и Цицерон (Leg. Agr. II. 11. 26). Решения же трибутных комиций, а для первой половины V в. до н. э. *concilia plebis* не подлежали утверждению сенатом и куриями и не требовали санкции жрецов и авгуров. Данное своеобразие и отметил Дионисий, рассуждая об отличиях куриатных комиций от трибутных.

В этом случае становится понятным значение рогации Волерона. Ведь через курии и патрицианские жреческие коллегии патрицианский сенат мог легко контролировать плебейских трибунов, влиять на их кандидатуры и политику. Не случайно до 471 г. до н. э. трибуны занимали во многих случаях излишне мягкотелую и беззубую позицию по отношению к сенату. Это проявилось и в конфликте Публилия Волерона с консулами, пославшими ликторов арестовать смутьяна. Волерон взывает к трибунам, но не получает помощи. Тогда он обращается к народу (*provoco ad populum*), заявляя, что «трибунам приятней смотреть, как секут римского гражданина (*civis Romanum*)...» (Liv. II. 55. 5).

Нельзя не обратить внимания еще на одну важную роль куриатных комиций, идущую из глубины веков царской эпохи. Внимание историков давно привлекал тот странный факт, что после своего избрания куриатными комициями, царь, а затем и консул вновь вносили в куриатное собрание, но уже в его разновидность, калатные комиции, закон об утверждении этого избрания — «Куриатный закон об империи» (*Lex curiata de imperio*). Дело в том, что формально правителя избирало войско, люди грубые и оскверненные кровью, и следовало утвердить их решение уже с помощью религиозных процедур, вручить вновь избранному царю символ высшей власти — империй.

Со временем этот закон стал важнейшей функцией куриатного собрания (подробнее см.: Сморгков, 2002). Он настолько сильно почитался, что даже после того как курии утратили всякое политическое значение, а вместо царей консулы стали избираться в центуриатных комициях, никто из римлян не осмелился посягнуть на право курий вручать консулам высшую власть специальным куриатным законом об империи. Последний сохранял свое значение потому, что именно курии символизировали изначальную общину, преемственность ее от предков, непрерывность существования и божественного благорасположения. Иначе говоря, курии представляли общину (*civitas*) в ее сакрально-общинной ипостаси, а центурии — в военно-политической. Пока они совпадали, процедура избрания верховного правителя аккумулировалась в куриатных комициях, проводимых в два этапа: выборы военным ополчением общины вождя и наделение его опять-таки всеми мирными общинниками сакральной властью и магической силой путем религиозных обрядов и клятв.

В эпоху республики куриатным законом подтверждались полномочия избранного в центуриатных комициях военачальника-консула и вручалось право на военное командование (Liv. V. 46) и на отправление общественных ауспиций (Cic. Leg. Agr. II. 11. 27. 29; 12, 31; Gell. XIII. 15; Val. Max. IV. 4. 1). Этим объясняется тот факт, что плебеи в длительной борьбе с патрициями за доступ к высшим магистратурам никогда не посягали на право курий принимать *lex curiata de imperio*. Не потому ли вплоть до 401 г. до н. э. даже консулярным трибуном не был избран ни один плебей? Ведь в глазах простых плебеев только патриций обладал всеми сакральными ауспициями, и призывникам было отнюдь не безразлично служить под командованием того лица, которое способно представлять общину перед богами и снискивать их благорасположение.

Исходя из этого не совсем корректно принижать роль куриатных комиций в ранней Республике. Если их военно-политические функции отмерли, то сакральные и родовые остались нетронутыми. Вплоть до IV в. до н. э. куриатные комиции представляли хранителями империя общины как совокупности мощи исконной общины. Сам же куриатный закон об империи становится не формальностью или родовым пережитком, а техническим актом легитимизации избранного магистрата. Более того, активность куриатных комиций в эпоху республики даже возрастает, ибо принимался куриатный закон отныне не один раз за правление царя, а ежегодно после выборов высших магистратов-военачальников.

5. От *concilium plebis* до трибутных комиций

В ходе борьбы плебеев за равные права с патрициями возникли собрания плебеев по округам — трибам. Они назывались «сходками плебса» (*concilia plebis*). Первоначально они собирались в противовес патрицианским куриатным комициям. Но со временем их значение росло по мере усиления позиций плебеев в государстве. По закону 449 г. до н. э. они были преобразованы в трибутные комиции, а решения их — плебисциты (постановления плебса) — объявлялись обязательными для всех граждан, включая патрициев, после утверждения сенатом (Liv. III. 55. 3). В 339 г. до н. э. законом плебейского диктатора Публилия Филона подтверждалась обязательность плебисцитов для всех граждан, а сенат уже должен был утверждать их предварительно, на стадии законопроекта, что ослабляло зависи-

мость трибутных комиций от сенаторов (Liv. III. 12. 15–16). Сопротивление последних вызвало необходимость еще раз подтвердить в 287 г. до н. э. по *lex Hortensia* политические права трибутных комиций как общенародного собрания, а плебисциты освобождались от мнения сената.

С самого начала трибутные комиции отличал демократический характер. В них участвовали все жители триб независимо от состояния и сословия (ценза). Каждая из 35 триб имела один голос и равные права. Поэтому они представляли римский народ в наиболее полном виде, а численный перевес плебеев в сельских трибах помогал им нередко брать верх над патрициями. Недаром плебеи усиленно стремились превратить трибутные комиции в высший орган народовластия, оттеснив не только куриатные, но и центуриатные комиции от решения большинства государственных дел. Это встретило ожесточенное сопротивление патрициев.

Все же в конце V–IV в. до н. э. трибутные комиции сосредоточили в своих руках объявление войны и принятие большинства видов законов. Главными из них были земельные и долговые законы. Кроме того, они выбирали низших должностных лиц и ведали уголовными делами. Однако у них не было законодательной инициативы: они обсуждали только вопросы, внесенные магистратами и одобренные сенатом. В конце IV в. до н. э. реформы цензора Аппия Клавдия Цека еще более усилили демократическую направленность этих комиций. В эпоху реформ братьев Гракхов (II в. до н. э.) именно в трибутных комициях, превратившихся в основной вид народного собрания, кипели политические схватки и решалась судьба большинства римского крестьянства.

* * *

Подводя итоги, отметим, что военный характер центуриатных комиций в эпоху ранней Республики оказался идеально приспособлен для господства патрициев и сосредоточения власти в руках сената. Их структура обеспечивала перевес патрициев, полностью инкорпорированных в сервианскую военную организацию и составлявших центурии всадников и первого цензового разряда. Истоком комиций служили войсковые сходки, а принципы коллективного голосования и подчинения воинов командирам и дисциплине, где индивидуальный голос терялся в монолитной воле военно-полити-

ческой единицы, превращали центуриатные комиции в машину для голосования, что позволяло сенатской аристократии проводить нужные ей решения и избирать угодных ей магистратов-военачальников из своей среды.

Военный характер комиций неизбежно определял отсутствие у них законодательной инициативы, каких-либо механизмов контроля за исполнением уже принятых решений. Замечу, что учреждение коллегии плебейских трибунов таковым институтом считаться не может, так как их права и функции проявлялись вне центуриатных комиций. Поэтому в центуриатном собрании отсутствовала политическая борьба, а принцип, согласно которому законным считалось любое решение, принятое народом последним, позволял манипулировать комициями по усмотрению сената.

Анализ традиции позволяет еще раз подтвердить мнение, что центуриатные комиции с самого начала республики объединяли население Рима лишь в военном отношении как военнообязанных и представляли гражданство только в зависимости от способности нести воинскую службу. По сравнению с патрицианским куриатным собранием центуриатные комиции были более демократическим институтом, так как объединяли в одной войске, в общем политическом собрании, в одних цензовых разрядах и центуриях граждан независимо от сословной принадлежности. Они воплощали основной принцип раннеримской *civitas* — участие воинов в решении дел общины в зависимости от своего вклада в военную систему.

Итак, центуриатные комиции в период ранней Республики уже с первой половины V в. до н. э. стали основой формирования гражданского общества и правовых принципов политической и военной организации. Подчеркнем, что они были порождением реформы Сервия Туллия и периода существования патрицианско-плебейского государства. Получив политические функции, именно они сплачивали все население Рима в единое целое и превратились в выразителя суверенитета гражданского коллектива над магистратами. Не случайно, негодуя на засилье патрициев на Марсовом поле и узурпацию ими высших магистратур, плебеи никогда не посягали на права центуриатных комиций и изменение их структуры. Лишь между 241 и 218 гг. до н. э. с завершением «борьбы сословий» и усилением роли трибунного собрания центуриатные комиции

были безболезненно и автоматически реформированы, и каждая из 35 триб стала выставлять равное число центурий (всего 375) (см. тему 3, п. 1).

Тема 14

Консулы как верховные командующие ранней Республики

Армия не может существовать без военного предводителя, который не только проводит в ней принцип единоначалия, но и выступает в роли посредника между войском и гражданским (общинным) коллективом. В процессе образования государства формируется политико-правовой институт верховного командования воинскими силами. Он непосредственно определяет характер собственно военной организации и способ ее функционирования, а также степень ее отчужденности от общества.

1. От военных преторов к общегражданским магистратам

В Риме в период республики верховное командование вооруженными силами *civitas* стали осуществлять консулы (до середины V в. до н. э. — преторы). Институт консулов занимал особое, центральное место в политико-правовой системе римского государства. Будучи верховными правителями, консулы осуществляли всю полноту исполнительной власти, как гражданской, так и военной. Исследованию этого института посвящена обширная литература (от Т. Моммзена, Д. Шwegлера и Дж. Де Санктиса до А. Момильяно, Й. Блайкена и А. Линтота). Однако при определении места и роли консулата в системе римского публичного права романисты оперируют в основном чисто юридическими источниками и рассматривают этот институт таким, каким он сложился в период классического римского права, нередко оставляя без должного внимания тот длительный и тернистый путь, который прошел консулат на пути развития римского государства. Но надо учесть, что с момента своего возникновения в 509 г. до н. э. коллегия консулов далеко не сразу заняла подобающее место в правовой системе римской конституции и неоднократно видоизменялась как по функциям и прерогативам, так и по форме. Как известно, она возникла в виде института преторов

как вождей войска (Gell. VI. 8.3; Plin. N.H. XLIII. 3.12; Cic. Orat. II. 165; *Fest.* P. 249 L; 174 L). Цицерон (Cic. Leg. III. 3. 8) производит «претора» от *praetire* — «идти впереди». Точка зрения о первоначальном правлении в Риме двух или даже трех преторов во главе с их руководителем *praetor maximus* поддерживается многими исследователями (Mazzarino, 1946; Bernardi, 1952. P. 17, 36; 1959. P. 743–766; Heurgon, 1967. P. 104–125; 1969 а. P. 164; De Martino, 1972. P. 221, 239; Richard, 1978. P. 466–472; Magdelain, 1990. P. 313–339).

Связь преторов с военной организацией прослеживается достаточно отчетливо (Cic. Orat. II. 105). Она проявляется в названии частей лагеря: *via praetoria*, *praetorium*, *porta praetoria*, *praetoria cohors* (Sall. Cat. 50. 5; *Fest.* P. 249 L). В войске преторы были неограниченными военачальниками, обладая высшим империем, наделяющим их сакральной мощью, без права провокации (Cic. Leg. III. 3. 6). Их правомочия базировались только на традиции, толкуемой сенатом. Характерно, что Ливий приписывает плебейскому трибуну Терентилию Гарсе требование об учреждении коллегии из пяти человек для выработки законов по уменьшению власти консулов (преторов), чтобы она опиралась на закон, а не на произвол (Liv. III. 8–9; ср. Aug. Vict. XXI. 1).

По словам Диона Кассия (VII. 19; ср. Diod. XII. 25. 2), именно после сецессии 449 г. до н. э. и реформ Валерия и Горация высшие магистраты впервые были названы консулами, а до того времени именовались преторами (стратегами) (Momigliano, 1969. P. 409–415; 1989 в. P. 171–181). Ливий также уточняет, что «в те времена консула принято было называть не судьей, а претором» (Liv. III. 55. 11–12). При этом консулы стали более зависимы от центуриатных комиций, чем от сената. Необходимо отметить в консулате существенный шаг по введению принципа коллегиальности и равноправности (*par potestas*) (Linderski, 1990. P. 44–48; Giovannini, 1990. P. 429–434; Kunkel, 1995. S. 8–9), что проявилось уже в смене их названия (*consules* от «совещаться») (Bleicken, 1981. S. 36–37; Lintott, 1999. P. 99). Каждый консул правил в течение месяца, после чего передавал свои полномочия коллеге. Возможно, именно с этого времени они приобретают право на собственных 12 ликторов и на отмеченное еще Моммзенем вмешательство в распоряжения друг друга (право интерцессии) (Моммзен, 1936. С. 234, 235). Интерцессия проявлялась в возможности действующему консулу наложить запрет на распоряжения или действия

своего коллеги и всех других магистратов, кроме цензора и диктатора (Ussani, 1996. P. 69 sq.; Neurgon, 1967. P. 124). Угроза патовой ситуации нивелировалась «высшим судом» — божественными знаменами или жребием. В. В. Дементьева подтвердила взгляд на ликторов как на символ возвышения магистратуры, олицетворение права ее носителя карать и казнить граждан, а не как на просто телохранителей или порученцев (Дементьева, 2004. С. 113–114).

Из-за неустойчивости своего положения в неразвитой политико-правовой системе и опаски проникновения в «святая святых» курульных магистратур «безродных» плебеев новоиспеченная коллегия вскоре подверглась ревизии и сосуществовала с экстраординарной магистратурой военных трибунов с консульской властью (444–367 гг. до н. э.) (подробнее о них см.: Дементьева, 2000). При этом под давлением патрицианского сената консулы утратили ряд своих прерогатив, как то проведения ценза в 443 г., а с 366 г. до н. э. и судебных функций, но сохранили свое значение полновластных военачальников. И наконец, с 367 г. до н. э. консулат прочно вошел в систему государственного управления как правовой общегражданский институт в виде равноправной коллегии двух консулов из патрициев и плебеев на паритетных началах (Cassola, 1988. P. 431–481; Musti, 1988. P. 374 sq.).

Прежде всего рассмотрим правомочия консулов в архаический период именно в военной сфере, чтобы определить их роль и место в публично-правовых отношениях римского общества периода генезиса государства. И для начала следует ответить на вопрос: являлись ли консулы верховными командующими и распорядителями воинских сил раннеримской общины? Для этого обратимся к анализу конкретных сведений античных историков, а не только юристов.

Первым объемную характеристику полномочий консулов дал, как известно, во II в. до н. э. Полибий: «Консулы, пока не выступают в поход с легионами и остаются в Риме, вершат все государственные дела; ибо все прочие магистраты, за исключением плебейских трибунов, находятся в подчинении у них и покорности; они также вводят посольства в сенат. Кроме того, консулы докладывают сенату дела, требующие обсуждения, и блюдут за исполнением состоявшихся постановлений. Ведению консулов подлежат и все государственные дела, подлежащие решению народа: они созывают народные собрания, вносят предложения, они же исполняют постановления

большинства. Далее они имеют почти неограниченную власть во всем, что касается приготовлений к войне и вообще военных походов, ибо они властны требовать по своему усмотрению войска от союзников, назначать военных трибунов, производить набор солдат и выбирать годных к военной службе. Кроме того, они властны подвергнуть наказанию всякого, кого бы ни пожелали, из подчиненных им в военном лагере. Они вправе расходовать государственные деньги, сколько угодно, так как за ними следует квестор, готовый исполнить каждое их требование. Поэтому всякий, кто обратит свой взор только на эту власть, вправе будет назвать римское государство истинной монархией или царством» (Polyb. VI. 12).

Таким образом, консулы в трактовке Полибия совмещали в себе распорядительную и исполнительную власти, что позволяло им, не обладая напрямую законодательной властью, оказывать существенное влияние на формирование римской внутренней и внешней политики. Это и давало основание античным авторам постоянно сравнивать власть консулов с царской. Однако из описания Полибия следует выделить обязанность консулов докладывать сенату о важнейших делах, в первую очередь военных, и безусловно исполнять постановления сената и решения народного собрания. Иначе говоря, власть консулов являлась опосредованной сенатом и комициями. Не случайно Варрон замечает, что консул приказывал «через центуриатные комиции» (Polyb. VI. 93).

К числу других правовых ограничений консульской власти относятся интерцессия плебейских трибунов и право провокации (Liv. III. 55. 4–6), которые суживали консульскую компетенцию (De Martino, 1988. P. 360; Lintott, 1972. P. 226, 240). И здесь мы видим кардинальную особенность римского правового менталитета — основой власти консулов выступает не норма права (*ius*). Интересно, что мы не находим в источниках (ни у Ливия и Дионисия Галикарнасского, ни у Луция Цинция или Феста) сколько-нибудь четкого законодательного определения сферы компетенции консулов, кроме упоминания об учреждении магистратуры с провозглашением республики и восстановлении ее с правом провокации в 449 г. до н. э. На деле вся их власть и правомочия, как показано в предыдущей теме, имели истоком сакральный империй, лежащий в русле божественного права (*fas*) (Alfoldi, 1967. P. 261–286; De Martino, 1988. P. 358; Kunkel, 1972. P. 8–12). Только божественная воля, а не юридические нормы гражд-

данского коллектива, давали магистрату в архаическом Риме право отдавать приказы (*imperare*), требовать их исполнения и наказывать за неподчинение вплоть до смертной казни.

Еще Валерием Публиколой был принят закон о наказании за неповиновение консулам (*Lex Valeria de multae dictione si quis consulibus non oboedivisset*) (Plut. Popl. 11. 4; Dionys. X. 50. 1). И хотя он подтверждал полновластие консулов, его можно считать первым шагом на пути введения магистратуры в законодательные рамки *ius*. (Недаром Плутарх отмечал, что он был более выгоден плебеям, нежели влиятельным патрициям — потенциальным консулам.)

Для нашей темы на первом месте стоит вопрос: имел ли консул право объявлять войну по своему усмотрению? Наиболее стандартным является описание Ливия: «...Тит Квинкций (465 г. до н. э.) созвал сенат, с его одобрения приостановил рассмотрение судебных дел, оставил Рим на попечение Квинта Сервилия и выступил на защиту римских границ...» (Liv. III. 3. 6). Итак, консулу, конечно, принадлежало право созывать сенат (*ius senatus habendi*), в том числе в случае угрозы нападения противника (Liv. III. 30. 3; Dionys. VI. 23. 3; Cic. Leg. III. 4. 10), и выступать с инициативой войны (*ius edicendi u ius referendi*), но решение об объявлении войны и военные приготовления (например, закрытие судов) производились только с одобрения сената (*ex auctoritate patrum, ex senatus consulto*) (Liv. VIII. 6. 5–8), а с середины V в. в ряде случаев — и центуриатных комиций (*iussu populi*). Не составляли исключения и войны, не законченные в ходе одной кампании. Процедура же объявления *bellum iustum* находилась целиком в компетенции *ius fetiale*.

Одним из важнейших правомочий консулов было руководство набором воинских сил, о чем говорил Полибий. Однако возникает вопрос: кому принадлежала инициатива в проведении набора? (Подробнее см.: Токмаков, 2003. С. 87 и след.) Обратимся к пассажу Ливия (Liv. II. 27. 12; 28. 2–5): в 494 г. до н. э. плебс, невзирая на угрозы консулов, противился набору; когда консулы сообщили сенату о недовольстве плебеев, сенаторы сделали им строгое внушение, что «в деле, которое подвластно консулам, ненависть к себе (к консулам) они перекладывают на сенат». Но здесь же наш источник оговаривается, что консулы должны действовать по воле сената, который, в конечном счете, решает как можно строже провести набор.

Множество аналогичных сообщений традиции не дают нам оснований предполагать полную самостоятельность и независимость консулов в проведении воинского набора. Правда, именно они, согласно Ливию, Дионисию Галикарнасскому, Полибию и др., издают специальный эдикт с объявлением дня набора и размеров призывного контингента, а эдикт оглашается на *contio* (Liv. III. 69. 6; XXII. 11. 3). Но самостоятельно консулы имели право на набор только стандартных *exercitus consulares*, что отмечал еще историк римского права Е. А. Скрипилев, дополнительное же число или дополнительный набор определялись санкцией сената (Скрипилев, 1949. С. 162) (см. тому 16).

Консулы же (до III в. до н. э.) сами проводят набор и назначают день сбора войска на смотр и люстрацию (подробнее см. тому 11). Но и в этом они встречали противодействие, особенно со стороны плебейских трибунов. Так, в 461 г. до н. э. во время противоборства по поводу рогации Терентилия Гарсы консулы расставили на краю Форума кресла и начали набор, но трибуны запрещали вызывать военнообязанных и силой вырывали из рук ликторов тех, чьи имена выкликали консулы (Liv. III. 11. 1–2).

Относительность самостоятельности консулов в распоряжении войском видна и в способе определения провинций, или театров военных действий. У Ливия встречаем три способа: по жребию (*sortitus, in sortem*), вне очереди (*extra ordinem*) и по решению сената (*ex senatusconsulto*). Первый способ предполагает формальное равенство консулов. Впервые, согласно Плутарху, бросали жребий еще консулы 509 г. до н. э. Валерий и Гораций, кому освящать храм Юпитера, а кому выступать на войну с вейянами. Однако учтем, что в данном случае речь идет не о разделе командования, а о споре за почетное право, что не дает основания считать этот принцип общепотребительным до середины V в. до н. э., т. е. до учреждения собственно коллегии консулов. С другой стороны, Ливий замечает, что до консула-плебея 295 г. до н. э. Публия Деция «все консулы получали область военных действий по жребию» (*sortitos*), а теперь вдруг сенат без жребия (*extra sortem*) поручает ведение войны Фабию (Liv. X. 24. 10). Однако конфликт Деция приобретает скорее характер столкновения поддержанного плебсом консула-плебея и патрицианского сената, желающего сохранить военное командование в руках патрициев (Ibid. 24. 3). Тогда же впервые эта правовая коллизия раз-

решается в народном собрании, на чем настаивает Деций, явно желая создать юридический прецедент.

Второй способ указывает на существование определенного порядка, очередности, а возможно, договоренности консулов между собой (в чем Й. Блайкен правомерно усматривал проявление принципа коллегиальности) (Bleicken, 1981. S. 36–37). Так, вне очереди (*extra ordinem*) ведение войны поручается Фабию в 466 г. (Liv. III. 2. 2), Фурию Камиллу – в 382 г. (Ibid. VI. 22. 6) и Попилию – в 350 г. до н. э. из-за болезни второго консула, который, вероятно, должен был отправиться на войну (Ibid. VII. 23. 2). Сам термин не исключает как жребия, так и добровольного подчинения одного консула другому. Однако необходимо отметить, что разделение провинций не означало раздробления империя, так как каждый консул в своем войске был единственным представителем *civitas*. Третий способ распределения провинций показывает, что верховным арбитром оставался сенат (см. тему 16).

2. Место консулата в политической системе

Традиция рисует картину полновластия консулов в войске во время войны. Как уже говорилось, за померием прекращалось право провокации и защиты плебейских трибунов (Liv. III. 20. 7; Cic. Leg. III. 3. 6). Воины давали клятву лично консулу (*sacramentum*), а точнее, сакральным обетом вручали свои жизни высшей власти его империя. Консул силой данного ему империя мог приговорить воина к смерти (право *coercitio et iudicatio*), провести децимацию или казнить бежавших из строя (Токмаков, 1997 а. С. 46 и след.; 2003. С. 89). Однако было бы неверным преувеличивать власть консулов даже в войске. В своем командовании они обязаны были давать отчет сенату по возвращении из похода. Сенат же определял, достоин ли консул триумфа. Хотя замечание Ливия о требовании консулом положенного ему триумфа (Liv. III. 9. 5; 10. 2–4) обнаруживает существование закрепленного в обычном праве некоего минимума заслуг, которые влекли за собой присуждение триумфа (Alföldi, 1967. S. 262). С другой стороны, консул рисковал подвергнуться судебному преследованию за жестокость или бездарность командования, несправедливое разделение добычи, но только после сложения им своих инсигний и империя, защищавшего его от суда. Характерно, что консул мог быть вызван в суд как плебейским трибуном, так и эдиллом или даже,

по некоторым данным, квестором (Dionys. IX. 51. 2; Cic. Resp. II. 35. 60). Источники не позволяют определенно ответить на вопрос, держал ли консул отчет перед центуриатным собранием в своей деятельности, но участие последнего, как и позднее трибунного, в определении меры наказания бывшим магистратам несомненно. Также впервые в 449 г. до н. э. триумф был присужден центуриатным собранием (Liv. III. 63. 9–11).

Наконец, правомочия полководца в архаическом Риме были ограничены поведением самого войска, активно выражавшего свои симпатии и антипатии (см. тему 9). Несомненно, здесь мы видим проявление неразвитости правовых принципов взаимоотношений воинов и консула. Воины смотрели на него как на своего патрона, взявшего на себя покровительство над ними и обязательство беречь бойцов и содействовать их обогащению за счет добычи. В случае нарушения полководцем этих своего рода обязательств воины считали себя вправе реагировать неповиновением «нарушителю контракта». Однако с конца V в. до н. э. взаимоотношения консулов и воинов постепенно начинают переходить на юридическую колею. Это проявлялось в упорядочении процедуры набора и оформления номенклатуры наказаний за воинские преступления, в том числе за уклонение от призыва. Определяется также система поощрений воинов почетными венками, освобождением от лагерных работ и обязанностей (бенефиции), двойным денежным подарком или повышенным жалованием.

Военный империй обеспечивал свободу действий консулам во время войны. Они были свободны в выборе места сражения, тактики и т. д. Однако ни один шаг не мог быть совершен без ауспиций. Кроме того, источники демонстрируют характерную зависимость действий военачальника от настроения и желания воинов.

Обращает на себя внимание, что, вопреки убеждению поздних авторов и юристов, во время диктатуры консулы не слагали свои полномочия, а продолжали исполнять обязанности и даже командовать войсками либо под руководством диктатора, как его легаты с *imperium minoris*, либо во главе собственных консульских войск. Это объясняется тем, что, передав диктатору высший империй, консулы сохраняли свою *potestas*, т. е. высшую должностную власть (Kunkel, 1995. P. 22; Giovannini, 1990. P. 431; Cassola, 1988. P. 461).

Как мы помним из Полибия, консулы обладали правом назначать себе помощников, например, *praefectus urbi*, а также центурионов. Впрочем, на практике центурионы нередко избирались собственными центуриями (Liv. III. 5), а попытка консулов записать Публилия Волерона рядовым вместо положенной должности центуриона вызвала протест с его стороны (Liv. II. 55. 4). Ограничены были консулы и в назначении квесторов (Тацит упоминает о возобновлении Брутом куриатного закона по этому поводу — Tac. Ann. XI. 22. 4; Ulp. D. 1. 13. 1). Уже говорилось об избрании или одобрении квесторов (по меньшей мере двух) центуриатными комициями еще по закону Валерия Попликолы (Plut. Popl. 12. 2). Согласно Ливию, часть военных трибунов (руфулов) первоначально назначалась консулами, но уже в V в. до н. э. другую их часть стали избирать в комициях, а с IV в. до н. э. все военные трибуны проводились через голосование комиций (Liv. IX. 30. 3). Таким образом, консулы опять-таки не обладали исключительными правомочиями назначать себе помощников и войску командиров.

Согласно Полибию (Polyb. I. 49. 5; 11. 29, 8; Dionys. X. 25. 1), консулы обязаны были отдавать часть добычи в казну, а часть распределять среди воинов подушно или по центуриям. Но это для II в. до н. э., а в архаическом Риме консул мог либо пожаловать ее всю воинам, либо просто отдать им город на разграбление. Причем нередко такая акция предпринималась для завоевания расположения или усмирения воинов. Со второй половины V и в IV в. до н. э. постепенно утверждается практика передачи добычи квесторам для продажи с торгов или доставки ее в государственную казну (эрарий). Это свидетельствует о правовом упорядочении деятельности военной организации, введении ее в строгие законодательные рамки и о превращении войска из общинного ополчения под началом военного вождя в элемент государственного механизма, который регулируется правовыми рамками.

Наконец, следует выделить правомочия консулов в процедуре заключения мира. Участие консула просматривается в том, что обычно именно он вводил или направлял вражеских послов в сенат, несомненно имея с ними предварительные договоренности. В остальных случаях консулы имели право заключать только предварительный мир (*sponsio*), т. е. клятвенное обещание с ручательством консула об

одобрении его сенатом и народом. Так, после поражения в Кавдинском ущелье консулы ссылались на то, что «без веления народа договор заключить невозможно, так же как без фециалов и без прочих торжественных священнодействий» (Liv. IX. 5. 1–2). Если консул смел сам заключить мир, это считалось превышением его полномочий и влекло гнев и кары со стороны сената (Liv. III. 63. 6–7). Известный случай с выдачей самнитам после Кавдия консулов Ветурия и Постумия римскими авторами оправдывался тем, что мир был теми подписан лишь предварительно, а с сенатом и народом переговоров о мире еще не было, следовательно, они ни за что не ручались (Liv. IX. 9. 16–18; Cic. De off. III. 30. 109).

Напротив, источники особо отмечают «добродетельное» поведение Марка Фурия Камилла (хотя он и занимал должность консулярного трибуна. — В. Т.), который по всем вопросам войны и мира совещался с сенатом и следовал его указаниям, а послов с просьбами о мире отсылал в Рим, в сенат (подробнее см.: Токмаков, 2005. С. 582–606). Дионисий Галикарнасский (Dionys. V. 60. 2–3) передает аналогичный эпизод с Ларцием (начало V в. до н. э.), который, заняв город, не сделал ничего по своей ответственности, но возвратился в Рим и, созвав сенат, передал ему право решать судьбу сдавшегося врага. Сенаторы в восторге от такого уважения оставили право решения консулу, дав ему полномочия делать все по своему усмотрению. Хотя данный эпизод носит оттенок морализаторства о времени гражданской гармонии, достоверность отражения в нем принципов взаимоотношений консулов и сената не вызывает сомнения и подтверждается сообщением о заключении мира с вольсками Спурием Кассием, текст которого был выбит на бронзовой колонне (Liv. II. 33. 9). Так же консул 465 г. до н. э. Квинт Фабий возвращается от эквов с миром и предлагает новый мир на своих условиях (Liv. III. 2. 2–4). Возможно, в первой половине V в. до н. э. прерогативы заключения мира еще не были полностью узурпированы сенатом, но в любом случае консул-претор получал полномочия на это именно от сената с повелением выступать в поход. Таким образом, и в этой части своей компетенции консулы были ограничены властью сената.

* * *

Итак, проведенный обзор военных правомочий консулов в архаическом Риме позволяет заключить, что они осуществляли верхов-

ное командование, но не верховное распоряжение войском. Основой и источником их власти был идущий из глубин родового строя сакральный империй, а не правовые нормы гражданской общины, что порождало юридический зазор между их не ограниченным и не определенным конкретным законодательством полномочиями и практикой применения этого полномочия в условиях активного правового нормотворчества формирующегося государства. Характерно, что первым шагом стал символический акт ограничения империя суверенитетом народа и закона — путем склонения фасций консулов в народном собрании. Так, постепенно консулы были ограничены в своих прерогативах центуриатными (а затем трибунными) комициями, которые их избирали, в гражданской сфере Законами XII таблиц, а в военной — поведением собственного войска, а также правом интерцессии плебейских трибунов. Долгое время консулы находились на развилке между подотчетностью сенату и ответственностью перед гражданским коллективом. Правовая зависимость консулов от сената проявлялась в том, что сенат мог как минимум отказать консулу в триумфе, мог постановить выбирать вместо них консулярных трибунов, а мог и просто изъять у них империй, повелев назначить диктатора. Все это породило длительную борьбу, которая выходила далеко за рамки борьбы плебеев за доступ к консулату, хотя и была подспудной и не такой яркой. Это была борьба за превращение консулов из военных вождей в общегосударственных магистратов, за легитимизацию их коллегии в гражданской конституции и за правовую фиксацию их места в системе политического управления.

Тема 15 ***Происхождение и военные прерогативы*** ***раннеримской диктатуры***

Римская диктатура ранней Республики представляла собой уникальный политический институт. До сих пор в историографии не утихают споры о происхождении и сущности древней диктатуры, а также об отличии ее от диктатуры поздней Республики. В свое время бытовала теория, что диктатура была переходной магистратурой

от царской власти к консульской, вплоть до децемвирата, и даже существовал особый период «диктаторских лет» (Schwegler, 1858. S. 125; 586–589; Beloch, 1926. S. 231–236; De Martino, 1958. P. 189, 375; Flach, 1994. S. 11–18). Другие исследователи отстаивали версию о тождестве диктатора с так называемым *praetor maximus*, единоличным главой общины в начале республики (Heurgon, 1967. P. 104–112; von Lubtow, 1955. S. 179–191; 1965. P. 97; De Martino, 1958. P. 176, 215; 1972. P. 233–246; Нетушил, 1894. С. 158).

Социально-политические условия возникновения диктатуры

Дискуссии вызывает не только происхождение, но даже название этой экстраординарной магистратуры. Дело в том, что ряд источников (Варрон (Varro. LL. V. 82), Фест (Fest. P. 216 L), Цицерон (см. ниже) отождествляют диктатора с *magister populi* («предводитель вооруженного народа»). Данное обстоятельство побуждает многих исследователей (Bernardi, 1952. P. 25–26; Cohen, 1957. P. 308; 313–317; Gjerstad, 1966. P. 25 ff; Alföldi, 1967. S. 238; Скрипилев, 1949. С. 145–147; Дементьева, 2004. С. 170) связывать эту магистратуру с периодом царей и видеть в *magister populi* обладавшего империем заместителя царя на время его болезни или ранения (Palmer, 1970. P. 216).

Но традиция умалчивает о времени учреждения должности *magister populi*. Скажем, тонкий знаток публичного права Цицерон прямо сообщает о введении диктатуры через десять лет после избрания первых консулов (т. е. около 500–499 гг. до н. э.) (Cic. Resp. II. 32. 56; Dionys. V. 72–73; Liv. II. 18). Далее Цицерон рассуждает о трудности для консулов делить военное командование, что и послужило причиной введения диктатуры. И в этом контексте он оговаривается, что «диктатор так называется оттого, что его назначают (*dicere*), но в наших книгах... его называют главой народа (*magister populi*)» (Cic. Resp. I. 40. 63). Но и сам великий юрист, и его собеседники Лелий и Сципион Эмилиан были членами коллегии авгуров, непосредственно ведавших проведением ауспий, и толкователей священных знамений. Логично утверждать, что термин *magister populi* отражал не политическое наименование диктатуры, а ее тайную, сакральную ипостась, зафиксированную в авгуральных книгах.

Это не означает, что этим термином не мог обозначаться сам царь как военный вождь. Но логические предположения не дают основания считать республиканскую диктатуру прямой наследницей этой должности и титулатуры, как и «прямым порождением традиций царской власти», на чем настаивает В. В. Дементьева (Дементьева, 1996. С. 38). Тем не менее, возникнув в иных исторических условиях и с иным правовым содержанием, диктатура могла воспринять древний сокровенный термин для сохранения непрерывности военного империя и действия ауспий. Не исключена здесь и аналогия с введением при республике должности «царя священнодействий» (*rex sacrorum*) как преемника жреческих функций упраздненных царей (Сморчков, 2002. С. 40–45).

Говоря о времени и обстоятельствах учреждения диктатуры, выделим главное: 1) римская традиция помещает их в обстановку Первой Латинской войны; 2) данное событие трактуется как нововведение, а не восстановление древней должности. «В ожидании столь тревожных для государства событий, — утверждает Ливий, — впервые заговорили о необходимости избрать диктатора» (Liv. II. 18. 4).

Во время Латинской войны (501–493 гг. до н. э.) против Рима выступили 30 латинских городов. Во главе их встал зять изгнанного царя Тарквиния Гордого Октавий Мамилий. Ливий именует его тускуланским вождем (*dux Tusculanum*) (Liv. I. 49. 9). Это дало основание Б. Нибуру видеть в устройстве руководства Арицийской лиги образец для создания римской высшей власти (Niebuhr, 1833. Bd. 1. S. 589). Г. Де Санктис, или В. Зольгау возводили диктатуру к институту верховных правителей Тускула, Альба-Лонги, Ариция и т. д. (De Sanctis, 1955. P. 409–410; Soltau, 1914. S. 382; ср. Ridley, 1979. P. 307). Например, А. Розенберг усматривал в римской диктатуре не только латинские, но и этрусские корни (наподобие правителей этрусских городов — «зилаков» или «марунухов») (Rosenberg, 1913. P. 78–99).

Как бы то ни было, именно серьезность угрозы побудила римлян в 501 гг. до н. э. избрать первого диктатора — Тита Ларция, который назначил начальником конницы Спурия Кассия (Liv. II. 18. 5). А уже через год второй диктатор Авл Постумий с начальником конницы Титом Эбуцием с огромным трудом вырывают у противника победу при Регильском озере (499 г. до н. э.), причем Октавий Мамилий был

сражен в конном поединке с Эбуцием (Liv. II. 19). Ливий (Ibid. 18) и Дионисий Галикарнасский (Dionys. V. 70) упоминают о принятии специального закона о создании диктатуры (*lex de dictatore creando*), из которого известно лишь о правиле назначать на эту высшую должность исключительно бывших консулов. Но диктаторы Квинт Сервилий Приск (435 и 418 гг. до н. э.) (Liv. IV. 21. 9; 46. 10), Авл Постумий (431 г. до н. э.) (Liv. IV. 26. 11) и Публий Корнелий Косс (408 г. до н. э.) (Liv. IV. 57. 6) не исполняли консульской должности. Вероятно, такой порядок сложился постепенно. Поэтому В. В. Дементьева в специальном блестящем исследовании правовых основ магистратуры диктатора констатирует невозможность реконструкции этого закона (Дементьева, 1996. С. 23).

По мнению Т. Моммзена, необходимость введения диктатуры объяснялась тем, что во время войны равные права консулов должны были вызывать опасения (Моммзен, 1936. С. 239, 252). В науке преобладает точка зрения на военную направленность диктатуры, особенно в V в. до н. э. (Madvig, 1881. Bd. 1. S. 484; Soltau, 1914. S. 207; De Martino, 1958. P. 229; Bleicken, 1992. S. 32; von Lübtow, 1965. S. 111; Игнатенко, 1988. С. 67). Однако нередко военная опасность сознательно преувеличивалась сенатом (Liv. IV. 23. 5; 56. 8; VII. 28. 2; IX. 28. 1 etc.). Заметим также, что по накалу многие войны, которые вели диктаторы, мало отличались от обычных, руководимых консулами. Это заставляет искать и иные причины назначения диктаторов.

Дион Кассий передает: «...когда вспыхнула новая война латинов против Рима, плебс потребовал кассации долгов и отказался братья за оружие. Поэтому знать тогда в первый раз учредила новую должность, которая имела юрисдикцию над обоими сословиями» (Dio Cass. Fr. IV apud Zonar. VII. 13). Со всей определенностью сие обстоятельство зафиксировано в «Дигестах» (D. 1. 2. 18): «Затем с возвышением народа, когда начались частые и все более жестокие войны с соседями, под давлением обстоятельств было решено ввести должность с большей, чем консулы, властью, и таким образом были учреждены диктаторы». Ему вторит Дионисий Галикарнасский, отмечая не только военную опасность, но и всплеск социальных неурядиц из-за роста кабального рабства плебеев и их нежелания братья за оружие (Dionys. V. 63; 67. 5; 68. 1). О массовом возмущении кабальных рабов и должников глухо поминается в римской

письменной традиции под 501–500 гг. до н. э. (Ельницкий, 1964. С. 180; Кофанов, 1994. С. 122–124).

Эти данные прекрасно иллюстрируют красочные картины обострения социальной борьбы плебеев против роста долгов и кабалы накануне 1-й сецессии плебеев (495–494 гг. до н. э.) у Ливия (II. 23–32) и Дионисия Галикарнасского (V. 63–70) (о них уже говорилось в предыдущих темах). Поэтому для сената важным было сосредоточение власти в одних руках, что обеспечивало беспрепятственное проведение полного набора войск, так как на время диктатуры прекращалось действие права провокации и интерцессии консулов, как и позднее плебейских трибунов. (Поэтому диктатура и возникла не сразу после изгнания царей и во время осады Рима Порсеной, ведь закон о провокации был принят при Валерии Попликоле позже, в 509 г. до н. э.)

Власть и компетенция диктаторов

Власть диктатора считается вышей (*imperium summum*); Цицерон говорит о сосредоточении в его руках империя обоих консулов, о «царском роде империя» (Cic. Resp. II. 32. 56; Cic. Leg. III. 3. 8), а Дион Кассий — о монархической власти (Zonar. VII. 13). Однако Ливий передает, что диктаторы повелевают консулами, у которых царский империй (Liv. VIII. 32. 3). Иными словами, у них империй больше, чем у консулов (*imperium maius*), но не царский (Liv. VII. 3. 8). Скорее, как тонко подметила В. В. Дементьева, объем власти диктатора «включал в себя полномочия в двух важнейших сферах — военной и сакральной, как восстановленного на время царского империя» (Дементьева, 1996. С. 35). Иными словами, исследовательница уверена, что власть «начальника народа» отличалась от власти царя не объемом полномочий, а сроком их исполнения. Это проявляется и во внешнем обрамлении диктатуры — свите в 24 ликтора (von Lubtow, 1965. S. 96; De Martino, 1972. P. 243 sq.).

Анализ источников выявляет некий парадокс. С одной стороны, в источниках распространено убеждение, что с избранием диктатора полномочия всех остальных магистратов прекращались (Plut. Cam. 29), а Цицерон заявляет, что «других магистратов да не будет» (Cic. Leg. III. 3. 9). С другой — конкретные данные источников рисуют картину сохранения в период диктатуры консулов, которые продолжают командовать войсками, правда, уже в качестве под-

чиненных диктатора, но сохраняют полномочия (*potestas*), а после завершения диктатуры вновь обретают империй.

Диктатору запрещалось ездить на лошади, пока не отправится на войну (Zonar. VII. 13; Plut. Fab. Max. 4; Liv. XXIII. 14. 2). Это отражало его юрисдикцию только над пешим войском. Диктатор не мог производить каких-либо трат из государственной казны без санкции центуриатных комиций (Cass. Dio. Fr. IV apud Zonar. VII. 13), т. е. был ограничен в расходах. Вплоть до IV в. до н. э. диктатор не назначался для управления внутренними делами государства (*rei gerundae causa*). Да и то лишь в 326 г. до н. э. серьезно заболевший консул получил приказ сената назначить диктатора Луция Папирия Курсора с такой формулировкой (Liv. VIII. 29. 9).

Далее, назначать диктатора мог только консул или консулярный трибун (Liv. IV. 13. 14; 26. 11; 31. 4; VII. 12. 9). Само название происходит от слов "*dicto, dicere*" (Dionys. V. 73. 10). Центуриатные комиции были отстранены от этого важнейшего назначения. Впервые народ избрал диктатором (*dictatorem populus creavit*) Квинта Фабия Максима в 218 г. до н. э. после разгрома римлян Ганнибалом у Тразименского озера (Liv. XXII. 8). Но этот, по выражению самого Ливия, «небывалый случай» был вызван отсутствием в Риме каких-либо высших магистратов: консул Гай Фламиний был убит в сражении, а до второго в Галлии было не добраться через занятую врагом территорию. Правда, в аналогичной ситуации Марк Фурий Камилл в 390 г. до н. э. был избран диктатором *iussu populi* и заочно (Liv. V. 46. 10). Причем имелись в виду куриатные комиции из остатков населения на осажденном галлами Капитолии; о созыве центурий в разгромленном городе и не помышляли. Тогда вспомнили об изначальной роли курий, которые обладали правом вручать империй по *lex curiata*. Куриатный закон придавал власти диктатора легитимный характер, вводил ее в рамки политической системы и наделял сакральной санкцией (Сморчков, 2003. С. 26–27).

Вообще процедура назначения диктатора была пронизана религиозным пиететом. Консул производил назначение лишь по особому знаменю в виде полета птицы слева (Cic. Leg. III. 3. 9). Но отнюдь не по собственному желанию или выбору, а исключительно по прямому распоряжению сената (Liv. IV. 21. 10; 23. 5; V. 46. 10; VII. 6. 12; VIII. 15. 6). Источники подчас даже не упоминают об участии консула, ограничиваясь указаниями на то, что «сенат назначил дик-

татора» (Liv. III. 26. 6; IV. 17. 9; VII. 25. 11; VIII. 29. 9; IX. 38. 9–14). После этого провозглашенный диктатор также совершал ауспиции перед назначением начальника конницы и вносил свой империй на утверждение куриатных комиций (Liv. IX. 38. 15; XXII. 33. 11). Сакральный характер власти диктаторов проявлялся и в том, что они никогда не были подотчетны народному собранию и не привлекались к ответственности за плохое исполнение обязанностей.

Любопытно, что в источниках не обнаруживается никаких правовых ограничений сословной принадлежности диктаторов. Она даже не была законодательно закреплена за патрициями. Подобная лакуна в правовых нормах объясняется тем, что диктатором мог стать, как правило, только консуляр (Liv. II. 18. 5; Dionys. VI. 2. 3), а консулом (да и любым магистратом, особенно с империем) до 367 г. до н. э. — только патриций, который после сложения полномочий занимал место в сенате. Диктатором назначался и действующий консул. Таким образом, диктатура являлась в период ранней Республики формой прямого сенатского руководства военными силами *civitas*. Лишь с допуском плебеев к консульской магистратуре появляются и диктаторы из плебеев — первым стал Гай Марций Рутил в 356 г. до н. э. (Liv. VII. 17. 6).

Диктатор не мог действовать без начальника конницы (*magister equitum*). В этом воплощалась дихотомия в военной организации пешего войска и конницы. Можно сказать, диктатор командовал начальником конницы, но не всадниками. Но *magister equitum* не был и равен диктатору. Он назначался им и слагал полномочия в один день с ним. Он не был подотчетен никому, кроме диктатора. Кроме прямых обязанностей командования конницей в бою, *magister equitum* исполнял и другие поручения диктатора, включая судебные (вспомним начальника конницы Сервилия Агалу — Liv. IV. 14), обладая своего рода «передаточными полномочиями» (*potestas*) и *imperium minor* (Polyb. III. 87. 9; VI. 39. 4). Возможно, поэтому на их должность назначались нередко коллеги консулов или даже близкие родственники диктаторов (Liv. IV. 17. 9; 31. 3; 46. 10–11; 57. 6; VII. 19. 10; 26. 12; VIII. 12. 2; 15. 6; 22. 6; IX. 29. 3; 38. 15).

Цели введения диктатуры и ее историческая роль

Суммируя конкретные данные традиции, можно выделить следующие причины и обстоятельства назначения диктаторов в период ранней Республики.

- Диктаторы назначались преимущественно в случае серьезной внешней угрозы, во время тяжелой или продолжительной войны для выполнения конкретной задачи и на срок не более шести месяцев. Однако главной целью было не просто сосредоточить верховное командование в одних руках. Хотя сам факт назначения диктатора и особый сакральный флер его власти «взбадривал» римлян, понуждая их к послушанию и поднятию боевого духа, и нередко вселял трепет в противника (Liv. II. 18; VI. 28). Скорее, цель введения диктатуры состояла в необходимости для сената отменить под благим предлогом действия ряда положений центуриатной конституции, прежде всего право провокации.
- К введению диктатуры прибегали в условиях внутренних смут для того, чтобы сохранить единство общества под контролем сената, подавить социальные эксцессы, нейтрализовать активность плебейских трибунов отменой права защиты плебеев и интерцессии на решения магистратов, не допустить или отсрочить внесение ими в комиции нежелательных сенату и патрициям законопроектов (особенно в аграрной и долговой сферах), наконец, чтобы просто пресечь сопротивление плебеев призыву в войско. Так, Ливий замечает, что помыслы Марка Манлия Капитолийского в 80-х гг. IV в. до н. э. о кассации долгов и перевороте побудили сенат назначить диктатора Авла Корнелия Косса (Liv. VI. 11. 10). Во время борьбы за законы Лициния и Секстия в 368 г. до н. э. были назначены поочередно сразу два диктатора. Иначе говоря, внешняя угроза зачастую прикрывала внутренние противоречия формирующегося государства. Диктатура идеально подходила для осуществления этих задач. Главным козырем становится отсутствие при ней права провокации. Это приводило к бесконтрольности диктатора со стороны центуриатного и трибутного собрания.

Ливий откровенно сообщает, что во время движения Спурия Мелия в 30-е гг. V в. до н. э. консул Тит Квинкий Капитолин так обосновал «бессилие» консулов запретить сходки плебеев и усмирить раздачи продовольствия беднякам (Liv. IV. 13. 11–12): «...ведь консулы связаны законом об обжаловании, внесенным для ослабления их власти, и если им хватает духу совершить возмездие, соответствующее тяжести преступления, то полномочий на это они не имеют;

тут нужен не просто храбрый человек, но свободный, не связанный путами закона (о провокации. — В. Т.). А потому он намерен назначить диктатором Луция Квинкция — вот человек, достойный этого звания». И престарелый ненавистник плебеев Квинций Цинциннат (заметим, близкий родич Квинкция Капитолина!) оправдал высокую миссию. Он немедленно ввел «военное положение» и приказал арестовать смутьяна Спурия Мелия без предъявления каких бы то ни было обвинений. Пытавшийся воспротивиться Мелий был настигнут начальником конницы Сервилием Агалой и хладнокровно зарезан кинжалом как оказавший неповиновение империи магистрата. Используя растерянность простонародья, диктатор публично обвинил убитого Мелия в стремлении к царской власти и подготовке «антиконституционного путча» (Liv. IV. 14).

- Ливий передает, что после военного разгрома консулярных трибунов в 426 г. до н. э. был назначен диктатор для спасения положения (Liv. IV. 26. 6; 31). Потерпевшим поражение магистратам не доверяли проведения выборов преемников, которым могли перейти оскверненные ауспиции. Хотя свою *potestas* такой магистрат сохранял до конца срока полномочий, он лишался военного империя, и тогда в дело вступал диктатор.
- Наконец, источники содержат данные о назначении диктатора по настоянию сената для того, чтобы изъять на время империй у магистратов, неспособных или неугодных сенату (Liv. IV. 26. 5; VIII. 12. 10–13; 15. 5). Часто это вызывало протесты со стороны консулов, но сенат шел на все, чтобы отстоять свое право.

Как уже сказано, власть диктатора была ограничена шестью месяцами (Dionys. X. 25), хотя это был не регулярный, а предельный срок. Ограничение вызывалось продолжительностью летней военной кампании. Но Т. Моммзен справедливо отмечал, что диктатор не мог оставаться в своей должности дольше срока полномочий назначившего его магистрата (Mommsen, 1874. P. 137–138, 143–145, 148, 209; Моммзен, 1936. P. 239). Для римлян поздней эпохи было изумительно узнавать о примерах досрочного сложения диктаторами своих полномочий, например, Цинциннатом — через 16 дней (Liv. III. 29. 7). Очевидно, быстрое сложение диктаторами своих полномочий объясняется тем, что они назначались для выполнения конкретной, как правило, узкой задачи. Обычно таковой была даже не вся война или внутренний мятеж, а их конкретный эпизод. Так, Цинциннат был

назначен для экстренного оказания помощи осажденным в лагере войскам консула (Liv. III. 26), Камилл — для решительного штурма Вей (Liv. V. 19). В IV в. до н. э. с удалением театров боевых действий от Рима нередко назначались диктаторы для выборов новых магистратов, если действующих отзывать с войны сенат считал нецелесообразным. В ходе Второй Пунической войны такая процедура выборов консулов проводилась восемь раз. Особой формой диктатуры было назначение диктатора для исполнения религиозных обрядов (она выходит за рамки данной темы, но досконально рассмотрена в работах В. В. Дементьевой; см.: Дементьева, 1996. С. 49–58). Так, в 363 г. до н. э. был назначен диктатор «для вбития гвоздя» в стену храма ради избавления народа от чумы. Но когда он попытался выйти за рамки поручения и затеять войну с герниками, против него восстали все плебейские трибуны и вынудили его сложить власть (Liv. VII. 3. 3–8).

Итак, мы видим, что империй диктаторов был отнюдь не безграничен. Он был жестко ограничен подчинением сенату, который их фактически назначал, определял кандидатуры и поле деятельности. Исчерпание своей задачи не ликвидировало действие диктаторского империя (Liv. III. 29. 4; V. 23. 4–6; VII. 17. 9), но на практике лишало его законной сакральной силы. Не в этом ли причина столь быстрого сложения диктаторами своих полномочий в V в. до н. э.? Диктатор обладал властью над жизнью воина и общинника без права обжалования его приговора. Он распоряжался добычей и справлял триумф. Но нельзя не подчеркнуть, что политической магистратурой и тем более интегральным компонентом республиканской конституции (как считал Т. Моммзен и ряд других романистов. — Mommsen, 1887. Bd. II. S. 143; von Lübtow, 1955. S. 179–191) диктатура так и не стала. Этому препятствовал не только ее экстраординарный характер — множество подобных магистратур (интеррекссы, децемвиры и т. д.), как доказала В. В. Дементьева (1998; 2000; 2003), органично вписывались в политическую систему республики, занимая свою правовую нишу. Диктатура же разрывала преемственность высшей власти, действовала «на чужом поле» консулата и консулярного трибуната.

Анализ традиции убеждает, что раннеримская диктатура осталась вне правового поля конституционного устройства, хотя и регулировалась законодательными актами и сакральными обрядами. Она представляла собой форму узурпации власти сенатом в новой, центуриатной

организации *civitas*. Диктатура как сакрализованный орган означала перерыв (а не дополнение) в функционировании ординарных магистратур для мобилизации всех сил общества и государства перед лицом как внешних опасностей, так и внутренних смут, разрешение которых, в свою очередь, переключалось на внешнюю, военную деятельность. Отсутствие провокации и трибунской интерцессии обеспечивали патрицианскому сенату бесконтрольное управление через своих назначенцев — патрицианских диктаторов — не только военной организацией, но и всей гражданской общиной. А это закономерно создавало условия для «военной эксплуатации» плебеев в интересах патрициев, ради облегчения которой диктатура обычно и назначалась.

Недаром плебеи испытывали страх не столько перед грозным империем диктатора, сколько перед откатом общества на время его действия от принципов центуриатной конституции и перед нарушением своих гражданских прав в ней. Плебеи всегда были свято уверены, что диктатура направлена против них и их интересов и чаяний (Liv. II. 30. 6). Поэтому приходится с осторожностью отнестись к уверению В. В. Дементьевой, что основной целью диктатур был поиск компромиссов в сословной борьбе, без которых немислимо процветание *civitas* (Дементьева, 1996. С. 115 и след.). В самом деле, отдельные диктаторы безусловно радели об общем благе даже вопреки линии сената: яркий пример — диктатор 494 г. до н. э. Маний Валерий, который после отклонения сенатом его предложений по прощению должников сложил с себя полномочия, заявив, что не желает быть «напрасным диктатором» (Liv. II. 31. 9) (кстати, аргумент против неограниченности диктаторского империя!). Но в целом патрицианские диктаторы (в отличие даже от консулов, см. выше) истово блюли интересы патрициев, не останавливаясь перед прямым нарушением прав и свобод сограждан-плебеев, о чем неоднократно проговаривается Ливий. Характерно, что с достижением плебеями в IV в. до н. э. и этой должности острие империя диктатора оказалось неожиданно повернуто против самих патрициев. Это наглядно проявилось в кардинальных реформах плебейских диктаторов — Публилия Филона (339 г. до н. э.) (Liv. VIII. 12. 12–13) о допущении плебеев к цензуре и одобрении сенатом законопроектов до, а не после их утверждения комициями (см. тема 13, п. 5), и Квинта Гортензия (287 г. до н. э.) о признании равенства плебисцитов с законами

центуриатных комиций. А потому сия «обоюдоострая» (по меткому выражению Н. Н. Трухиной; цит. по: Дементьева, 1996. С. 114) должность постепенно начала исчезать из политической практики.

* * *

В заключение следует подчеркнуть, что магистратуры консулов, диктаторов и военных трибунов с консульской властью (о последних см.: Дементьева, 2000) в ходе становления в Риме государства выросли из должностей военных предводителей в общегражданские политические институты. Они осуществляли верховное командование центуриатной военной организацией, но не верховное распоряжение, ибо в своих действиях были ограничены деятельностью сената.

Тема 16

Институт верховного распоряжения военной организацией. Римский сенат ранней Республики

Изучение внутреннего развития военной организации и ее взаимосвязи и взаимоотношений с обществом логично подводит к вопросу: кто — какой политико-правовой институт — реально осуществляет верховное распоряжение воинскими силами государства, интересам каких социальных слоев, имущественных классов и политических элит служит армия.

Историки неоднократно обращались к анализу роли сената в политическом строе ранней Республики, который еще Т. Моммзенom характеризовался как «сенатское правление» (Mommsen, 1864. S. 112; Bernardi, 1945. P. 6). В самом деле, тогда вся мощь патрициев в общественных делах концентрировалась в основном в сенате, который до середины IV в. до н. э. сохранял патрицианский характер и служил расадником высших гражданских, военных и жреческих магистратур.

С начала эпохи царей сенат представлял собой совет старейшин — глав наиболее знатных родов (*patres* или, по другой версии, *patres familias*) и курий (Momigliano, 1989. P. 209–223; Cornell, 1995. P. 250; Linderski, 1990. P. 37; Сидорович, 1999. С. 150). При Ромуле (VIII в. до н. э.) сенат состоял из ста человек, с расширением римской общи-

ны возрастала и его численность: после синойкизма с сабинянами до 200, при Тарквинии Древнем или Сервии Туллии — до 300 членов за счет включения в его состав *gentes minores*, о причислении которых к патрициям или плебеям не утихают споры. В эпоху ранней Республики *pateres* воплощали совокупность знатных, привилегированных патрицианских родов, членов куриатной организации в рамках сервианской конституции, главы которых пожизненно заседали в сенате (Сидорович, 1975. С. 55; Bleicken, 1981. S. 261–262).

После установления республики в изрядно потрепанный «репрессиями» Тарквиния Гордого сенат были введены более ста новых членов, составивших категорию *conscripti*. Ряд исследователей видят в них плебейскую часть сената, оставшуюся в его рядах неполноправными (без права *auctoritas* и *interregnum*) и влачившую бесправное существование с ярлыком предателей интересов плебеев. Однако более обоснована точка зрения, что *conscripti* были приняты в состав курий, а значит, и в ранг патрициев, и утратили сословные признаки плебеев. (Эти и иные теории, выходящие за рамки нашей темы, детально разобраны В. В. Деметьевой в емкой книге «Государственно-правовое устройство античного Рима». Ярославль, 2004. С. 89–91.)

Для нашей темы необходимо сосредоточиться на выяснении следующих аспектов: 1) конкретных военных прерогатив сената в период утверждения и господства центуриатной конституции; 2) причин сохранения полновластия сената после установления республики; 3) роли сената в управлении военной организацией.

Военные прерогативы и взаимоотношения сената и верховного командования

В литературе преобладает мнение, что сенат на протяжении всей римской истории играл огромную руководящую роль (Моммзен, 1936. Р. 300 и след.; Ковалев, 1948. С. 97; Утченко, 1969. С. 18–19; De Martino, 1979. Р. 68–69; Magdelain, 1971. Р. 103–217). Однако, согласно Дионисию Галикарнасскому (VI. 67. 3), в Риме исстари существовал закон, в соответствии с которым «...у сената есть высшая власть во всем, кроме назначения магистратов, принятия законов и объявления или прекращения войны. Право же решать те три вопроса, подавая голоса, имеет народ».

Наиболее подробную сводку прав и прерогатив сената в период расцвета республики (III–II вв. до н. э.) составил Полибий (Polyb. VI. 17. 1–7). Среди важнейших функций сената, имевших касательство к военной сфере, он называет ведание внешней политикой, установление численности боевых контингентов, назначение сроков воинских наборов, определение величины и состава пополнения легионов, распределение театров боевых действий, или провинций, руководство дислокацией армий, снабжение войск, награждение полководцев и распоряжение военной добычей. Как видим, Полибий представляет сенат как полновластный орган верховного распоряжения военными силами Рима. Но отражает ли этот статус сената реалии ранней Республики?

Суммируя данные нарративных источников, мы можем прежде всего подтвердить право сената объявлять войну. Наиболее употребляемая для этого формула в текстах Ливия: «постановлением сената и по приказу народа объявлена война» (*ex senatusconsulto populusque iussu bellum indictum*) (Liv. IV. 11. 3; VI. 22. 4; X. 12. 3 etc.). Еще более определенны такие пассажи: «...сенат постановил... предложить народу объявить войну» (*patres decreverunt, ut... ad populum ferretur de bello indicendo*) (Liv. VI. 21. 3; ср. IV. 58. 8; VIII. 23. 12). А Дионисий Галикарнасский уточняет: «...решение консулов о войне было одобрено сенатом» (V. 23.2; VI. 67. 3). Отсюда вытекает, что сенат либо выступал инициатором войны, либо санкционировал предложение магистратов и поручал им внести соответствующее предложение на одобрение центуриатных комиций. Здесь мы видим особенность сенатских декретов или сенатусконсультов — они были обращены не напрямую к народному собранию, а к конкретному магистрату, избранному этими комициями, через которого это поручение исполнялось. Однако объявление войны «по решению народа» (*iussu populi*) входит в употребление со второй половины V в. до н. э., а в начале республики сенат мог непосредственно объявить войну, особенно при нападении врагов (Liv. II. 30. 8–9; IV. 30. 15).

Именно сенат как постоянный орган управления принимал иноземных послов, получал от них сведения о намерениях других племен и народов и решал вопрос о реагировании на внешнеполитическую ситуацию. В случае подтверждения серьезности угрозы со стороны племени, с которым у Рима были заключены мир, перемирие или просто отсутствие войны, сенат голосовал: послать для объявления войны фециалов (Liv. VII. 9. 2; VIII. 23. 3; Dionys. IX. 60. 6).

Источники обнаруживают самое живое участие сената в процедуре набора войск, причем основанное не на текущих обстоятельствах, а на древних обычаях и установлениях. Как уже говорилось, сам набор являлся прерогативой консулов (см. тему 14), но проводился по декрету сената, который мог влиять на сроки набора и на величину воинских контингентов (подробнее см.: Токмаков, 1994. С. 37). Сенат также отдает распоряжения консулам «выйти в поле» и поручает им командование армиями в тех или иных «провинциях». По сообщениям Полибия (Polyb. VI. 23. 3–4) и Саллюстия (Sall. Jug. 27), именно сенат определял суммы из казны для содержания войск и их вооружения, и без сенатского постановления никакие припасы и пополнение доставлены в лагерь быть не могли. Если учесть, что по Сервианской реформе оружие могло выдаваться из эрария, которым через квесторов ведал сенат, то становится понятным замечание Дионисия о предоставлении сенатом консулам «хорошо вооруженных войск» (IX. 61. 1). Эта роль сената значительно возросла с введением в 406 г. до н. э. жалованья воинам (Liv. IV. 59. 60).

Даже к распределению добычи сенат имел непосредственное отношение как верховный распорядитель казной и государственным имуществом: чем меньше было в эрарии сумм, полученных от продажи добычи, тем больше приходилось собирать трибута. Со второй половины V – начала IV в. до н. э. на смену раздачи добычи воинам на месте по усмотрению консула-претора приходит практика передачи военной добычи квесторам для централизованной распродажи (а в ее состав, напомним, входила и захваченная земля, передаваемая в фонд *ager publicus*, также полностью подконтрольный сенату). О праве сената на истребование части добычи в казну свидетельствует эпизод с Марком Фурием Камиллом, который после захвата Вей в 396 г. до н. э. отправил сенату письмо с вопросом, как поступить с добычей; и уж сенат ведет дискуссию, пополнять ли добычей государственную казну, раздать ли воинам повышенное жалованье, и принимает наконец решение отдать город вейян на разграбление всему народу (а не только воинам) (Liv. V. 20).

В период ранней Республики сенат назначал консулам не только время выступления в поход. Хотя фактически конец военным действиям наступал после победы над врагом, именно сенат специальным постановлением освобождал войско от присяги и распускал его. Накануне 1-й сессии плебеев в 494 г. до н. э. сенат оставляет войска

под знаменами из опасения социальных волнений и приказывает консулам вновь вывести их из города под предлогом продолжения действия присяги (Liv. II. 32. 1; Dionys. VI. 43. 2; 45). В 458 г. до н. э., после сложения полномочий диктатором Цинциннатом, военные действия продолжил консул Навций, а на смену второму консулу Минуцию декретом сената «послали» Фабия. Таким способом, чтобы избежать проведения плебейскими трибунами аграрного закона, войско продержали «под знаменами» до следующих выборов, после чего услали на очередную кампанию с эквами (Liv. III. 29. 30). Тем самым сенат производил сакральный и правовой акт превращения воинов из состояния «не-граждан» вновь в граждан-общинников.

Характерно, что при всем полновластии военачальника в войске он выступал скорее как уполномоченный сената в делах, требующих санкции всей общины. Для ведения войны консул обязан был созвать сенат в качестве магистрата, наделенного империем, и получить от него как высшего сакрального представителя общины поручения. Консул же обязан был по окончании военной кампании предоставить сенату — в Курии или, реже, на Марсовом поле (Liv. III. 63. 6) — отчет в своих действиях. И уже сенат своим сенатусконсультом определял степень исполнения поручения консулом и провозглашал окончание состояния войны. Сенат же предоставлял военачальнику триумф. Попытки отдельных военачальников (например, Валерия и Горация в бурном 449 г. до н. э.) получить триумф без воли сената, напрямую от народа (*iussu populi*) (Liv. III. 63. 3), хотя и не пресекались (ибо высший суверенитет оставался за центуриатными комициями), но встречали серьезное противодействие сената (Liv. III. 63. 9; X. 37; Dionys. VI. 30. 2–3; Diod. XIV. 117. 5–6).

В период ранней Республики сенат, как правило, не вмешивался в непосредственное командование войсками, подвластными империю военачальника, но на него самого воздействовать он мог. В частности, сенат определял «провинции» консулам или решал, сколько консулярных трибунов отправятся с войсками. Лишь с конца V в. до н. э. утверждается правило ведения кампании консулом по жребию или очередности. Для периода средней Республики (конец IV–II в. до н. э.) в традиции множатся данные о прямых указаниях сената полководцам захватить город или совершить марш через горы. Тогда же становится практикой отправка к консулу легатов из числа сенаторов (до 10 человек), чтобы контролировать его дей-

твия и определять статус завоеванных земель. Консулы также могли отозвать с театра боевых действий для проведения выборов (Liv. II. 51. 2; III. 20. 1; VIII. 20. 1). Наконец, сенат активно использовал свое право изъять на время у консулов военный империй и передать его экстраординарному магистрату, прежде всего диктатору (подробнее см. тему 15). Более того, с ростом продолжительности войн, особенно на отдаленных театрах боевых действий, с последней трети IV–II в. до н. э. сенат начинает санкционировать продление сроков верховного командования, а значит и полномочий высших магистратов, более года (*prorogatio imperii*). Иными словами, в эпоху средней Республики сенат аккумулирует в своих руках даже право распоряжения империем (хоть и в особых случаях). Недаром III–II вв. до н. э. называют «эрой сенатского правления» (Дементьева, 2004. С. 99).

Итак, с установлением в Риме республики сенат действительно сконцентрировал в своих руках практически все сферы деятельности центуриатной военной организации. Он определял внешнюю политику *civitas* и служил своего рода аналитическим центром, куда стекалась информация о поведении окружающих Рим народов. Сенат контролировал процесс комплектования римских воинских сил, непосредственно участвовал в распределении захваченной добычи, включая земли *ager publicus*, в выведении колоний, в решении вопроса о контрибуциях и поставках другими народами продовольствия в общественные хранилища и т. д. (Нетушил, 1897. С. 265). Сенат также заключал мир и единолично обсуждал условия мирных договоров. Консулы, как уже говорилось, могли заключать только временное перемирие (*sponsio*), которое подлежало юридическому утверждению сенатом.

Фактически это означало, что власть сената включала в себя реальное верховное распоряжение и управление воинскими силами *civitas*. Учтем, что со второй половины V и в течение IV в. до н. э. возрастает количество магистратов, обладающих империем: это и замена института военных командующих — преторов на коллегию общегражданских магистратов — консулов в 449 г. до н. э. (Diod. XII. 25. 2; Liv. III. 54–55; Zonar. VII. 19), и создание паллиативной экстраординарной магистратуры военных трибунов с консульской властью в 444 г. до н. э. Расширение театров боевых действий также приводит к раздроблению верховного командования, пролонгированию империя, что не обходилось без сената, и усложнению управления

войсками. Все эти процессы неизбежно превращали сенат в центр координации действий командующих, в своего рода «генеральный штаб» римских вооруженных сил, где решались стратегические вопросы политического и военного планирования.

Однако в ходе развития центуриатной конституции нарастало объективное правовое противоречие между двумя системами управления обществом: между преимущественно патрицианским сенатом — наследником древних, родоплеменных традиций — и выборной магистратурой консулов-преторов. Источники полны примерами постоянного стремления этих двух систем, функционировавших в двух разных правовых плоскостях, дистанцироваться друг от друга, и в то же время проявлениями их неразрывного диалектического единства. При этом консулы не могли обходиться без авторитета сената, а последний пытался постоянно держать консулов в узде своего всевластия.

С одной стороны, консулы зависели от сената, ибо сами были выходцами из сенатской аристократии. Поэтому, по справедливому замечанию Т. Моммзена, «тенденции аристократа брали в нем (консуле) верх над сознанием его должностных обязанностей» (Моммзен, 1936. С. 247). Но с другой — формально консулы были подчинены не сенату, а тем народным собраниям, которые их выбирали. Они даже не обязаны были законодательно выполнять сенатские «советы», самое живое участие в формулировании которых они же и принимали (Маяк, 2002. С. 30). Консулы (как уже говорилось) были полновластны в пределах своих империя, полномочий (*potestas*) и ауспиций (Bleicken, 1981. S. 266, 295; Kunkel, 1995. S. 22). Вмешиваться в них сенат не осмеливался, ибо они воплощали божественную волю. Именно консулы обязаны были проводить свои решения в жизнь и обеспечивать бесперебойное функционирование военной организации. Поэтому они постоянно ощущали на себе груз ответственности. Данное положение вынуждало консулов в своей деятельности учитывать и отражать баланс сил и интересов как патрициев, так и плебеев. В этом они находили опору в комициях и в центуриатном войске.

Вновь обратимся к примечательным событиям кануна 1-й сецессии плебеев в 494 г. до н. э. Тогда жесткая позиция сената, требовавшего ежегодного вывода войска в поле, наталкивалась на не менее бескомпромиссное нежелание плебеев воевать за чужие, сенатские интересы в условиях роста долгов. В этой ситуации консулы пыта-

ются апеллировать к сенату как к посреднику. Но Ливий роняет примечательную фразу (Liv. II. 28. 8): «Консулы понимали, чего хочет от них сенат, но никого из тех, кто столь пылко говорил в стенах Курии, не было рядом с ними (на Форуме в день призыва. — В. Т.), чтобы разделять народную ненависть». Поэтому консулам приходилось искать компромиссы и даже идти напрямую фронду с сенатом ради сохранения стабильности общества в бурных перипетиях «борьбы сословий». Это проявилось, в частности, в предложении прославленного консула и бывшего начальника конницы Спурия Кассия, автора «Кассиева мира» с латинами, разделить присоединенные в 486 г. до н. э. земли среди плебеев, что закончилось его казнью (Liv. I. 41. 2). Крупный русский историк И. В. Нетушил справедливо писал, что причиной казни Кассия явилось его вторжение в права и интересы сената как представителя аристократических сил. Заметим, что Кассий должен был провести свой законопроект через комиции, но сенат отказался его утвердить и через квесторов устранил инициатора. Наиболее ярко оппозиционность сенату проявилась в деятельности консулов 449 г. до н. э. Валерия и Горация, выразивших интересы умеренной группировки сената.

Сенат, со своей стороны, не был связан обязательствами и ответственностью перед всей патрицианско-плебейской общиной, поскольку не являлся выборным органом. В ранней Республике он по-прежнему формировался главным образом по досервианскому куриатно-родовому принципу из глав знатных патрицианских родов (*patres familiarum*) и магистров пагов, с наследственным членством. Поэтому он оказался вне юрисдикции центуриатного *populus* и формирующейся гражданской общины и не нес прямой ответственности за собственные решения и предписания, перекладывая ее на плечи магистратов.

В этом заключалось своеобразие генезиса римской центуриатной *civitas*. В ней сенат не только выбивался из общего ряда органов управления, но и всячески противился правовому оформлению своих прерогатив. Отсюда противодействие *patres* созданию писанных законов, очерчивающих рамки полномочий консулов и других органов власти, и борьба против кодификации частного и публичного права в 60–50-е гг. V в. до н. э. Отсутствие правовых норм деятельности сената позволяло ему проникать во все сферы общественно-политической жизни и создавать при этом имидж общегражданского, надполитического и внесословного органа власти.

Но в этом состояла и правовая уязвимость сената, оттенявшая его уникальность как высшего, но «неконституционного» политического института. Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, в том числе в военной сфере, сенат не обладал собственными механизмами для ее осуществления. В его распоряжении не имелось каких-либо административных или репрессивных органов, подчиненных непосредственно ему. Он не располагал даже стражей и созывался лишь действующим магистратом с империем. Поэтому сенат не мог сам внести в комиции законопроект и был вынуждаем действовать исключительно через магистратов, чьи функции и сами титулатуры возникли в ином, резко отличном от куриатно-родового, общественном строе.

Источники демонстрируют отсутствие у сената права непосредственного воздействия на коллектив граждан, кроме членов куриатной организации, т. е. собственно патрициев. Особое положение сената в системе управления общиной определило и методы постоянного лавирования его между влиятельными фамилиями, различными политическими группировками с учетом баланса общественных сил и сословных противоречий. Одним из ярких и явных проявлений такой политики была заинтересованность сената в поддержании постоянной военной напряженности в обществе и даже в искусственном раздувании внешних конфликтов (помимо чисто экономических причин). По верному замечанию Плутарха, внешними войнами сенат, словно врачеватель, лечил внутренние смуты (Plut. Cam. 9).

Такая правовая неопределенность громко аукнулась сенату после реформ Лициния–Секстия в середине IV в. до н. э. Буквально через десятилетие после принятия закона об обязательном избрании плебейского консула, как передает Ливий, сенаторам не удалось в 356 г. до н. э. воспрепятствовать назначению диктатора из плебеев Гая Марция Рутила накануне войны с этрусками: «...сенаторы изо всех сил старались помешать постановлениям и приготовлениям диктатора для этой войны, но народ тем охотнее утверждал (*populus iussit*) все, что предлагал диктатор» (Liv. VII. 17), который в довершение всего без согласия сената справил свой триумф!

***Auctoritas patrum* как основа власти сената**

В созданной реформами Сервия Туллия цензово-классовой *civitas*, где неуклонно преобладало писаное право (*ius*), основой и источни-

ком власти сената оставался «авторитет отцов» (*auctoritas patrum*), который базировался на нормах обычного права (*mores maiorum*) и сакральных установлений (*fas*), идущих из глубины веков. Хранителем и толкователем этих традиций в ранней Республике и выступал сенат, как чеканно констатировал Цицерон (Cic. Resp. II. 32. 56): «В те времена сенат управлял государством так, что, хотя народ и был свободен, волей народа (*per populum*) вершилось мало дел, а большая часть решениями сената и по установившимся обычаям (*senatus auctoritate et instituto ac more*)». Недаром избрание первых плебейских трибунов тот же Цицерон называл «умалением власти и значения сената» (*potentia senatus atque auctoritas*) (Ibid. II. 34. 59).

Важнейшим следствием обладания и наглядным проявлением *patrum auctoritas* было право сената предварительно обсуждать законопроекты, которые магистраты вносили в комиции (Palmer, 1970. P. 198). Это позволяло контролировать законотворческую деятельность и лояльность магистратов, а также отсеивать нежелательные или просто опасные для патрициев законопроекты на самой ранней стадии. Многие исследователи отмечали, что только предварительное одобрение законопроектов сенатом делало возможным сохранение влияния патрициев в законодательстве, несмотря на их численное меньшинство в центуриатных комициях (De Martino, 1960. Vol. 1. P. 218; Vol. 2, P. 128; von Lübtow, 1955. S. 245; Ferenczy, 1976. P. 127).

Не менее действенным инструментом влияния было право утверждения сенатом всех постановлений куриатных и центуриатных комиций. Как пишет Цицерон, «постановления народных комиций входили в силу только после одобрения их решением “отцов”» (*comitia non rata, nisi ea patrum adprobaverat auctoritas*) (Cic. Resp. II. 32. 56). Это была существенная власть, которая позволяла воздействовать на всю политико-правовую систему и возрастала по мере усиления роли комиций. От *patrum auctoritas* зависела их законодательная сила, поэтому она больше всего подвергалась критике со стороны плебейских трибунов. Именно ее довление над исходом голосования побудило инициировать рогацию Публилия Волерона 471 г. до н. э. о переносе выборов трибунов из центуриатного в плебейское собрание (см. тему 13). Но первое законодательное ограничение данного права сената относится только к 339 г. до н. э. Тогда диктатор Квинт Публилий Филон (кстати, плебей) провел уже упоминавшийся выше закон, по которому «законы должны были утверждаться отцами до представ-

ления их на голосование в центуриатные комиции» (Liv. VIII. 12. 15). Следовательно, с этого времени не сенат, а центуриатные комиции приобретают характер высшей инстанции, которая принимает или отвергает сенатское постановление. Правда, лишь в 232 г. до н. э. в комициях впервые прошел аграрный закон против воли сената. Как верно отметила В. В. Дементьева, предварительное одобрение законов сенатом уничтожило *patrum auctoritas* «как символ превосходства знати над народом, но одновременно было упрочено ее конституционное значение», усилившее роль сената и его влияние на магистратов (Дементьева, 2004. С. 92). Заметим, что такая «революция» в законодательстве стала возможной только с изменением сословного состава сената, который с конца IV в. до н. э., и особенно с 366 г. до н. э. превращается в собрание бывших магистратов.

В чем же заключались причины превосходства *patrum auctoritas* над законодательной практикой ранней Республики? Как известно, в царский период сенат занимал важное, но подчиненное по отношению к царю положение *consilium regium*, особенно в правление «этрусской династии». Совету старейшин противостоял пожизненный царь — военный вождь, наделенный куриатными комициями империем (Gjerstad, 1972. S. 157, 169–170; Маяк, 1983. С. 246, 259). Положение усугубилось после реформы Сервия Туллия. Если куриатный военный отряд имел в лице сенатора покровителя и представителя курии в родоплеменном совете старейшин, то центуриатная система комплектования воинских сил лишила сенаторов влияния на сородичей именно в войске.

После свержения царской власти и благодаря ему положение сената круто изменилось. Хотя сенат остался пережитком родовой эпохи, но пережитком крайне необходимым, причем не только патрициям, но даже плебеям. Прежде всего, он превратился в единственный постоянный орган управления. В нем, как уже отмечено выше, пожизненно заседали почтенные *patres conscripti*, не подверженные сиюминутной политической и выборной конъюнктуре. Тем более что по мере развития республиканского строя многие представители сенаторских родов занимали магистратские должности и благодаря военному стажу обретали профессионализм. В сенате кипели реальные обсуждения жизненно важных проблем и дискуссии (хотя нередко и бесплодные) по делам «общественного блага».

Там анализировалась внешняя обстановка, и решения принимались исходя не только из текущих чаяний, но и из долговременных государственных перспектив.

Благодаря своей «выключенности» из нестабильной структуры центуриатной *civitas* именно сенат стал объективно стабилизирующим фактором в бурном море социальных неурядиц, сословной борьбы, калейдоскопе ежегодно сменяемых магистратов и стоящих за ними группировок, наконец, в превратностях военной политики. Поэтому сенат постоянно пытался присвоить себе роль третейского судьи в спорах патрициев с плебеями. Но еще более важно то, что сенат олицетворял преемственность политики римского полиса и поддержание в боевой готовности его военной организации.

Как верно отметила И. Л. Маяк, «сенат в царской эпохе играл особо важную роль именно в тот момент, когда царя не было» (Маяк, 1983. С. 239 и след.). В период между смертью царя и выборами нового власть осуществляли последовательно сменявшие друг друга интеррексы (этот институт детально рассмотрен в работах В. В. Дементьевой). Но пожизненный характер правления царя делал введение интеррегнума редким событием. Лишь с установлением республики сенат в полной мере реализовал свое право вводить регулярные «междущарствия», что позволяло плотнее контролировать высших магистратов и определять основной вектор политики в интересах патрициев.

Более того, власть сената усиливалась также в период передачи полномочий от одних консулов другим, когда новые магистраты только вступали в должность, знакомились с состоянием дел, принимали командование и комплектовали новые воинские контингенты. В этой ежегодно воспроизводящейся ситуации опыт и советы сената оказывались необходимы для осуществления преемственности полномочий (*potestas*) магистратур и военного командования. Поэтому магистрат-военачальник не мог игнорировать сенат, который ведал казной, хранил мирные договоры и, главное, выступал посредником в сакральном акте вручения куриатным законом ему империя.

Наконец, еще одна причина сохранения полновластия сената в период республики заключалась в означенной выше обособленности его от институтов формирующегося государства, а также в сохранении сильных пережитков родоплеменного строя, в опоре на традицию, «заветы предков». Авторитет, древние, освященные ауспи-

циями обычая, даже утратившие за давностью лет свою жизненность, вплоть до поздней Республики глубже воздействовали на сознание римлян, нежели гражданские законодательные акты. В этом смысле сенат выступал хранителем Ларов и Пенатов общины, гарантом ее целостности и мощи, средоточием фортуны и заступником перед богами. И хотя в период ранней Республики в состав центуриатного *populus* вошли плебеи, изменились войсковая структура и общественное устройство, сенат по-прежнему символизировал неразрывную преемственность центуриатной *civitas* с исконной Ромуловой.

Консерватизм политического менталитета римлян и пиетет перед мудростью «лучших» сограждан наглядно проявились в ходе демократических реформ Аппия Клавдия Цека. Законом Овиния 312 г. до н. э. право формировать список членов сената было передано в руки цензоров с обязанностью включать в его состав «лучших римлян» из каждого сословия. Этот принцип попытался воплотить в жизнь Аппий Клавдий Цек, в том же году введя в сенат даже детей вольноотпущенников. По интересному мнению М. В. Белкина, эта реформа могла вообще превратить сенат со временем в представительный орган всего римского народа (наподобие афинской буле). Однако упорным противодействием сенаторов, настоявших на отмене этой нормы закона Овиния (304 г. до н. э.), при непротивлении основной массы граждан, был законодательно закреплён архаичный, исключительно сословный характер сената (цит. по: Дементьева, 2004. С. 92–93). На мой взгляд, данный анахронизм привел к нарастающему падению роли сената, начиная со времени реформ братьев Гракхов (30-е гг. II в. до н. э.), и к его окончательному ничтожеству в кровавую эпоху гражданских войн I в. до н. э.

* * *

Указанная специфика создания органов власти в эпоху ранней Республики привела также к весьма знаменательным последствиям. Военная организация Рима стала функционировать в интересах не столько всей гражданской общины, сколько сенатской аристократии, обеспечивая сохранение политического господства патрициев (с конца IV в. до н. э. — нобилитета) и «военную эксплуатацию» плебеев как сословия. Эту эксплуатацию осуществлял сенат, который в силу указанных причин «узурпировал» функции верховного распоряжения и верховного контроля над всей центуриатной военно-политической организацией. А последняя, в свою очередь, еще совпадая в системе комплектования с понятиями «вооруженный на-

род» (*populus*) и «гражданство» (мнение Е. М. Штаерман), на практике все больше использовалась в интересах узкой группы знатных патрицианских (а с конца IV в. до н. э. — и верхушки плебейских) родов, сосредоточенной в сенате. Тем самым понятия «войско» и «народ» в ранней Республике совпадали де-юре, но уже различались де-факто. Это означало начало процесса обособления военной организации от общества и превращение ее в государственный институт. Окончательное оформление данного положения относится уже к III в. до н. э.

Выводы

Итак, мы видели, что главная особенность становления в Риме раннего государства в форме римского полиса (*civitas*) состоит в том, что преобразования общественных отношений начались в Риме с реорганизации войска. Именно войско составило первоначальную основу нового общества и стало формой нового гражданства. Политические права гражданина были поставлены в прямую зависимость от его отношения к военной службе и количества и качества его вооружения, иными словами, от степени его полезности общине и обществу и от меры его участия в деле защиты и процветания *civitas*. Ценз упразднил родовые принципы комплектования войска и устройства общины и открыл двери в римское вооруженное гражданство (*populus*) прежде бесправным массам плебеев. В этом революционное значение реформы Сервия Туллия, положившей начало превращению родоплеменной общины предгосударственного типа в государство.

Не менее важной для судеб римского государства стала другая существенная черта центуриатной реформы. В отличие от преобразований Солона и особенно Клисфена в Афинах (VI в. до н. э.), Сервианская реформа не отменила прежнюю куриатную организацию, а лишь оттеснила ее от решения кардинальных военно-политических вопросов. Значение курий в этой сфере оказалось серьезно подорвано новой системой комплектования воинских сил. В едином войске и в единой военно-политической центуриатной организации прежний военный *populus* патрициев и плебейские массы оказались формально уравнены в правовом отношении. Это, в свою очередь, объективно влекло за собой уравнивание в перспективе и их социально-экономи-

ческих прав. Поэтому центуриатная конституция, выросшая на базе преобразований Сервия Туллия, явилась в своем развитии серьезным шагом на пути коренной ломки родоплеменных традиций, утверждения взамен них норм публичного и частного права и объединения в новый гражданский коллектив стремительно оформляющихся сословий патрициев и плебеев. Центуриатный строй сделало возможным и закономерным желание широких масс плебеев войти в состав военной организации, в которой только они и получали первоначально элементарные политические права. Таким образом, военизированность римского государственного устройства привела римлян к расширению понятия «гражданских прав». Хотя и не без упорной и длительной войны, они были распространены и на плебеев, а в дальнейшем (в IV–III вв. до н. э.) и на ряд союзных латинских общин и отдельных представителей италийских народов. Можно согласиться вслед за И. Л. Маяк (1989 б; 1998 б), что римский полис развивался как более открытое общество в сравнении с афинским, где неграждане-метеки так и остались бесправной категорией. И это происходило несмотря на тенденцию патрицианской аристократии к узурпации военной и политической власти в ранней Республике. Именно открытость общества и гибкость военной организации позволили Риму преодолеть в конечном счете полисную узость и создать в III–II вв. до н. э. мощное государство, ставшее во главе прочной Римско-италийской федерации. Таким образом, тезис об аристократичности или олигархичности Рима нуждается в корректировке, ведь открытость общества — своеобразное, но имманентное проявление демократии.

Отмеченные выше диалектические противоречия сервианской центуриатной конституции наложили отпечаток на ее дальнейшую эволюцию и обусловили длительность создания единого патрицианско-плебейского государства.

В своем развитии центуриатный строй прошел четыре основных этапа. **Первый этап** начался с реорганизации войска и системы его комплектования в середине VI в. до н. э. в правление «плебейского» царя Сервия Туллия. Сервианская реформа носила преимущественно военный характер и была направлена на преодоление узости куриатной системы комплектования войска, расширение социальной базы призывного контингента за счет части плебеев и создания благодаря слою состоятельных собственников, прежде всего земель-

ных, гопплитской фаланги. Некоторая пауза в проведении реформы в царствование Тарквиния Гордого (последняя треть VI в. до н. э.) объясняется не отменой центуриатной системы, как полагают многие исследователи, а латентным периодом ее существования.

Начало **второго этапа** развития центуриатного строя относится ко времени установления в Риме республиканской формы правления в 510 г. до н. э. Совершившие военный переворот представители знатных патрицианских родов использовали центуриатное войско для свержения царской власти, опорой которой в противостоянии усилению роли сената это войско и замышлялось Сервием Туллеем. Из этого обстоятельства проистекает двойственность возникшего в Риме режима. С одной стороны, войско впервые обрело политические функции. Патриции во главе с членами сената (*patres*) вынуждены были предоставить их центуриатному войску и комициям, чтобы легитимизировать свое правление и упрочить власть сената над ежегодно избираемыми магистратами. С другой — вся полнота власти была узурпирована сенатом как оплотом куриатно-родовой патрицианской аристократии. Еще раз повторим, что, с исторической точки зрения, сенат принадлежал к родовой, примитивной доклассовой общине, которая неотвратно уходила в прошлое со времени Сервия Туллия. С правовой же точки зрения, сенат оказался вне центуриатных порядков и правовых институтов. Но в качестве единственного постоянного органа управления сенат сосредоточил в своих руках функции верховного распорядителя вооруженного общинного ополчения и пролонгировал таким образом политическое и экономическое господство патрициата, что и положило начало так называемой «борьбе сословий» за уравнивание плебеев в политических правах с патрициями в рамках центуриатной военной организации.

Этот период от 1-й сецессии плебеев в 494 г. до н. э. до середины V в. до н. э. наполнен ожесточенной социальной борьбой за торжество центуриатных порядков, за включение в них более широких масс плебеев и за обретение ими полноправного положения в гражданской общине. К середине V в. до н. э. в результате давления плебса и собственно военных нужд центуриатная система достигает пика своего развития. Вместо аморфной категории *infra classem* образуются четыре новых цензовых разряда граждан-воинов.

Со времени 2-й сецессии плебеев, создания Законов XII таблиц и реформ Валерия–Горация центуриатная военная организация

трансформируется во всеобщую политическую систему общества, объединившую сословия патрициев и плебеев в единое государство. Тем самым был начат новый, **третий этап** развития центуриатного строя — период высшего расцвета, завершения создания римского полиса (*civitas*), с присущими именно ему политическими институтами, структурой гражданства, законодательной системой и органами исполнительной власти на прочной базе норм писаного частного и публичного права. Подчеркнем еще раз: существенным отличием римской *civitas* от полиса греческого типа на протяжении всей истории Рима оставалось превалирование принципов военной организации над нормами организации гражданского общества.

Начиная с первой половины IV в. до н. э. центуриатная система переходит в **четвертый этап** своей эволюции. В предшествующее столетие она утверждалась как стержень римского общества и государства в противоборстве с утратившей значение, но не прекратившей существование и давление на социально-экономические процессы, патрицианской куриатной организацией. Однако на новой фазе центуриатный военно-политический *populus* вступает в подспудное соперничество с более широкой и демократичной трибутной организацией. Совершенствование боевого построения воинских сил, введение круглогодичной военной службы и жалования воинам знаменовали трансформацию общинного милиционного ополчения в армию постоянного типа с признаками профессионализации. Центуриатные комиции постепенно утрачивают военизированный характер и окончательно превращаются в исключительно политический избирательный орган. Они закономерно теряют связь с реальной войсковой структурой и, соответственно, утрачивают и значение высшего символа народовластия. На первое место выдвигается трибутное собрание, в отличие от *concilia plebis* былых времен объединявшее все полноправное население римского полиса по территориальному, а не имущественному признаку.

Середина IV в. до н. э. знаменовала череду важных побед плебеев как в социально-экономической, так и в военно-политической сфере. Законы Лициния–Секстия 367 г. до н. э. восстановили и утвердили в качестве высшей ординарной магистратуры коллегию консулов с обязательной квотой для плебеев. В течение IV в. до н. э. верхушка плебеев добилась доступа и к другим выборным должностям (эдилов, квесторов, преторов, наконец, цензоров) и экстраординарным магистратурам (диктатуре и коллегиальным комиссиям). Тогда же

плебеи были допущены в состав курий и жреческих коллегий. Тем самым был запущен процесс слияния верхушки двух сословий в единый правящий класс — нобилитет. Ценз утратил свою универсальную социально и политически регулирующую роль (кроме определения рамок привилегированных сословий сенаторов и всадников). С конца IV в. до н. э. центуриатная организация (и, прежде всего, центуриатные комиции) была отстранена от функционирования реальной военной организации и дел, связанных с ведением войны и военной тактикой. Этот процесс нашел проявление в переходе воинских сил к легионно-манипулярной боевой структуре и манипулярной тактике.

Таким образом, четвертый этап развития центуриатного строя завершился переходом римского общества и государства в новое качество — из чисто военной организации в чисто избирательную систему комиций. Она отнюдь не была отменена (как и куриатная), и ее роль в выборах высших должностных лиц государства не уменьшилась. Но это уже была не сервианская цензовая организация. Логическим завершением ее эволюции, синхронной становлению государства, явилась реформа центуриатных комиций, как-то незаметно свершившаяся во второй половине III в. до н. э. Она положила конец параллельному сосуществованию двух автономных систем общественного устройства, которые отражали римское общество в двух ипостасях: военной центуриатной и административно-территориальной трибутной. В итоге длительного развития центуриатная организация заложила принципиальные основы римского государства (*civitas*) и определила генеральный вектор возрастания могущества римского народа — *Populus Romanus Quirites (Quiritium)*.

Таким образом, мы можем сказать, что реформа Сервия Туллия не просто открыла новую страницу в истории становления государства в Риме. Она коренным образом изменила социальный облик римского войска, в котором к середине V в. до н. э. ведущую роль основной боевой силы играли плебеи, что усиливало их позиции и в социально-политическом отношении. Естественная убыль патрицианских родов вследствие более частого призыва на службу и начавшегося с IV в. разорения привела к тому, что уже в середине IV в. до н. э. преимущественно патрицианской по составу осталась лишь конница.

Центуриатный строй в Риме отличало поступательное, в целом эволюционное развитие, отягощенное рядом пережитков догосударственной эпохи (куриатная организация, сакральный характер власти и др.). Но именно постепенность развития, хотя и подстегиваемая революционными всплесками социальной борьбы (сецессии плебеев и т. п.), привела с середины V и в течение IV в. до н. э. (от законов Валерия–Горация до законов Лициния–Секстия) к формированию устойчивого гражданского общества, основанного на отточенных и разветвленных правовых принципах, уникальных в истории античности. Римское государство, обретя характерные черты античного полиса, сумело более гибко реагировать на вызовы времени. В отличие от полиса греческого типа оно оказалось значительно открытее для адаптации новых членов и гораздо способнее к территориальному расширению и социальной стратификации.

Военизированная центуриатная система выстроила общество как единый военный организм, сведя родовые и классовые антагонизмы к армейскому ранжиру и переводя социальные катаклизмы в русло военной экспансии, сформировала римский менталитет служения отечеству, постоянной готовности к защите *Res publica*. Бурные процессы внутривластного развития конца VI – первой половины V в. до н. э., а затем новый всплеск военной пассионарности Рима в IV–III вв. до н. э. привели к созданию мощной военной организации, ареной которой стало все Средиземноморье.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Аппиан Александрийский. Римская история / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998. (App.)

Вегетий Ренат Флавий. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Флавий Вегетий Ренат. (Серия: «Античная библиотека»). СПб.: Алетейя, 1996. (Veget.)

Веллей Патеркул. Римская история / Ст. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985. (Vell. Paterc.)

Вергилий Марон Публий. Собрание сочинений. СПб., 1994. (Verg. Aen.)

Дигесты Юстиниана / Пер. И. С. Перетерского. М., 1984. (D.)

Дионисий Галикарнасский. Римские древности / Отв. ред. И. Л. Маяк. Пер. Л. Л. Кофанов, Н. Г. Майорова, И. Л. Маяк, И. Наджафова, А. М. Сморгчов, А. Я. Тыжов, В. Н. Токмаков, А. В. Щёголев. М., 2005. Т. I–III. (Dionys.)

Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана: лат. текст и рус. пер. М., 1977. (Gai. Inst.; Dig. Iust.)

Законы XII Таблиц / Сост., пер. и статья Л. Л. Кофанова; отв. ред. В. М. Уколова. М.: ИВИ РАН, 1996. (XII tav.)

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и коммент. Н. Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ, 1992. (Corn. Nep.)

Ливий Тит. История Рима от основания города / Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе. М.: Наука, 1989–1993. Т. I–III (Серия «Памятники исторической мысли») (и др. переизд.). (Liv.)

Малые римские историки: *Веллей Патеркул*. *Анней Флор*. *Луций Ампелий*. М., 1996. (Flor.)

Овидий. Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. I–II. (Ovid. Fast.)

Плутарх. Ромул; Нума; Попликола; Марций Кориолан; Камилл; Фабий Максим // Сравнительные жизнеописания в двух томах. Изд. 2-е / Подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М.: Наука, 1994. Т. I–II (Серия «Литературные памятники»). (Plut. Rom.; Numa; Popl.; Cor.; Cam.; Fab. Max.)

Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 1994–1995. Т. I–III. (Polyb.)

Римские историки IV в. н. э. (Евтропий. Секст Аврелий Виктор. Евнапий): Сб. / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М.: РОССПЭН, 1997. (Eutrop.; Aur. Vict.)

Саллюстий Крисп Гай. Сочинения / Пер., ст. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1981 (Серия «Памятники исторической мысли»). (Sall. Cat.; Jug.)

Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993 (Серия «Литературные памятники») (переизд. СПб.: Алетейя, 1998 и др. изд.). (Suet.)

Тацит Корнелий. Соч. в двух томах. М., 1993. Т. I–II (Серия «Литературные памятники») (М.: Ладомир, 2001). (Tac. Ann.; Hist.; Germ.)

Фронтин Секст Юлий. Военные хитрости (Стратегемы) (Серия «Античная библиотека»). СПб., 1996. (Frontin.)

Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. О Галльской войне. О Гражданской войне. Об Александрийской войне. Об Африканской войне / Пер. и коммент. М. М. Покровского. М., 1993 (Серия «Литературные памятники») (репринт изд. 1948 г.). (Caes. V. C.)

Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве. О законах / Изд. подгот. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. М.: Наука, 1994 (Серия «Литературные памятники») (репринт изд. 1966 г.). (Cic. Resp.; Leg.)

Цицерон Марк Туллий. Речи: В 2 т. / Изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1993 (Серия «Литературные памятники») (репринт изд. 1962 г.). (Cic.)

Dio's Roman History: With an English Transl. L.; Cambridge (Mass.), 1970. Vol. I. (Loeb Classical Library). (Dio Cass.)

Diodorus Siculus. Bibliotheca historica / Ed. I. Bekker, L. Dindorf; rec. F. Vogel. Lipsiae: Teubneri, 1888–1893. Vol. I–III; 1905–1906. Vol. IV–V. (Diod.)

Diodorus Siculus. Bibliotheca historica / Ed. Oldfather. L., 1937. (Loeb Classical Library). (Diod.)

Dionysius of Halicarnassus. Roman Antiquities: With an English Transl. L., 1937–1951. Vol. 1–7. (Loeb Classical Library). (Dionys.)

Eutropius Flavius. Breviarium Historiae Romanae / Recogn. Fr. Ruchl. Lipsiae: Teubneri, 1901. (Eutrop.)

Festus Sextus Pompeius. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / Ed. W.M. Lindsay. Lipsiae: Teubneri, 1913. (Fest.)

Florus L. Annaeus. Epitomae rerum romanarum / Ed. O. Roszbach. Lipsiae: Teubneri, 1896. (Flor.)

Gai. Institutiones / Ed. P. Krueger, G. Studemund. Berolini, 1884. (Gai. Inst.)

Gellius Aulus. Noctium atticarum libri XX / Ex rec. M. Hertz. Lipsiae, 1886. Vol. I–II. (Gell.)

Gellius Aulus. The Attic Nights: With an English. Transl. / Ed. J. K. Rolfe. L., 1927–1928 (Loeb Classical Library). (Gell.)

Isidorus Hispaniensis episcopus. E libri originum sive etymologiarum // Fontes iuris Romani antiqui. Friburgi in Brisgavia, 1886. (Isid. Orig.)

Lydus Ioannes. De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wuensch. Lipsiae: Teubneri, 1903. (Ioan. Lyd.)

Macrobius Ambrosius Theodosius. Saturnalii / Selecta varietate lectionis ornavit J. Willis. Lipsiae: Teubneri, 1963. Vol. 1. (Macrob. Sat.)

Nonius Marcellus. Compendiosa doctrina per litteras // Fontes iuris Romani antiqui. Friburgi in Brisgavia, 1886. (Nonius.)

Orosius Paulus. Presbyteri Hispani adversus paganos Historiarum libri septem. Thorunii, 1877. (Oros.)

Plinius Secundus Gaius. Naturalis Historia libri XXXVIII / Ed. L. Jani, C. Mayhoff. Lipsiae: Teubneri, 1906. Vol. 1–3. (Plin. N. H.)

Servius Grammaticus. Qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. G. Thilo, H. Hagen. Lipsiae: Teubneri, 1878–1884. Vol. 1–6. (Serv. Ad Aen.)

Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Iulii paridis et Janvarii Nepotiani Epitomis adjectis / Rec. C. Halm. Lipsiae: Teubneri, 1865. (Val. Max.)

Varro M. Terentius. De Lingua Latina quae supersunt / Rec. G. Goetz, F. Schoell. Lipsiae: Teubneri, 1910. (Varro. LL.)

Varro M. Terentius. De Lingua Latina: With an English Transl. / Ed. G. Roland. L., 1938. (Loeb Classical Library). T. 1–2. (Varro. LL.)

Zonaras Joannes. Epitome historiarum / Ed. L. Dindorf. Lipsiae: Teubneri, 1869. Vol. I–II. (Zonar.)

Общая и учебная литература

Бартошек М. Римское право. М., 1989.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: Пер. с нем. Л. Гринкурт. М., 1936. Т. I: Античный мир.

Дементьева В. В. Государственно-правовое устройство античного Рима. Ранняя монархия и республика: учеб. пос. Ярославль, 2004.

Древний Рим: учеб. пос. для вузов / Рук. проекта А. О. Чубарьян. Авт. Буданова В. П., Токмаков В. Н., Уколова В. И., Чаплыгина Н. А. М., 2006.

Игнатенко А. В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики: Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976.

История Древнего Рима: Учеб. для вузов по спец. «История». 4-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2000.

История Древнего Рима: Тексты и документы. Часть первая: Общество. Государство. Религия / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2004.

Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948; 2-е изд. Л., 1986.

Кулаковский Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. СПб., 1909.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 46–508.

Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956; переизд. М., 2006.

Маяк И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М., 1983.

Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993.

Моммзен Т. (1936) История Рима. Т. 1: До битвы при Пидне. М., 1936; переизд. СПб., 1994.

Немировский А. И. История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.

Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1894–1897. Вып. 1–2.

Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972.

Покровский И. А. История римского права / Вступ. ст., пер. с лат. и коммент. А. Д. Рудокваса. СПб., 1998; исправл. изд. СПб., 1999.

Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938.

Строков А. А. История военного искусства: Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955.

Токмаков В. Н. Военная организация Рима ранней Республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998. (1998 а).

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987.

Специальная литература

Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме: историко-юридическое исследование. СПб., 1875.

Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996.

Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998.

Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000.

Дементьева В. В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н. э. М., 2003.

Евсеев Т. П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. СПб., 2005 («Теория и история государства и права»).

Ельницкий А. А. У истоков древней римской культуры и государственности // ВДИ. 1958. № 3.

Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. М., 1964.

Залесский Н. Н. Этруски в Риме // Научн. докл. высшей школы: ист. науки. Л., 1958. № 1.

Залесский Н. Н. Этруски в Северной Италии. Л., 1959.

Залесский Н. Н. К истории этрусской колонизации Италии. VII–IV вв. до н. э. Л., 1965.

Зограф А. Н. Античные монеты. М., 1951.

Игнатенко А. В. Древний Рим: От военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование). Свердловск, 1988.

Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993.

Ковалев С. И. Проблема происхождения патрициев и плебеев // Тр. юбил. научн. сессии. Секц. ист. наук. Л., 1948. С. 202–244.

Коннолли П. Греция и Рим: Энциклопедия военного искусства на протяжении 12 веков: Пер. с англ. М.: Эксмо, 2000.

Коптев А. В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // ВДИ, 1998. № 3. С. 27–52.

Кофанов Л. Л. Социальные реформы Сервия Туллия // Среда, личность, общество: Докл. конф. М., 1992. С. 155–161.

Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994.

Кофанов Л. Л. К вопросу о палингенезе XII таблиц // Законы XII таблиц / Сост., пер. и статья Л. Л. Кофанова; отв. ред. В. М. Уколова. М., 1996. С. 175–210. (1996 а.)

Кофанов Л. Л. Создание трибуната: изначальная идея трибунской власти // *Ius antiquum: Древнее право.* 1996. № 1. С. 69–75. (1996 б.)

Кофанов Л. Л. Lex Valeria de provocatione 509 г. до н. э. и начало разделения римского права на публичное и частное // *Ius antiquum. Древнее право.* 2001. № 1(8). С. 31–36.

Кулаковский Ю. Армия в римском государстве // Университет. Изв.-я. Киев, 1881. № 10.

Кучеренко Л. П. Сословная борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме. Сыктывкар, 1997.

Майорова Н. Г. Коллегия фециалов // Жреческие коллегии в раннем Риме: к вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 142–179.

Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н. э. М., 1971.

Маяк И. Л. Ранняя Республика в Риме // История Европы. Т. 1: Древняя Европа. М., 1988. С. 347–373.

Маяк И. Л. Populus, cives, plebs начала республики // ВДИ, 1989. № 1. (1989 а.)

Маяк И. Л. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима // ВДИ, 1989. № 3. (1989 б.)

Маяк И. Л. Значение aeger publicus в раннереспубликанском Риме // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. (1993 а.)

Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина: (эпоха ранней Республики) // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1996. С. 122–127.

Маяк И. Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // *Ius antiquum. Древнее право,* 1998. № 1(3). С. 8–27. (1998 а.)

Маяк И. Л. Римляне в быту и на общественном поприще (ранняя Республика) // Человек и общество в античном мире. М.: Наука, 1998. (1998 б.)

Маяк И. Л. Senatusconsulta в тексте «Аттических ночей» Авла Геллия // *Ius antiquum. Древнее право,* 2002. № 2(10). С. 24–33.

Мельничук Я. В. Ответственность цензоров перед civitas в середине V – середине II в. до н. э. // *Ius antiquum. Древнее право,* 2002. № 1(9). С. 113–125. (2002 а.)

Мельничук Я. В. Некоторые аспекты римской церемонии lustrum // *Ius antiquum. Древнее право,* 2002. № 2(10). С. 73–87. (2002 б.)

Немировский А. И. К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия // ВДИ, 1959. № 2.

Немировский А. И. Надпись из Сатрика — опорный пункт раннеримской истории // ВДИ, 1983. № 1. С. 40–51.

Новицкий И. Б. Римское право. М., 1998.

Проблемы происхождения и социально-политического развития Рима: Реф. сб. М., 1984.

Разин В. А. История военного искусства. М., 1994.

Санчурский Н. В. Римские древности. М., 1995.

Сидорович О. В. Социальный состав римского сената в период ранней Республики // Из истории античного общества. Горький, 1975. Вып. 1. С. 52–63.

Сидорович О. В. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // *Ius antiquum*. Древнее право, 1996. № 1. С. 47–52.

Сидорович О. В. Сакрально-правовые аспекты власти сената архаического Рима в русской историографии // *Ius antiquum*: Древнее право, 1999. № 2(5). С. 149–153.

Сидорович О. В. Децемвират в системе публичного права ранней Республики // *Ius antiquum*: Древнее право, 2002. № 2(10). С. 88–98.

Скрипилев Е. А. К постановке проблем военного права Древнего Рима // Тр. Военно-юридич. акад. Красной армии. М., 1949. Вып. X. С. 104–185.

Скрипилев Е. А. Основы римского права. М., 1998.

Сморчков А. М. Коллегия арвальских братьев // Жреческие коллегии в раннем Риме. М., 2001.

Сморчков А. М. *Regnum et sacrum*: о характере царской власти в Древнем Риме // *Ius antiquum*: Древнее право, 2002. № 2(10). С. 40–45.

Сморчков А. М. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // *Ius antiquum*: Древнее право, 2003. № 1(11). С. 24–39.

Старицын А. Н. Куриатные комиции до реформы Сервия Туллия // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от Античности до Нового времени: Сб. ст. М., 1989. С. 5–16.

Токмаков В. Н. Римское всадничество и центуриатная военная организация ранней Республики (V – начало IV в. до н. э.) // Античность Европы. Пермь, 1992. (1992 а.)

Токмаков В. Н. Луций Сикций Дентат и падение децемвиров // Среда, личность, общество: Докл. конф. М., 1992. С. 162–168. (1992 б.)

Токмаков В. Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период ранней Республики (V–IV вв. до н. э.) // ВДИ, 1994. № 3. С. 39–49. (1994 а.)

Токмаков В. Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской республики // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 125–148. (1994 б.)

Токмаков В. Н. Цель и значение диктатуры в раннеримской республике (V–IV вв. до н. э.) // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. М., 1994. С. 48–54. (1994 в.)

Токмаков В. Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н. э. // *Ius antiquum*: Древнее право, 1996. № 1. С. 34–41.

Токмаков В. Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме ранней Республики // ВДИ, 1997. № 1. С. 43–59. (1997 а.)

Токмаков В. Н. Куриатные комиции и военные магистратуры в раннем Риме // Власть, человек, общество в античном мире: Докл. конф. 1996 и 1997. М., 1997. С. 121–130. (1997 б.)

Токмаков В. Н. *Tribunicia potestas* в Ранней республике: военно-правовой аспект // *Ius antiquum*. Древнее право, 1998. № 1 (3). С. 66–77. (1998 б.)

Токмаков В. Н. Право и воинская дисциплина в республиканском Риме // *Ius antiquum*. Древнее право, 2000. № 1 (6). С. 136–145.

Токмаков В. Н. Коллегия салиев // Жреческие коллегии в Раннем Риме: к вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 180–212.

Токмаков В. Н. Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима ранней Республики // ВДИ, 2002. № 2. С. 143–158. (2002 а.)

Токмаков В. Н. Судебный процесс над Марком Манлием Капитолийским // *Ius antiquum*. Древнее право, 2002. № 2(10). С. 99–108. (2002 б.)

Токмаков В. Н. К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // *Ius antiquum*. Древнее право, 2003. № 2 (13). С. 83–93.

Токмаков В. Н. Марк Фурий Камилл: превратности судьбы и образа «второго Ромула» // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 582–606.

Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.

Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование. М., 1900.

Тянова М. П. Военная организация римской Республики (до реформы Мария): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1974.

Утченко С. Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М., 1977.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972; 2-е изд. М., 1986.

Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978.

Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

Штаерман Е. М. Гл. 1: От гражданина к подданному; Гл. 2: От религии общины к мировой религии; Гл. 3: Римское право // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985.

Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ, 1989. № 2. С. 76–94.

Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996.

Дополнительная литература

Abbot F. F. A History and Description of Roman Political Institutions. Boston; L., 1901.

Adcock F. F. The Roman Art of War under the Republic. Cambridge, 1940.

Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor (Mich.), 1963.

Alföldi A. Zur Struktur des Römerstaates im 5. Jahrhundert v. Chr. // Les origines de la république Romaine. Genève, 1967.

Altheim F. Italien und Rom. Leipzig; Amsterdam, 1941. Bd. II.

Altheim F. Römische Geschichte. Frankfurt a. Main; Wiesbaden, 1951.

Barnes M. J. Cicero and the Just War // Bulletin de la société française de Philosophie. P., 1986. A. 80, N 2. P. 40–59.

Beloch K. J. Römische Geschichte zum Beginn der Punischen Kriege. B.; Leipzig, 1926.

Bernardi A. Patrici e plebei nella costituzione della primitiva repubblica romana // Rendiconti dell'Istituto Lombardi di scienze lettere. Milano, 1945/1946. Vol. 79.

Bernardi A. Dagli ausiliari del "rex" ai magistrati della "respublica" // Athenaeum. N.S. Pavia, 1952. Vol. 30.

Bleicken J. Die Verfassung der Römischen Republik. Paderborn; München; et., 1975 (reed. 1993).

Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: Auspicium-imperium. Göttingen, 1981.

Bleicken J. Geschichte der römischen Republik. 4. Aufl. München, 1992.

Bloch G. La république romaine: Les conflicts politiques et sociaux. P., 1913.

Botsford G. W. The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic. N.Y., 1909.

Capogrossi Colognese L. La terra in Roma antica. Roma, 1981.

Capogrossi Colognese L. Dalla tribù allo stato. Le istituzioni della stato cittadino. Roma, 1990.

Cassola F. Lo scontro fra patrizi e plebei e la formazione della "nobilitas" // Storia di Roma. Torino, 1988. Vol. 1. P. 451-481.

Catalano P. Populus Romanus Quirites. Torino, 1974.

Cohen D. The Origin of the Roman Dictatorship // Mnemosyne. Lipsiae, 1957. Bd. 10, fasc. 4.

Coli U. Tribù e centurie dell'antica repubblica romana // Studi e diritto historia Romana. 1955. Vol. 21. P. 181-222.

Connolly P. The Roman Army. L., 1980.

Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981.

Cornell T. J. La guerra e lo stato in Roma arcaica (VII-V sec.) // Alle origini di Roma: Atti del Colloquio. Pisa, 1988.

Cornell T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). L.; N.Y., 1995.

Crawford M. H. The Early Roman Economy, 753-280 B.C. // L'Italie prèromaine et la Rome républicaine: Mélanges offerts à Jacques Heurgon. P., 1976. Vol. 1.

Crawford M. The Roman Republic. New Jersey, 1978; 2nd ed. L., 1992.

D'Agostino B. Military Organization and Social Structure in Archaic Etruria // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford, 1990.

De Francisci P. Per la storia dei comitia centuriata // Study in onore di V. Arangio-Ruiz. Napoli, 1953. Vol. I. P. 31.

De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959.

De Martino F. Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958; 1960 (2 ed. 1972). Vol. 1.

De Martino F. Intorno all'origine della repubblica romana e delle magistrature // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. N.Y.; B., 1972. Bd. 2, T. 1. P. 233–246.

De Martino F. La "gens", lo stato e le classi in Roma antica // Diritto e società nell'antica Roma. Roma, 1979.

De Martino F. Diritto e società nell'antica Roma. Roma, 1982.

De Martino F. La costituzione della città-stato // Storia di Roma. Torino, 1988. Vol. 1.

De Sanctis G. Storia dei Romani. Torino, 1955 (Firenze, 1964).

Fascione L. Bellum indicere e tribù // Legge e società nella repubblica romana. Napoli, 1981. Vol. I.

Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-plebeian State. Budapest, 1976.

Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik: Text und Kommentar. Darmstadt, 1994.

Fraccaro P. La riforma dell'ordinamento centuriato // Studi in onore di P. Bonfante. Milano, 1930. Vol. 1.

Fraccaro P. Ancora sull'età dell'ordinamento centuriato // Athenaeum. N.S., 1934. Bd. 12. S. 57–71.

Fraccaro P. La storia dell'antichissimo esercito romano e l'età dell'ordinamento centuriato // Atti del 2do Congresso Nazionale di Studi Romani, 1931. T. 3. P. 91–97 (Opuscula Romana. Pavia, 1957. Vol. 2. P. 287–292). (1957 a.)

Fraccaro P. The History of Rome in the Regal Period // Journal of Roman Studies, 1957. Vol. 47. (1957 6.)

Fugmann J. Königszeit und Frühe Republik in der Schrift "De viris illustribus urbis Romae". Frankfurt a. Main, 1990. I. (Studien zur klassischen Philologie. Bd. 46.)

Gabba E. Republican Rome, the Army and the Allies / Transl. P.J. Cuff. Los Angeles; Berkley, 1976.

Gabba E. Dionysius and the History of Archaic Rome. Los Angeles; Berkley; Oxford, 1991.

Garthausen V. Mastarna oder Servius Tullius: Mit einer Einleitung über die Ausdehnung des Etruskerreiches. Leipzig, 1882.

Giovannini A. Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrecht // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 406–436.

Gjerstad E. Early Rome. Lund, 1953.

Gjerstad E. The Origins of the Roman Republic // Les origines de la République romaine. Vandoevres; Genève, 1966.

Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organization der früh-römische Zeit // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. N.Y.; B., 1972. Bd. 2, T. 1. S. 136–188.

Grieve L. R. The Reform of the Comitia Centuriata // Historia, 1985. Bd. 34. H. 3. P. 287.

Gschmitzer F. Exercitus. Innsbruck, 1968.

Guarino A. Rifflessioni conclusive // Società e diritto nell'epoca decemvirale. Napoli, 1988.

Hanell K. Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946.

Heurgon J. Magistratures romaine et magistratures etrusques // Les origines de la république romaine. Genève, 1967. P. 97–125.

Heurgon J. The Rise of the Rome to 264 B.C. L., 1969. (1969 a.)

Heurgon J. Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. P., 1969. (1969 b.)

Ihne W. Early Rome from the Foundation of the City to first Destruction by the Gauls. L., 1970.

Jones Stuart H., Last H. The Early Republic; The Decemvirate and the Twelve Tables; The Primitive Institutions of Rome; The Making of a Unated State // Cambridge Ancient History. Cambridge, 1928. Vol. VII.

Kienast D. Die politische Emanzipation der Plebs und die Entwicklung des Heerwesens im frühen Rom // Rheinisches Museum für Philologie, 1975. Bd. 175.

Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928.

Kunkel W. Magistrature Gewalt und Senatsherrschaft // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. N.Y.; B., 1972. Bd. 2, T. 1.

Kunkel W. Staatsordnung und Staatpraxis der Römischen Republik. München, 1995. Ab. 1–2.

Last H. The Servian Reforms // *Journal of Roman Studies*, 1945. Vol. 35.

Levi M. A. Plebei e patrizi nella Roma arcaica. Como, 1992.

Lindersky J. The Auspices and Struggle of the Orders // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik*. Stuttgart, 1990. P. 34–48.

Lintott A. Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principat // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. N.Y.; B., 1972. Bd. 2. T. 1.

Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 1999.

Liberati A., Silverio F. Organizzazione militare: esercito. Roma, 1988.

Lübnow von U. Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M., 1955.

Lübnow von U. Die römische Diktatur // *Der Staatnotstand*. B., 1965. S. 91–137.

Lobrano G. Il potere dei tribuni della plebe. Milano, 1982.

Madvig J. N. Die Verfassung und Verwaltung des Römische Staates. Leipzig, 1881–1882. Bd. 1–2.

Magdelain A. Recherches sur l'imperium: La loi curiate et les auspices d'investiture. P., 1968.

Magdelain A. Pretor maximus et comitiatus maximus // *Jura*. P., 1969. Vol. 20. P. 257–286. (Reed. *Magdelain A.* (1990) *Ius imperium auctoritas*. Roma, 1990. P. 313–339.)

Magdelain A. Remarques sur la société romaine archaïque // *REL*, 1971. Vol. 49. P. 103–127.

Magdelain A. *Ius imperium auctoritas*. Etudes de droit romain. Rome, 1990.

Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Leipzig, 1876. Bd. I.

Mazzarino S. Dalla monarchia allo stato repubblicano. Catania, 1945.

Mellersh H. E. L. *Soldiers of Rome*. L., 1964.

Meyer Ed. *Geschichte des Alterthums*. Stuttgart, 1893. Bd. II.

Meyer Ed. Das römische Manipularheer, seine Entwicklung und seine Forstufen. B., 1923.

Meyer E. Römische Staat und Staatsgedanke. Zurich, 1948.

Mitchell R. E. Patricians and Plebeians: The Origin of the Roman State. L, 1990.

Momigliano A. An Interim Report on the Origins of Rome // *Journal of Roman Studies*, 1963. Vol. 53.

Momigliano A. The Rise of Plebs in the Archaic Age of Rome // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkeley, 1986.

Momigliano A. Storia e storiografia antica. Bologna, 1987.

Momigliano A. Roma arcaica. Firenze, 1989. (Статьи: Le origini della Repubblica Romana. P. 131–163; Ricerche sulle magistrature romane. P. 261–302; Studi sugli ordinamenti centuriati. P. 311–318). (1989 а.)

Momigliano A. Osservazioni sulla distinzione fra patrizi e plebei // Entretiens sur l'antiquité classique. 1967. Vol. 13. (Reed. *Momigliano A.* Roma arcaica. Firenze, 1989. P. 209–223). (1989 б.)

Momigliano A. Praetor maximus e questioni affini // A. Momigliano. Quarto contributo alla storia dagli studi classiche e del mondo antico. Roma, 1969. (Reed. *Momigliano A.* Roma arcaica. Firenze, 1989. P. 171–181). (1989 в.)

Mommsen Th. Römische Forschungen. B., 1864. Bd. I.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1874 (1887, 1952). Bd. I–III.

Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung Roms. Heidelberg, 1962.

Musti D. Lotte sociali e storia delle magistrature // Storia di Roma. Torino, 1988. Vol. 1.

Nicolét Cl. L'ordre equestre à l'époque républicaine (312 – 43 av. j.). P., 1966. Vol. 1.

Nicolét Cl. Armée et société à Rome sous la République: A propos de l'ordre équestre // Problèmes de la guerre à Rome. P., 1969. P. 117–156.

Niebuhr B. Römische Geschichte. B., 1833 (1811; 1853). Bd. I.

Nilsson M. The Introduction of Hoplite Tactics of Rome // Journal of Roman Studies, 1929. Vol. 19.

Nilsson M. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio, 1928. Bd. 22. H. 3.

Ogilvie R. M. Early Rome and Etruscans. Oxford, 1976.

Paanen U. Legislation in the comitia centuriata // Senatus populusque Romanus: Studies in Roman Republican Legislation. Helsinki, 1993. P. 9–96.

Pais E. Storia di Roma. Torino, 1898. Vol. 1.

Palmer R. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.

Pareti L. Storia di Roma e del mondo romano. Torino, 1952. Vol. 1.

Penella R. J. War, Peace and the Ius Fetiale in Livy I // Classical Philology. Chicago, 1987. Vol. 82. N 3.

Peppe L. La nozione di populus e le sue valenze // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik: Akten eines Symposium / Hrsg. W. Eder. Stuttgart, 1990.

Peruzzi E. Origini di Roma. Bologna, 1970–1975. Vol. I–VII.

Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978.

Peruzzi E. Money in Early Rome. Firenze, 1985.

Ranouil P.-Ch. Recherches sur le patriciat (509–366 avant J.-C.). P., 1975.

Richard J.-Cl. Classis – infra classem // Revue Philologique, 1977. Vol. 51. P. 229–236.

Richard J.-Cl. Les origines de la plébe romain: Essai sur la formation du dualisme patricio-plébein. Roma; P., 1978.

Richard J.-Cl. La population romaine a l'époque archaïque // Roma arcaica e le recenti scoperte archeologiche / In onore di U. Coli. Milano, 1980.

Richard J.-Cl. Patricians and Plebeians: The Origin of the Social Dichotomy // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkeley (Calif.); L., 1986.

Ridley R. T. The Enigma of King Servius Tullius // Klio. 1975. Bd. 57, N 1.

Ridley R. T. The Origin of the Roman Dictatorship: An Overall Opinion // Rheinisches Museum für Philologie, 1979. Bd. 122, H. 3/4.

Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. B., 1913.

Rostovtzeff M. M. History of the Ancient World. Oxford, 1930. Vol. 2.

Sabatucci D. La religione di Roma antica: Dal calendario festivo all'ordine cosmico. Milano, 1988.

Saulnier Chr. L'armée et la guerre dans le monde étrusco-romain (VIII–IV ss.). P., 1980.

Scullard H. H. A History of the Roman World from 753 to 146 B.C. L., 1976.

Schwegler A. Römische Geschichte. Tübingen, 1858. Bd. 3.

Serrao F. Classi, partiti e legge nella repubblica Romana. Pisa, 1974.

Sini F. Documenti sacerdotali di Roma Antica. Sassari, 1983. Vol. 1. Libri e commentarii.

Sini F. Bellum nefandum: Virgilio e il problema del "diritto internazionale antico". Sassari, 1991.

Snodgrass A. M. The Hoplite Reform and the History // Journal of Roman Studies. 1937. Vol. 27.

Snodgrass A. M. L'introduzione degli oplitici in Grecia e in Italia // Rivista Storica Italiana. 1965. Vol. 77.

Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkley (Calif.), 1986.

Soltau U. Ueber Entstehung und Zusammensetzung der altromischen Volksversammlungen. B., 1880.

Soltau U. Der Ursprung der Diktatur // *Hermes*. 1914. Bd. 49. S. 352–368.

Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Stuttgart, 1990.

Stary P. Zur eisenzeitliche Bewaffnung und Kampfweise in Mittelitalien (ca. 9 bis 6. Jh. v. Chr.). Mainz, 1981.

Staveley E. S. The Significance of the Consular Tribunate // *Journal of Roman Studies*. 1953. Vol. 43.

Staveley E. S. Tribal Legislation before Lex Hortensia // *Athaeneum*. N.S. Pavia, 1955. Vol. 33, T. 1.

Staveley E. The Constitution of the Roman Republic // *Historia*. 1963. Bd. 12. P. 74–122.

Staveley E. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca (N.Y), 1972.

Stewart R. Public Office in Early Rome. Ritual Pricedure and Political Practice. Univ. of Michigan Press, 2000.

Storia di Roma / Dir. A. Momigliano, A. Schiavone. Torino, 1988. Vol. 1.

Sumner G. V. The Legion and the Centuriate Organization // *Journal of Roman Studies*. 1970. Vol. 60.

Sydenham E. A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952.

Taylor L.-R. The Centuriate Assembly befor and after the Reform // *American Journal of Philology*. Baltimore, 1957. Vol. 78, N 4. P. 337–354.

Taylor L.-R. The Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorscip of Caesar. Baltimore, 1966.

Thømsen P. King Servius Tullius: A Historical Synthesis. København, 1980.

Ussani V. S. Appunti di storia del diritto Romano: Le origini, la monarchia, la repubblica. Torino, 1996.

Watson A. Rome of the XII Tables. L., 1975.

Weeler E. L. The Legion as Phalanx // *Chiron*. 1979. T. 9. P. 303–318.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предлагаемые темы рефератов и курсовых работ

1. Римское войско и общество в царскую эпоху.
2. Социально-политическая структура Рима в V–III вв. до н. э.
3. Роль армии в генезисе римского государства.
4. Сущность и историческое значение реформы Сервия Туллия.
5. Свержение царской власти и установление республики в Риме.
6. Происхождение и положение сословий патрициев и плебеев в раннем Риме.
7. Борьба патрициев и плебеев в период ранней Республики.

8. Трансформация куриатной организации в Риме.
9. Учреждение плебейского трибуната и его роль в создании плебейской организации.
10. Военные функции плебейских трибунов.
11. Политическая роль армии в Римской республике от Сервия Туллия до Гая Мария.
12. Сакральные-правовые основы функционирования воинских сил.
13. Воинская присяга и «священные законы» ранней Республики.
14. Структура и тактика римского войска от эпохи царей до Пунических войн.
15. Организация и вооружение римского центуриатного и манипулярного легионов.
16. Внешняя политика и войны Рима с этрусками в ранней Республике.
17. Экспансия Рима в Лаций и Самний и совершенствование военной тактики в V–IV вв. до н. э.
18. Развитие римское военного искусства в войнах с Пирром, Пунических и Македонских войнах.
19. Политические институты в Риме и их связь с военной организацией.
20. Органы управления воинскими силами в архаическом Риме.
21. Эволюция социального состава и военно-политических прерогатив римского сената.

Контрольные вопросы к зачету

1. Определите понятия «род», «курия», «триба» в раннем Риме.
2. Дайте характеристику военного ополчения Рима в позднецарскую эпоху.
3. В чем состояли причины проведения и социальная сущность реформы Сервия Туллия?
4. Каковой стала структура войска и общества по реформе Сервия Туллия и в чем ее отличия от досервианской?

5. Чем можно подтвердить достоверность времени и исторических условий проведения центуриатной реформы?
6. Перечислите типологические черты сословий патрициев и плебеев в период становления республики.
7. Назовите и обоснуйте основные теории возникновения плебеев в раннем Риме.
8. Входили ли изначально плебеи в курии и какие гипотезы существуют в историографии по поводу социального содержания понятия «плебс»?
9. В чем заключалось неравенство плебеев в римском обществе по сравнению с патрициями?
10. В чем состояли причины и цели борьбы плебеев с патрициями после свержения царей?
11. Определите характер и историческое значение установления в Риме республики.
12. Чем обусловлены формы и длительность борьбы плебеев и патрициев?
13. Перечислите основные этапы сословной борьбы в Риме и назовите ключевые события каждого из этапов.
14. Назовите основные результаты сословной борьбы в политической и военной сферах.
15. Определите понятия *populus* и *cives* в период ранней Республики и расскажите, как они изменялись с развитием государства.
16. Как происходил набор войск в Риме?
17. Какую роль играл ценз для комплектования воинских сил в Риме?
18. Дайте характеристику изменений тактического деления и способа построения римского войска в ранней Республике.
19. Когда и почему римская армия перешла к манипулярной тактике?
20. В чем различие между манипулярным легионом и центуриатной фалангой?
21. С какими народами и в каких основных сражениях воевали римляне в V – первой половине III вв. до н. э.?

22. Назовите основные функции куриатных, центуриатных и трибутных комиций.
23. В чем сущность куриатного закона об империи?
24. В чем заключались различия в прерогативах и порядке голосования трех видов римских комиций?
25. В чем состояла реформа центуриатных комиций в середине III в. до н. э.?
26. На каких нормах и принципах базировалось военное право в архаическом Риме?
27. В чем состояла и на чем основывалась власть военачальника в Риме?
28. Назовите основные права и обязанности воинов в ранней Республике.
29. В чем заключалась суть воинской присяги воинов?
30. В чем состояли принципы воинской дисциплины в Риме до Пунических войн?
31. Перечислите основные религиозные ритуалы подготовки римской общины к ведению войны.
32. В чем заключались военные полномочия консулов?
33. Перечислите основные гипотезы происхождения диктатуры в Риме.
34. Определите место и значение магистратуры диктаторов в политической системе Рима ранней Республики.
35. Дайте характеристику роли сената в республиканской конституции.
36. Какое отношение имел сенат к военной организации республики?
37. Оцените механизм принятия политических и военных решений сенатом.
38. Что означает *auctoritas patrum*?

Учебные пособия данной серии

- Агеева И. А. История Канады
- Айзенштат М. П. Британия Нового времени.
Политическая история
- Ауров О. В. История Испании в Средние века
- Балезин А. С. Тропическая и Южная Африка
в новое и новейшее время
- Бобкова М. С. Западноевропейское историописание эпохи
катастроф
- Буданова В. П. Великое переселение народов
- Буданова В. П. Легенды и история готской одиссеи
- Данилевский И. Н. Исторический источник:
от текста к реальности
- Егорова Н. И. История холодной войны 1945–1990
- Коновалова И. Г. Средневековые путешественники (X–XV вв.)
- Котова Е. В. Новая история Австрии
- Маринович Л. П. Античная и современная демократия:
новые подходы
- Маркова С. П. Англия эпохи Средневековья
и раннего Нового времени
- Мельникова Е. А. Скандинавия в эпоху викингов
- Мельникова Е. А. Скандинавы в истории Руси
- Намазова А. С. История Бельгии. Новое и новейшее время
- Намазова А. С. Россия и Бельгия: история дипломатических
отношений
- Полякова Е. Ю. Ирландия в XX в.
- Репина Л. П. Социальная история в современной
историографии
- Сапрыкин С. Ю. Причерноморье в античную эпоху
- Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция
- Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме от эпохи царей
до Пунических войн (VI–III вв. до н. э.)
- Чекалова А. А. У истоков византийской государственности:
сенат и сенаторская аристократия Константинополя в IV – первой половине VI вв.

Учебное издание

Валерий Николаевич Токмаков

**АРМИЯ И ГОСУДАРСТВО В РИМЕ
ОТ ЭПОХИ ЦАРЕЙ ДО ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН**

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*

Ведущий редактор *Климкин М. С.*

Редактор *Кандинова Г. В.*

Корректоры *Аввакумова Л. В., Ширяева Н. Н.*

Художник серии *Новикова В. М.*

Компьютерная верстка *Самолетова Ю. А.*

Директор издательства *Чепыжев В. В.*

Подписано в печать 02.02.2007

Формат 60×84/16. Бумага офсетная

Гарнитура «PetersburgС». Печать цифровая

Усл. печ. л. 15,35. Тираж 1000 экз. Заказ № Т-046

ООО «Издательство «КДУ», 119234, г. Москва, а/я 587

Тел./факс: (495) 939-57-32, 939-40-51

[Http://www.kdu.ru](http://www.kdu.ru). E-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в типографии КДУ

Тел./факс: (495) 939-40-36. E-mail: press@kdu.ru